Красноармеец Краснофлотец

№ 3

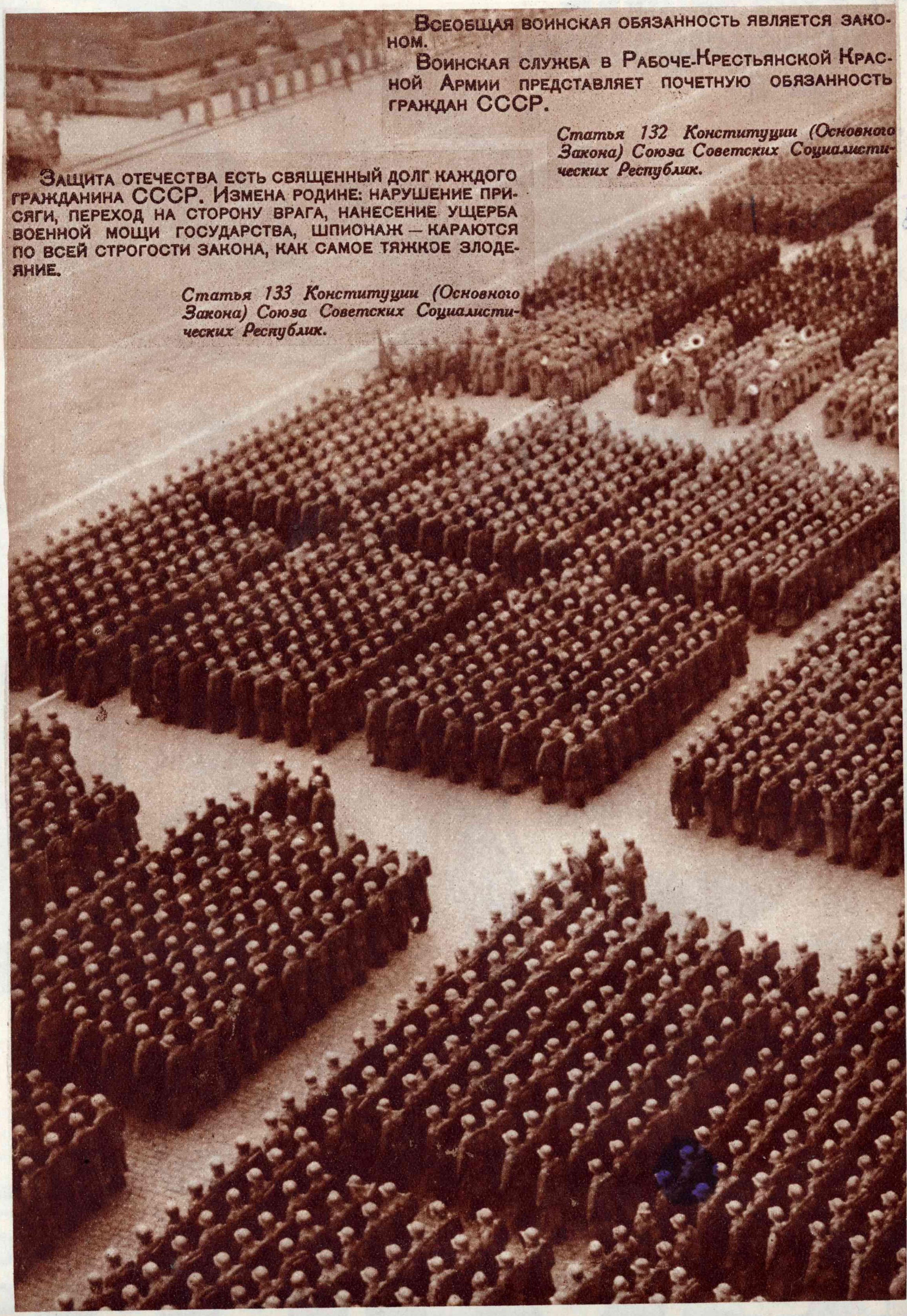
Институт литературы
ЦИК СССР.
им. М. Горького
38-15233п.

Обложка худ. И. Гринштейна

1918-1938

М 1234

Цена 50 коп.



Всеобщая воинская обязанность является законом.

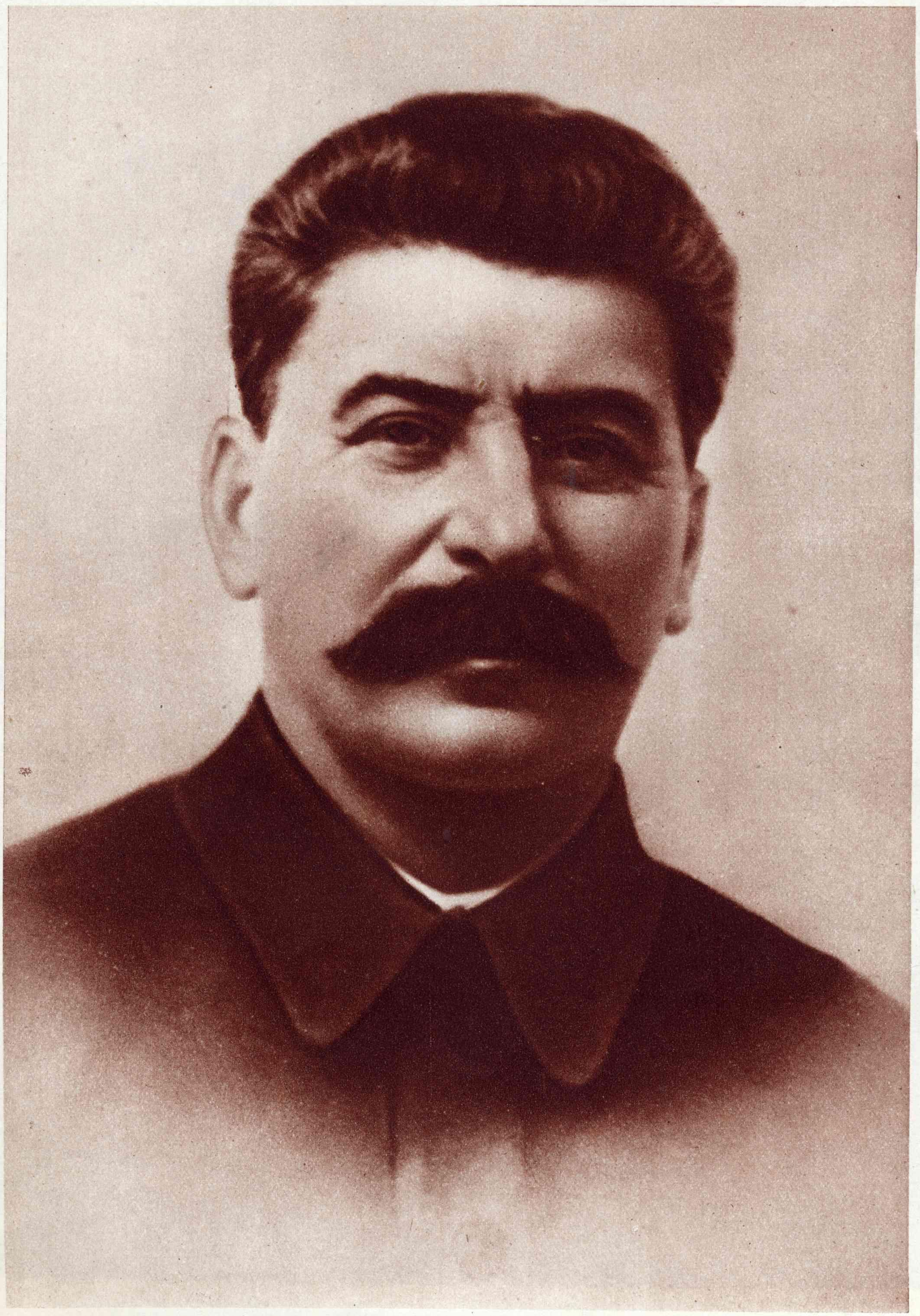
Воинская служба в Рабоче-Крестьянской Красной Армии представляет почетную обязанность граждан СССР.

Статья 132 Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик.

Защита отечества есть священный долг каждого гражданина СССР. Измена родине: нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж — караются по всей строгости закона, как самое тяжкое злодеяние.

Статья 133 Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН.



ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ СТАЛИН.

Народный Комиссар Обороны СССР Маршал Советского Союза
КЛИМЕНТ ЕФРЕМОВИЧ ВОРОШИЛОВ.

Институт литературы ЦИК СССР им. М. Горького

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Красноармеец
Краснофлотец двухнедельный литературно-художественный журнал

20 год издания № 3 ФЕВРАЛЬ 1938

XX ЛЕТ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

Красной Армии

ЛЕВ ЧЕРНОМОРЦЕВ

Ты собрала под славные знамена,
Никем непобедимая в бою,
Родной страны народ многоплеменный!
И, сын народа,
Я тебе пою!
Ты всех врагов недаром сокрушила.
И песнь твоя,
Как вешний гром, гремит!
Иосиф Сталин,
Фрунзе, Ворошилов
Вели тебя вперед, сквозь пламя битв!
И над тобой —
Грядущему навстречу —
Владимир Ленин руку простирал.
Ты на врагов обрушивалась смерчем,
И лавой шла
На Перекопский вал!
И за тобою — путь тысячеверстный
В снегах Сибири
И в донских степях...
Буденного, Чапаева и Щорса
Ты нам дала,
Рожденная в боях!
Немало ты героев воспитала,
Испытанных бойцов, большевиков!
Недаром Водопьянов, Громов, Чкалов
Взлетели стаей сталинских орлов.
И — горе тем, кто вздумает нарушить
Наш мирный труд!..
Ты — грудью броневой
Сомнешь врага. На море, и на суше,
И в воздухе ты будешь бить его!
Гордясь почетным долгом гражданина,
Мы все встаем
В ряды полков твоих!
Ты — школа мужества и дисциплины
Для наших поколений молодых,
И на твои победные знамена
Глядит, с любовью гордою, страна.
Шагаешь ты —
И поступь миллионов
В твоем строю размеренном слышна.

ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Майор П. В. Рычагов.

Майор И. И. Проскуров.

Комкор Д. Г. Павлов.

Комбриг В. С. Хользунов.

Майор А. Б. Юмашев.

КРАСНОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОМУ ФЛОТУ—20 ЛЕТ

Несокрушимым, прекрасно технически вооруженным, отлично обученным и закаленным, всегда готовым к борьбе с любым врагом, стальным отрядом стоят Красная Армия и Красный Флот на страже необъятных границ нашей прекрасной Родины.

Славную Красную Армию и Красный Флот Великого Октября—могучий оплот пролетарской диктатуры—создала, вырастила и воспитала партия большевиков. Их выпестовали Ленин и Сталин.

От вооруженных рабочих дружин и красногвардейских отрядов—славных предшественников Красной Армии, через огонь гражданской войны—до самой могущественной армии в мире—таков славный путь развития вооруженных сил нашего Великого Советского Союза.

Наша Красная Армия и Красный Флот рождались и закалялись в боях гражданской войны, в тягчайших условиях хозяйственной разрухи, в обостренной классовой борьбе. В боях со всей сворой белогвардейских генералов Колчака, Юденича, Деникина, Врангеля и других—отрядами международных интервентов—Красная Армия и Военно-Морской Флот, недостаточно вооруженные, но политически сплоченные, вышли победителями.

Мы оказались победителями потому, что наша Красная Армия и Красный Флот, боровшиеся за политику диктатуры рабочего класса, за ленинско-сталинскую политику, возглавлялись партией большевиков и величайшими стратегами нашей эпохи Лениным и Сталиным.

Гений Ленина в годы гражданской войны направлял меч пролетарской диктатуры и безошибочно определял направления удара по врагу. Гением Сталина, его огромным организаторским талантом и несгибаемой волей были обеспечены победы на решающих, наиболее ответственных фронтах гражданской войны. С именем Сталина связаны: оборона Царицына, подготовка разгрома Колчака, интервентов на севере, оборона Петрограда, разгром Деникина, создание Первой Конной армии, освобождение от белополяков Украины, разгром Врангеля.

Партия Ленина—Сталина бросала своих лучших сынов на руководство вооруженной борьбой против мировых интервентов и отечественной белогвардейщины. Славный соратник товарища Сталина—товарищ Ворошилов участвует под Царицыном, на Южном и польском фронтах, в разгроме Кронштадтского мятежа. Товарищ Фрунзе—на Восточном, Туркестанском и Южном фронтах. Товарищ Киров—под Астраханью, на Северном Кавказе и Закавказье. Товарищ Каганович—под Воронежем, на Южном фронте. Товарищ Куйбышев—против Колчака и в Средней Азии. Товарищ Орджоникидзе—на Южном фронте и Кавказе. Везде мы видим представителей и руководителей нашей партии и Советского правительства на ответственных участках гражданской войны.

История гражданской войны бережно хранит имена народных и славных героев, выпестованных великой партией Ленина—Сталина, воспитанных боевыми днями гражданской войны. Это Чапаев, Щорс, Лазо, Пархоменко, Руднев, Фабрициус, Котовский и другие.

Немало героических страниц вписали Красная Армия и Военно-Морской Флот в свое славное прошлое. Победы совершены были потому, что наша армия и флот имели поддержку не только рабочих и крестьян Советской страны, но и широких масс трудящихся капиталистических стран.

Ленинско-Сталинский Центральный Комитет нашей партии и лично товарищ Сталин изо дня в день уже в годы мирного строительства руководят дальнейшим укреплением обороны нашего Союза и боеспособности Красной Армии и Военно-Морского Флота.

Окруженная вниманием партии и правительства, которые неустанно оснащают армию и флот самой современной техникой, при мастерском руководстве наркома обороны, первого маршала СССР товарища Ворошилова, Красная Армия превратилась в мощную современную, технически передовую армию, не уступающую по своим военно-техническим качествам самым сильным армиям мира.

Решением первой сессии Верховного Совета Союза ССР наша Советская держава должна иметь сильный морской и океанский флот.

В своей исторической речи на Пленуме Московского Совета, посвященной X годовщине Красной Армии, товарищ Сталин с гениальной ясностью и простотой показал особенности нашей армии.

Наша армия есть армия освобождения рабочих и крестьян, армия Октябрьской революции, армия диктатуры пролетариата. Наша армия является армией братства между народами нашей страны, армией защиты свободы и независимости народов нашей страны. Наша армия с первого же дня своего рождения воспитывается в духе интернационализма, в духе уважения к другим народам, в духе любви и уважения к трудящимся всех стран, в духе сохранения и утверждения мира между странами. Эти особенности Красной Армии и Военно-Морского Флота дали им победу в гражданской войне, они дадут им победу в предстоящих боях.

Залогом дальнейшего соблюдения и сохранения особенностей Красной Армии и Флота служит все возрастающий рост, политическая сознательность, преданность красноармейцев и краснофлотцев, командиров и политработников.

Наша социалистическая родина каждый год дает армии и флоту первоклассное преданное советское поколение.

Наша социалистическая Родина воспитывает новых героев, отличников боевой и политической подготовки.

Наша социалистическая Родина еще больше укрепляет связь Красной Армии и Флота с трудовым советским народом.

Враги народа, мерзкие троцкистско-бухаринские фашистские наймиты иностранных разведок пытались поколебать морально-политическое единство советского народа, его крепчайшую, неразрывную связь с родной коммунистической партией, с любимой Рабоче-Крестьянской Красной Армией.

Враги вдребезги разгромлены. Советский народ, Красная Армия и Красный Флот заклеймили этих псов ненавистью и презрением. Под славным водительством сталинского наркома Н. И. Ежова советская разведка развеет впрах и окончательно истребит всех подлых гадов и предателей.

Ликвидация этой гнусной фашистской агентуры еще более усиливает обороноспособность нашей страны.

В день XX годовщины, устами своего железного наркома, маршала Советского Союза товарища Ворошилова Красная Армия и Красный Флот заявляют 170-миллионному советскому народу, что они готовы к встрече врага на любом участке.

«Наша Армия существует не для нападения, но только до момента нападения врага на нашу Родину. Она будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий, если враг ее понудит к этому» *(К. Е. Ворошилов).*

ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Майор С. А. Черных.

Ст. лейтенант М. В. Юдин.

Комдив М. П. Петров.

Капитан Н. Ф. Баланов.

Полковник И. И. Копец.

Вл. Лидин

Хозяин

Рис. С. Зелихмана

Мы возвращались с заставы, славной своими боевыми делами. Осень уже тронула сопки. За Уссури начинался Амур. Катерок шел вдоль правого берега с его казачьими селами и редкими в этой части реки стойбищами нанайцев. Осенняя кета уже закончила ход, и на вешалках возле реки краснели, как флаги, пласты провяленной рыбы. Моторист катерка, веселый, разговорчивый комсомолец Миронов, довольный этим полным солнечным днем осени, работой мотора, тем, что может показать он приезжим замечательные места на Уссури, высунул снизу курчавую голову.

— Надо бы вам еще моего батьку проведать! — сказал он, озабоченный приисканием всех этих потребных для нас дальневосточных людей. — Старик, честное слово, что надо...

Он поднялся на ступеньку повыше, в майке небесной голубизны, со ртом, полным молодых зубов, с негритянским изобилием курчавых волос, которые не мог разодрать даже ветер. Из машинной внизу привычно повевало керосином и перегретым маслом. Мы поинтересовались отцом комсомольца Миронова — искали мы дальневосточников, тех, кто отбивал пятнадцать лет назад этот край и кто остался затем его строить.

— Я вам скажу про отца, — сказал Миронов, присаживаясь на порожек схода, чтобы одним ухом прислушиваться к работе мотора. — Тут у нас люди на одном месте не держатся. На Дальний Восток как ездить привыкли — посмотрел, подработал и назад — в Москву там, или еще куда. А вот людей, которые за этот край свою кровь проливали да не только никуда не ушли, а и сынов своих никуда не пустили, — не так-то их много... Вот берите отца, описывайте насчет него как и что, все верно будет. Если ищете настоящих дальневосточных людей, то он среди первых.

И мы узнали еще, что отец комсомольца Миронова был партизаном, дрался вместе с Лазо, был ранен под Волочаевкой в грудь, потом вернулся на Амур, работал на рыбном промысле простым ловцом, стал его управляющим, поставил дело; теперь инструктирует рыболовецкие колхозы по Амуру до самого Николаевска; всюду его знают, русские ловцы, нанайцы и гиляки.

За Казакевичевым начинался Амур. Мы были еще полны впечатлений от славных дел пограничной заставы, от ее молодых бойцов, от скромных их рассказов об отважных поступках, которые считали они обычным будничным делом защитника страны. И мы решили посетить еще одного человека — инструктора по рыбному делу Миронова. Над Амуром лениво лежала короткая осень. Осенний разлив затопил его берега, и леса стояли в воде, блистая серебристым подлистьем и похожие на гигантские заросли тростников. Казалось, одушевление комсомольца Миронова передалось керосиновому двигателю катерка — так он оживленно трещал, пованивая перегаром, и гнал по обе стороны две плоские широкие волны.

Под вечер мы причалили к большому селу, поднятому, как все приамурские села, на высоту крутого берега. Внизу, вдоль реки, были развешаны сети рыбалки и стояли бочонки с засоленной рыбой.

— Вот тут мы его и найдем, — говорил оживленно Миронов, одолевая впереди нас крутизну горки. — Я его сам, отца, месяцев шесть не видал... носит его по Амуру туда-сюда. Он за одно лето, может, десять раз до Николаевска смотался... а ведь шестьдесят восемь лет.

В правлении рыболовецкого колхоза, куда привел нас, наконец, моторист, мы и нашли бывшего партизана, ныне инструктора по рыбному делу Миронова.

— Вот, папаша, — сказал моторист так, словно расстался с ним только вчерашний день, — гости из Москвы, принимайте! Нужны им разные дальневосточные боевые люди... Ну, конечно, побывали и на заставе, но там ведь только молодые бойцы, а им надо потолковать кое с кем и из старых.

Говоря так, оглядывал он не без гордости своего старика. Мог он гордиться ловкой и худощавой его фигурой. Орлиный нос и глаза, зажатые в треугольник морщинок, выдавали в том охотника и следопыта. Был и охотником, и следопытом, и знатоком хода кеты и сроков и приемов ее лова бывший партизан Миронов. Гимнастерка сидела на нем по-военному, и вот только недоставало ремня ружья через плечо, чтобы предстал он в истинном облике дальневосточного партизана. Мы сели на деревянной скамейке в правлении колхоза, с диаграммами вылова на стенах и с инструкциями по рыбному делу.

— Подходящее Василья Игнатыча вам по Амуру человека, конечно, не сыскать, — сказал председатель колхоза, молодой рослый ловец Акимов. — Его и на Сахалине знают, и на Камчатке его ученики, его и гиляки и нанайцы добром поминают.

Было во всем этом уважение молодости к старшему поколению, к людям, которые отбивали в свою пору Дальний Восток, не одну могилу оставили в распадках и на Волочаевской сопке, и вот идут теперь в первых рядах и указывают дорогу молодым. И мы сели и приготовились слушать про жизнь Василия Игнатовича Миронова. Он вдруг засморкался, затеребил цветным платком орлиный свой нос — привык он к тайге, к одиночеству, к простым и суровым делам, а не к любопытству в отношении обычной, трудовой, ну, конечно, боевой в прошлом, да и в будущем, если понадобится, жизни.

— Вот и не знаю, право, что вам такого рассказать, товарищи, — сказал он, протрубив в платок носом. — Ну, что же, насчет прошлых наших дел вы слыхали... партизанили мы

Мы сели и приготовились слушать про жизнь Василия Игнатовича Миронова.

тут на Амуре, дрались за Дальний Восток. Но про это ведь в книгах написано. Случаи вам рассказать какие... так вся партизанская жизнь состояла из этих случаев; тут что ни расскажешь — все случай. Теперь молодым больше рассказывать, чем нам, старикам. — И он любовно оглядел и председателя колхоза Акимова и курчавого и веселозубого своего моториста. — Ну, а так, потрудились, конечно, на Дальнем Востоке. Шестьдесят восьмой год по нему хожу, топаю... Амур еще диким знал, а теперь новый город Комсомольск на нем вырос; в какое стойбище ни сунешься — школа. А о себе что сказать? Вот езжу по Амуру, инструктирую, ставлю дело... колхозы у нас есть — в первый ряд выдвигаются. Таких рыбных богатств, как в Амуре, ни в одной реке в мире не сыщешь. Ну, а главное, конечно, ребят подвыростил; все тут работают, ни один с Дальнего Востока не ушел.

Тут мы полюбопытствовали о детях Миронова.

— Детей у меня шесть человек, — сказал он степенно, как рачительный хозяин всего этого обширного отцовского хозяйства. — От первой покойной жены — трое, да от второй — трое. Всего шесть человек. Ну, возьмем по порядку. Старший сын Иван капитаном дальнего плавания плавает, на Колыму суда водит. В Арктику водил, случалось. В проводке судов из Владивостока в Архангельск участвовал. Человек теперь на Дальнем Востоке известный. Тихоокеанский человек, можно сказать. Второй сын Капитон — лейтенантом на пограничной заставе... возле Гродекова, слышали? Ну, этот — самый боевой, ничего не скажешь. Я думаю, о нем, лейтенанте Миронове, и в Манчжурии слухом слыхали.

Он задумался. Вот вышел сын, Капитошка Миронов, на боевую дорогу, продолжает дело, которое начинало еще старшее поколение, стоит на посту. Есть о чем подумать старику, глядя в прошлое, острыми ноздрями охотничьего своего носа нюхая ветер со степей Манчжурии.

— Третья дочь Анна по моему делу пошла... работает в тихоокеанском институте рыбного хозяйства научным работником. Две работы по ихтиологии имеет... я думаю, еще дальше пойдет. Наука, знаете, широкая... рыбное дело в дальневосточных наших морях только начинаем по-настоящему ставить. Ну, ребята все патриоты Дальневосточного края... никто отсюда никуда не уйдет! — добавил он не без гордости. — Дел здесь по горло, только возьмись. Четвертый сын — Алексей — работает помощником машиниста на Уссурийской дороге... теперь Дальневосточной дороге. Эти все молодые, стахановцы; вам, наверное, про их дела и читать приходилось. Конечно, подумать если: чем был Дальний Восток и чем стал... В русско-японскую войну на моей памяти эшелоны из Москвы по два месяца шли, да на ледоколе через Байкал переправлялись. Теперь идет какой-нибудь там поезд с грузом, людей никогда так не возили! — И он опять протрубил в свой платок, взбудораженный всеми этими чувствами. — Ну, что же, пятый вот Миколка — моторист... тот, наверное, про себя уже сам рассказал.

Народный Комиссар Военно-Морского флота армейский комиссар 1-го ранга
П. А. СМИРНОВ.

Тут он улыбнулся. Верно, рассказал нам по дороге Миколка про тысячу планов, которым было тесно в голове моториста: вот хочет он поплавать по Амуру мотористом, потом поступить в мореходный техникум, стать механиком на пароходе. Пароходы в ту пору пойдут большие, построется судостроительный завод в Комсомольске. А там, в случае чего, и до корабельного инженера недалеко дотянуть. Планы Миколки мы знали, и тут нечего было отцу рассказывать.

— Остается младшая дочка Ольга. Ну, эта еще на вылете... кончает в Хабаровске школу. Пионерка, отличница. Имеет склонность к ботанике... есть такая книга «Манчжурская флора», самая первая для нее книга. Летом со всякими там растениями возится, подбирает, высушивает... составляет таблички. Вот и все мое хозяйство. — И Миронов улыбнулся вторично. — Старался как мог, выращивал детей... все дальневосточники, к Дальнему Востоку привязаны, ничем их отсюда не сманишь.

И Миколка солидно подтвердил:

— Не сманишь!

— Ну, а про партизанские наши дела рассказывать не буду. Тут рассказов на три месяца хватит.

— Вы бы рассказали, Василий Игнатыч, как среди гиляков работали, — сказал председатель колхоза.

— А работал и работал, как здесь работаю... — сказал старик уже полусердито. — Работать надо честно, хорошо работать, на совесть работать... за что взялся — то и выполняй до конца. А о том, как работаем, вот что рассказывает лучше нас... тут никакие слова не помогут. — И он показал на сведения о вылове, висевшие на стене в правлении колхоза.

— Скупишься, отец, — сказал укоризненно Миколка, — они из самой Москвы приехали послушать и записать. Ладно, товарищи, я за него вам все доскажу, — добавил он решительно и подтянул брюки, как бы готовясь к действию.

Старик Миронов спустился проводить нас на берег. Он стоял с непокрытой головой, под редеющими волосами желтела кожа его крепкого черепа, орлиным носом он понюхал погоду.

— Держись ближе к берегу, — сказал он наставительно старшине катера. — Амур катеришек не любит.

Опять затарахтел моторчик, пахнуло перегаром масла и керосином; курчавая голова моториста торчала снизу, из моторного помещения. Широкая, плоская волна качнулась и поползла в сторону.

— Скажите там: работаем помаленьку на Дальнем Востоке, — крикнул Миронов на прощание. — Сыны на места отцов становятся!

И он остался на берегу — скромный инструктор по рыбному делу, бывший партизан, знаток хода и лова кеты, хозяин большого отцовского хозяйства, где шесть человек были расставлены им на надежные посты защиты и преобразования края — самого любимого и прекрасного края, которому отдадут они свои труды, и работу, и жизнь.

Лучше всех

Александр Сомах

— 1 —

По над рощею старинной плавал белый самолет...
Шла стрелковая лавина за танкетками вперед.
Только вскрикивало эхо — пулеметным говорком...
В это время к нам приехал на учения — Нарком.
Вот он — близкий и знакомый, с командирами стоит.
Мы спросили у Наркома: „Кто сегодня победит?
У кого сильней сноровка? Для кого преграды нет?
Кто в ученьях самый ловкий?“ — и услышали в ответ:
Удалые летчики, быстры пулеметчики,
Лихая кавалерия, конно-артиллерия,
Развеселые танкисты, летуны-парашютисты,
Мастера-подрывники, и шоферы, и стрелки,
Инженеры, снайперы, зенитные мастера,
Доктора и санитары, повара и кашевары...
Красной Армии сыны — все удалы, все сильны!

— 2 —

Возвращаясь из похода, наши красные полки
Стали лагерем на отдых на опушке, у реки.
Птицы вьются в небе синем, задувает ветерок...
Нет усталости в помине — пляшут восемь тысяч ног.
Кашевар вприсядку ходит, летчик лебедем плывет...
Из села народ приходит, и спросили мы народ:
„У кого сильней сноровка? Для кого преграды нет?
Кто же в пляске самый ловкий?“ — и услышали в ответ:
Удалые летчики, быстры пулеметчики,
Лихая кавалерия, конно-артиллерия,
Развеселые танкисты, летуны-парашютисты,
Мастера-подрывники, и шоферы, и стрелки,
Инженеры, снайперы, зенитные мастера,
Доктора и санитары, повара и кашевары...
Красной Армии сыны — все умелы, все сильны!

— 3 —

Словно маки, словно розы в чистом поле расцвели;
То из ближнего колхоза наши девушки пришли.
Гармонист их встретил гордо, только дрогнула рука —
На побитие рекорда растянул баян меха.
Вихрем пары закружились, шпоры звонкие бренчат...
Мы к девчатам обратились и спросили у девчат:
„Кто красивей и стройнее? Для кого преграды нет?
Кто вам нравится сильнее?“ — и услышали в ответ:
Удалые летчики, быстры пулеметчики,
Лихая кавалерия, конно-артиллерия,
Развеселые танкисты, летуны-парашютисты,
Мастера-подрывники, и шоферы, и стрелки,
Инженеры, снайперы, зенитные мастера,
Доктора и санитары, повара и кашевары...
Красной Армии сыны — все красивы, все стройны!

П. КОРЗИНКИН

ПОДАРОК

Рис. Ардо

В ночь на 23 февраля Андрея Руденко внезапно назначили в наряд. Очередь была не его. Но, как на беду, простудился Лозовский, и врач дал ему освобождение. Приходилось отказаться от вечера в поселковом клубе. А Лина будет ждать и, не дождавшись, должно быть, пойдет танцовать с этим верзилой Перебейносом. Тоже фамилия, Перебейнос! Подумаешь, важность — пулеметчик! Он, Андрей Руденко, хоть и не пулеметчик, а только стрелок, да зато — киномеханик звуковой установки. А звуковое кино — тут, брат, вся современная физика!

Неудачи никогда не приходят в одиночку. Андрею достался самый дальний участок: от берега Пачехезы до деревушки Эртыгоу. И от заставы далеко, и место уж больно пересеченное — пади, сопочки, кусты.

— Вы, Руденко, будто недовольны? — спросил начальник заставы.

— Никак нет, что вы, товарищ лейтенант!

— С Линой, небось, потанцовать хочется?

Руденко покраснел и признался.

— Хочется... Вы откуда знаете?

— Я все знаю, — засмеялся лейтенант. — Ну, ничего, вернетесь, а вас какой подарок ожидает!

Андрей наклонился над следом.

И, переходя на официальный тон, лейтенант Коробов закончил:

— Вы, товарищ Руденко, будете старшим наряда. Напарник остается старый — боец Казаков. Сегодня будьте особенно внимательны.

На дворе свирепствовала вьюга. Морозный ветер ударил в лицо.

— Эк, тебя разбирает! — буркнул Казаков, поводя плечами, чтобы лучше ощутить теплый тулуп. — Градусов тридцать будет.

Андрей не ответил.

«О каком подарке сказал начальник? — думал он. — От кого?»

До места шли долго. Луна, огромная и белая, сияла сквозь набегавшие обрывки облаков. Ветер дул с северо-востока, с океана. Он сдувал снег, и земля лежала голая, промерзшая и жесткая. В падях снега было больше, и на быстром ходу он хрустел под ногами, как сухой хворост.

Дойдя до трех кустов, Руденко отыскал еле заметную ложбинку, лег на землю и пополз. Казаков полз сзади. Они продвигались уверенно: каждая складка местности давно здесь была знакома.

Смена произошла быстро.

Впереди, где-то совсем близко, лежала невидимая линия границы.

«Сколько нас лежит сейчас вот так? — думал Андрей. — На двадцать одну тысячу километров протянулась наша сухопутная граница, и всюду — зоркие глаза. Эти глаза не смыкаются ни днем, ни ночью».

Андрей смотрел по сторонам, стараясь определить в белесом свете луны, где именно проходит граница.

Андрею почудилось, что он уже давно, давно лежит здесь. Холод сковывал тело, оно стыло и наливалось тяжестью. С трудом Андрей дотянулся до часов. Было десять минут первого.

Ветер яростно бушевал. Щемящей болью мороз проникал в ноздри, и казалось, что вот-вот они смерзнутся. Колючие, мелкие иглы мороза впивались в лицо, проникали сквозь тулуп, залезали под шлем, в самую черепную коробку. Ноги одеревенели, а промерзшие валенки превратились в негнущиеся дубовые колоды. Сталь винтовки жгла руки сквозь двойные перчатки.

Ветер стонал в голых ветках и жалобно высвистывал нескончаемую мелодию.

За ночь Андрей и Казаков поочередно несколько раз обходили свой участок. К утру ветер стих, пошел снег, и сразу потеплело. Луна скрылась. Снег падал крупными влажными хлопьями. Они тихо кружили в воздухе, покрывая сухие листья, траву и корявую землю мягким белым пологом. От снега стало светлее.

— По первому снегу хорошо следы видно, — сказал Андрей. — Пойду проверю границу, а ты оставайся тут.

Он снова пополз по ложбине. Отойдя в тыл, Руденко двинулся в обход. Снег всюду лежал чистым ровным слоем. В сопках, после ветра, стояла тишина, и было слышно, как далеко в тайге поскрипывали на морозце кедры.

Андрей дошел почти до конца участка и внезапно остановился.

«Вот он, след!» — мелькнуло в голове.

Тонкая линия, прорезавшая снежную белизну, пересекала путь. Андрей наклонился над следом. Ноги прошедшего здесь оставили какой-то непонятный, прямоугольный отпечаток. Он не имел ни носка, ни пятки.

«Куда он шел? К границе или в тыл? — лихорадочно работала мысль Андрея. — Тыл велик, догнать успею, а до границы четыреста метров».

Андрей побежал к границе. Закоченев за ночь, он обрадовался, что представился случай пробежаться. Продираясь через кусты, обегая бугры, он чувствовал, как быстрее играет кровь, как согреваются руки. След вился там, где пройти было всего труднее.

Добежав до поляны, Андрей осторожно вышел на опушку. Впереди в белом халате шел человек. Он пробирался к границе. До него было несколько десятков метров. Андрей хорошо видел его фигуру с мешком за плечами.

Несмотря на холод, нарушитель шел, сняв шапку и держа ее в руках. Сделав шаг, он останавливался, вытягивал шею, повертывал голову и прислушивался. Только после этого он делал следующий шаг. Ноги он ставил прямо, не волоча их по снегу.

— Стой, руки вверх! — крикнул Руденко.

Вместо ответа незнакомец бросил шапку, одним движением смахнул с плеч мешок и побежал.

— Стой! — снова крикнул Андрей, стреляя в воздух.

Нарушитель повернулся. В его руках был карабин. В одно мгновенье карабин взлетел к плечу, и, не целясь, неизвестный выстрелил. Но выстрела не раздалось.

Густая смазка замерзла, и затвор отказал. Отшвырнув карабин и пригнув голову, человек зигзагами побежал к границе. Видно было, что

это опытный, хитрый враг. Он бежал легко, и Андрей видел, что отстает.

Припав на колено, Руденко выстрелил еще раз. Нарушитель опять повернулся. Теперь он держал в руках револьвер. Андрей услышал, как четыре раза над головой с ноющим звуком пронеслись пули.

Хорошо прицелившись, Руденко выстрелил. Он увидел, как револьвер выпал из рук незнакомца. Андрей вскочил и бросился вперед. Но в это мгновенье нарушитель взмахнул левой рукой. В воздухе мелькнуло что-то, и рявкнул взрыв. Граната упала между ними. Огненный цветок разрыва вспыхнул на снегу и сейчас же погас. Осколки со свистом рванули воздух.

— Вот и я к вам с подарком. Принимайте, товарищ лейтенант!

— Теперь все! Сдаюсь! — крикнул нарушитель.

Русская речь неожиданно резнула ухо. Почему-то Руденко думал, что нарушитель не должен быть русским.

...У ограды заставы их встретил начальник. По тревоге, поднятой стрельбой и взрывом, на участок был выслан новый наряд. Нарушитель, поддерживая перевязанную руку, шел впереди. Сзади с винтовками в руках шли улыбающиеся Руденко и Казаков. За спиной у Казакова болтался мешок незнакомца.

Отрапортовав начальнику, Руденко добавил:

— Вот и я к вам с подарком. Принимайте, товарищ лейтенант!

— Что это у вас на ногах? — спросил Коробов, взглянув на задержанного.

Поверх многочисленных портянок нарушитель обул на ноги прямоугольные постолы из автомобильных шин. Это они оставляли прямоугольные следы. Обыск подтвердил, что задержанный — опасный и опытный диверсант. В его мешке нашли хлеб, три кило сала, валенки, которые он снял, переходя границу, иодоформ и важные документы со схемами некоторых укреплений.

— Товарищ Руденко, — позвал лейтенант Андрея, — я обещал вам подарок. Получите!

Он взял со стола большой, аккуратный ящик. Это была посылка. Андрей вскрыл ее, и на него пахнуло яблочным ароматом. Конфеты, какие-то свертки, вещи, коробки, и поверх всего лежало письмо.

«Сегодня, когда колхозники обсуждали отчет о распределении доходов по трудодням, — сообщалось в письме, — многие говорили про тебя. Все приветствовали Красную Армию, которая стоит на защите нашего мирного труда. Колхозники решили послать тебе, нашему земляку, письмо и посылку к юбилею Красной Армии».

Дальше сообщалось, что этот год принес много побед колхозу. Помимо хлеба и продуктов, колхозники получили много денег. В колхозе электрифицировали все дома, купили грузовую машину, построили фруктовую базу и начали строить театр. В заключение колхозники писали:

«Все поздравляют тебя с двадцатой годовщиной Красной Армии и новыми успехами в боевой и политической учебе. Мы также посылаем письмо и посылку товарищу Цикунову с вашей заставы. Хотя у него здесь и нет родичей, но пусть знает, что колхозники ему всегда друзья и братья. Андрюша! Угости яблоками своих товарищей и прочти им наше письмо. Пусть знают они, как живут колхозники артели имени Сталина! Поздравь их со славным юбилеем!»

Что-то теплое закипало в груди у Андрея. Он чувствовал, как за его плечами, вот за этими сопками, дышала огромная, любимая родина. Ее дыхание доносилось и сюда, на далекую заставу.

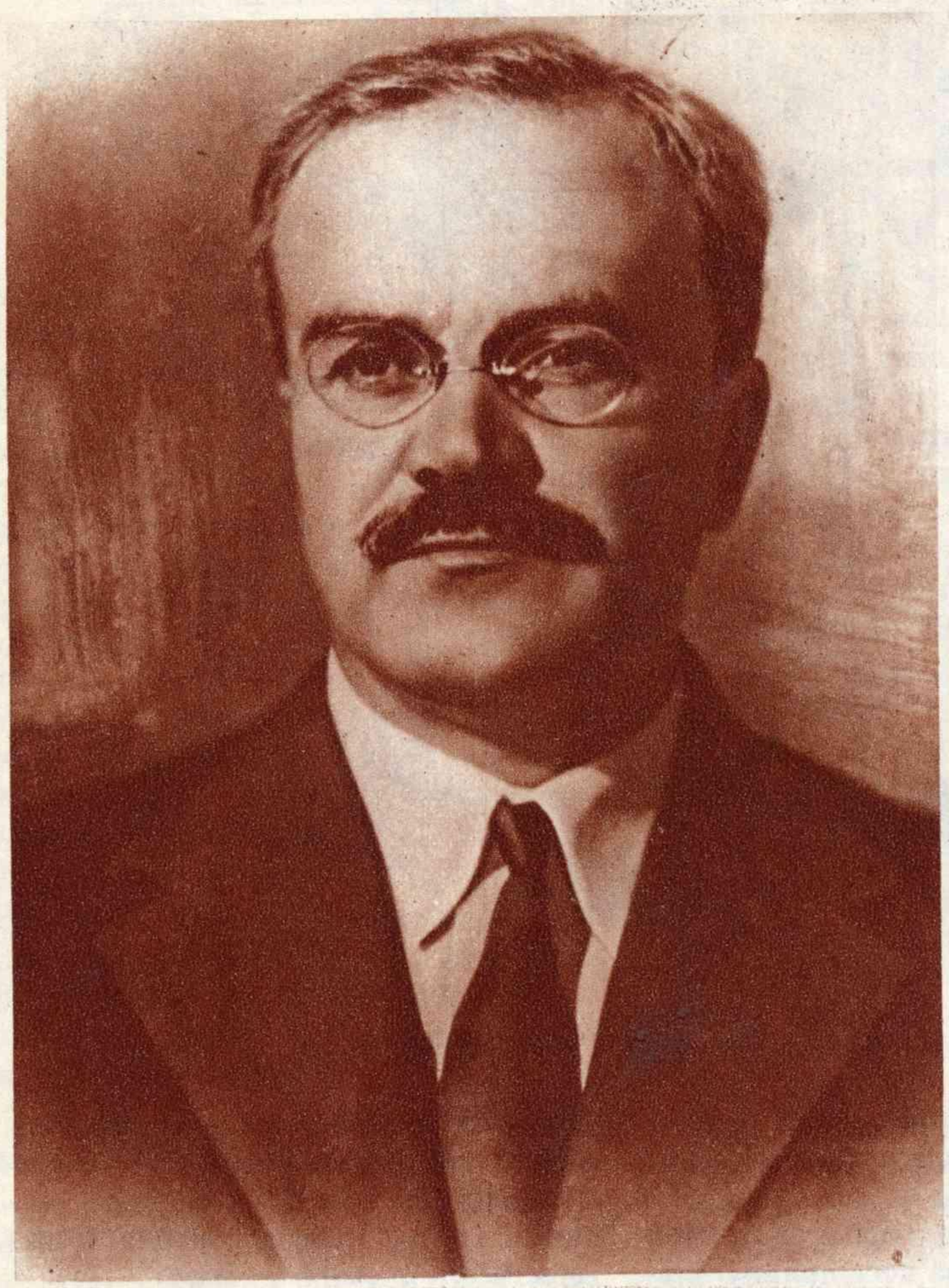
Капитан Иван Ковалевский

Проводы

Собирай
В путь-дорогу, мамаша,
Дай башлык
И кубанку мою!
За Кубань,
За колхозную нашу,
Самым первым я
Буду в строю.
Вся станица
С утра наряжает,
Как на праздник,
Своих сыновей,
Сбор уже
Сигналисты играют,
Слышен топот
Походных коней.

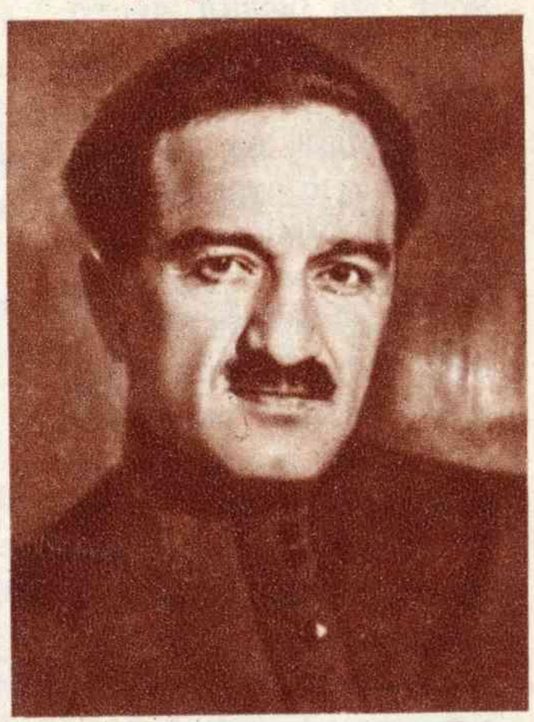
А тебе, моя мать,
Не журиться,
Ждать меня —
И лелеять мечту,
Сын твой будет
Прилежно учиться,
Будет в сотне
На лучшем счету.
Партизанскую
Острую шашку
Без опаски
Вручи мне, отец!
За Кубань,
За колхозную нашу,
Буду самый
Надежный боец.

Совет Народных



Председатель Совета Народных Комиссаров СССР В. М. МОЛОТОВ.

Заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров СССР В. Я. ЧУБАРЬ.



Заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров СССР А. И. МИКОЯН.

Заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и Председатель Комиссии Советского Контроля С. В. КОСИОР.

Председатель Госплана СССР Н. А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ.

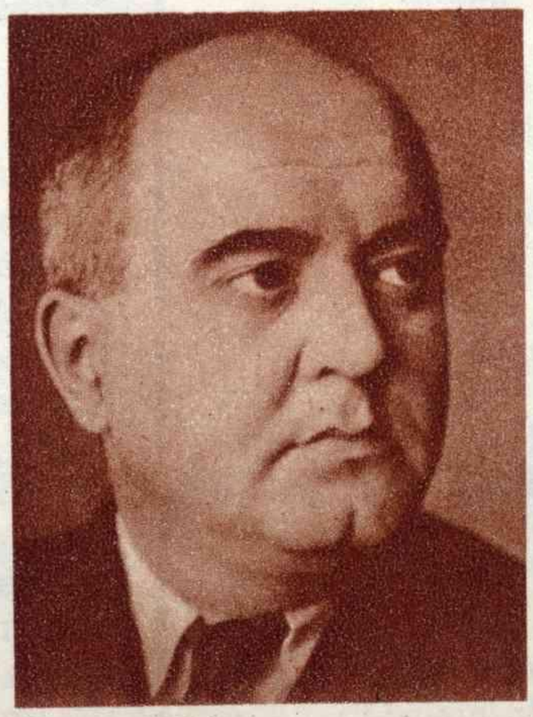
Народный Комиссар иностранных дел М. М. ЛИТВИНОВ.

Народный Комиссар внутренних дел Н. И. ЕЖОВ.

Народный Комиссар обороны К. Е. ВОРОШИЛОВ.

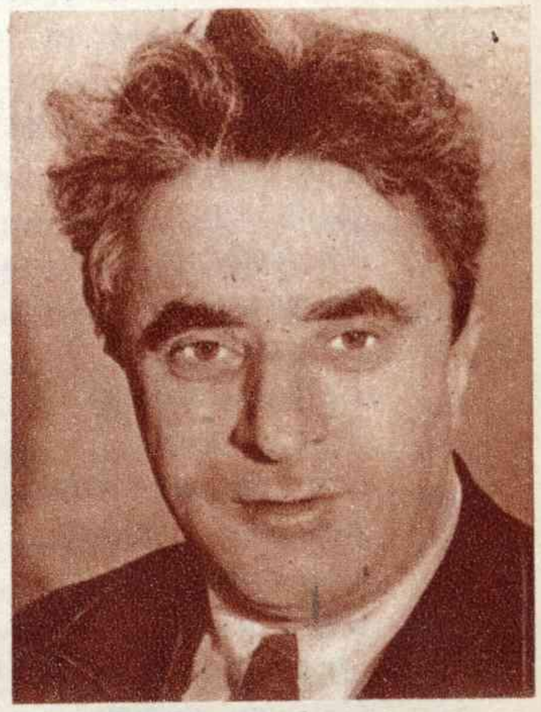
Народный Комиссар Военно-Морского Флота П. А. СМИРНОВ.

Народный Комиссар тяжелой промышленности Л. М. КАГАНОВИЧ.



Народный Комиссар машиностроения А. Д. БРУСКИН.

Народный Комиссар оборонной промышленности М. М. КАГАНОВИЧ.



Народный Комиссар пищевой промышленности А. Л. ГИЛИНСКИЙ.

Комиссаров СССР

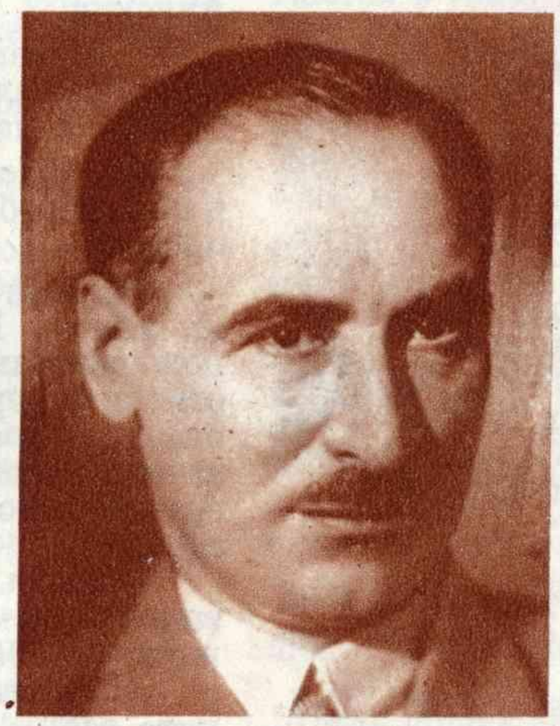
Народный Комиссар легкой промышленности В. И. ШЕСТАКОВ.

Народный Комиссар лесной промышленности М. И. РЫЖОВ.

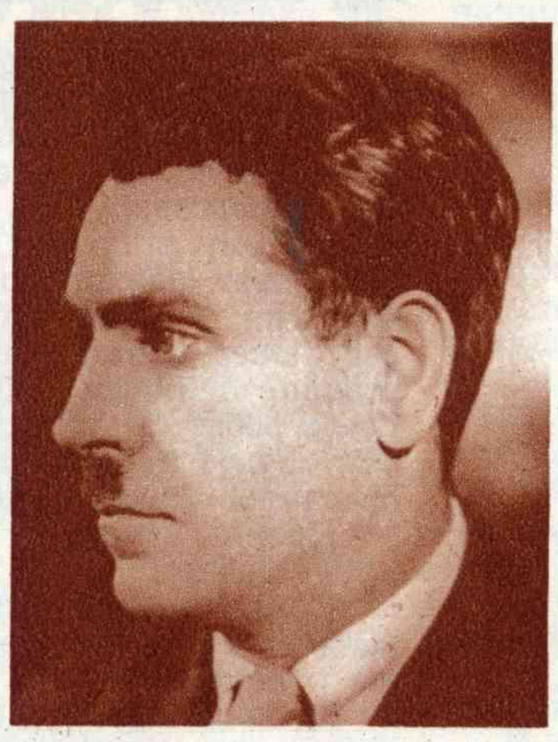
Народный Комиссар путей сообщения А. В. БАКУЛИН.

Народный Комиссар водного транспорта Н. И. ПАХОМОВ.

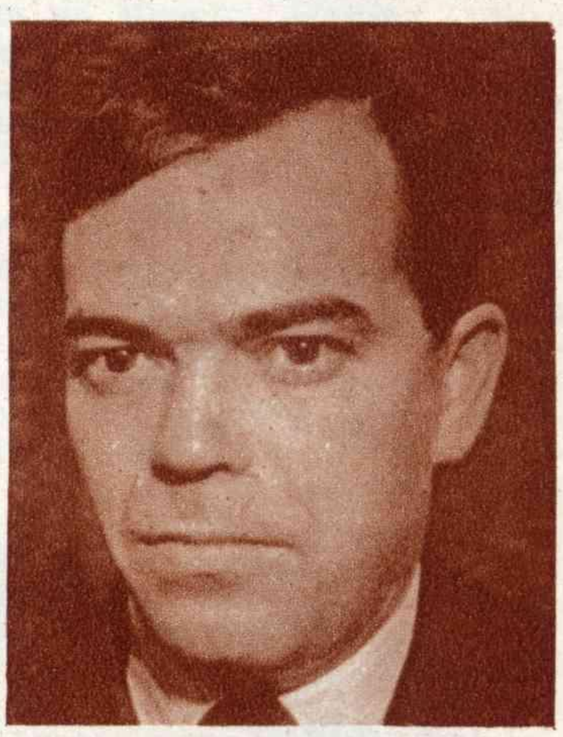
Народный Комиссар связи М. Д. БЕРМАН.



Народный Комиссар земледелия Р. И. ЭЙХЕ.



Народный Комиссар зерновых и животноводческих совхозов Т. А. ЮРКИН

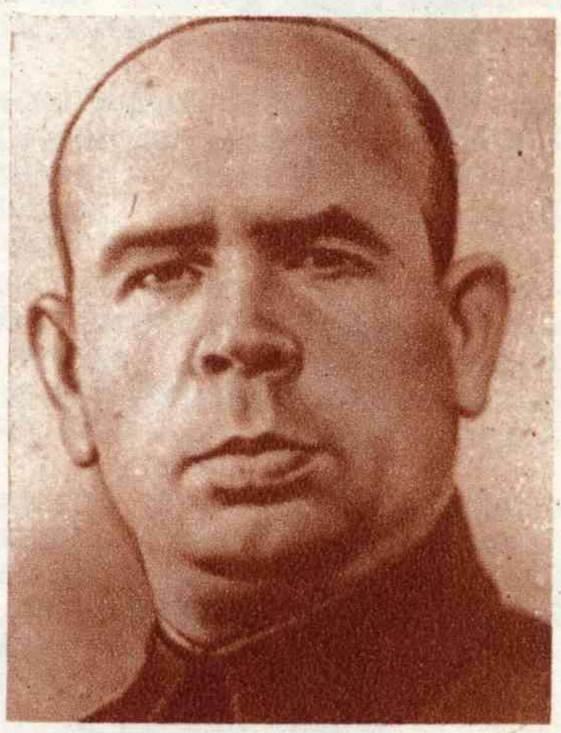


Народный Комиссар заготовок М. В. ПОПОВ.

Народный Комиссар финансов А. Г. ЗВЕРЕВ.

Народный Комиссар торговли М. П. СМИРНОВ.

Народный Комиссар внешней торговли Е. Д. ЧВЯЛЕВ.

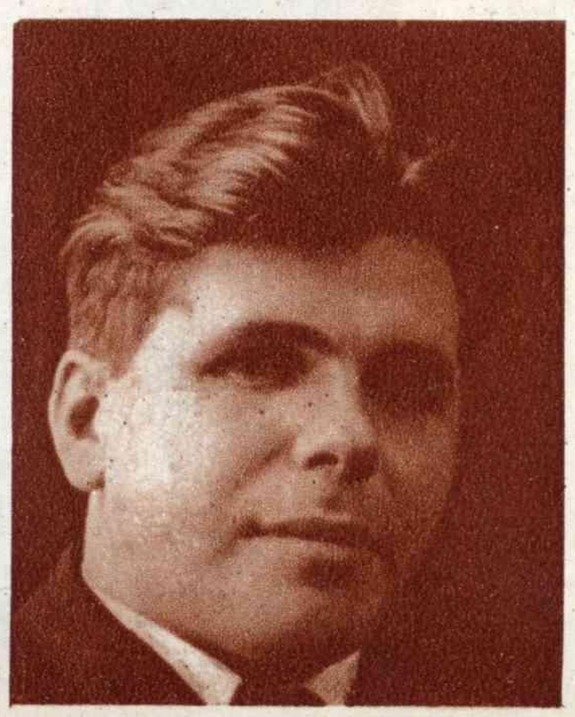


Народный Комиссар юстиции Н. М. РЫЧКОВ.

Народный Комиссар здравоохранения М. Ф. БОЛДЫРЕВ.

Председатель Правления Государственного банка А. П. ГРИЧМАНОВ.

Председатель Комитета по делам высшей школы С. В. КАФТАНОВ.



Председатель Комитета по делам искусств А. И. НАЗАРОВ.

М. АНДРЕЕВ

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Рис. С. Зелихмана

«Этот бой должен войти как славная страница в историю гражданской войны».

«Правда»

Арискин передавал в Кремль только что принесенную из штаба сводку. В ней рассказывалось о больших удачах наших войск на подступах к Казани.

Торопливо работая, он мысленно представлял, как в Кремле, в одной из комнат, у аппарата стоит Владимир Ильич и, сминая в руках телеграфную ленту, прищурившись, быстро читает вести с фронта.

Низко нагнувшись к аппарату, Арискин не заметил подошедшего к нему командующего. Командующий, облокотившись на стул, закурил, кашлянул.

— Что вам угодно? — обернувшись, спросил его Арискин.

— Кончайте работу и вызовите мне Кремль, — тихо сказал командующий, усаживаясь около Арискина:—нужно попросить к прямому проводу Владимира Ильича, — закончил он.

— Слушаюсь! — ответил Арискин и быстро заработал на аппарате.

В мыслях — радость. Он, Арискин, молодой телеграфист, будет сейчас разговаривать с Лениным. Задавать ему вопросы. Ленин ответит. Его ответ пойдет по всему фронту. Арискин, кончив работу, сейчас же расскажет своим товарищам о разговоре с Лениным. Заблестят радостью глаза ребят. Длинными осенними ночами будут перебирать каждое слово, сказанное Владимиром Ильичем.

Кремль ответил:

— Сейчас.

Командующий вынул из кармана записную книжку, пододвинулся ближе к аппарату.

Москва вновь повторила: «Сейчас»... и замешкалась.

Арискин, не отрываясь, смотрел на идущую из аппарата ленту.

— Что же вы не отвечаете?.. — вновь запросил он. — Командующий просит подойти товарища Ленина...

— Товарищи! — ответила Москва. — Владимир Ильич сегодня не может... — Московский телеграфист почему-то прекратил работу.

— Говорите яснее! — переспросил Арискин.

— Случилось... Ленин сегодня ран... — у Арискина сжалось до боли сердце. Командующий быстро приподнялся со стула.

— Пусть повторят, что сказали!— приказал он Арискину.

Арискин перебил Москву...

— Что случилось с Лениным?.. Скорее скажите!

Москва молчала.

— Москва, Москва... — быстро, как только мог, заработал Арискин. Начальник штаба навалился на его плечо. Борода командующего щекотала лицо Арискина. Белокурый механик Карачаров, обняв одной рукой спину командующего, другой помогал Арискину регулировать аппарат.

— Я, Москва... — еще ближе придвинулись к аппарату.

— Что же вы молчите?.. — запросил Арискин.

— Передаю сообщение... сегодня на митинге в Замоскворечье...

Аппарат щелкнул, и передача из Москвы оборвалась на полуслове.

Еще плотнее сгрудившись вокруг аппарата, командующий, начальник штаба, телеграфисты напряженно ждали, что дальше скажет Москва.

Прошло несколько томительных минут.

— Колька! — обратился Арискин к соседу слева. — У тебя Рузаевка есть?

— Нет...

— Что-то с Москвой неладно, ребята... — встревоженно проговорил Арискин.

— У меня Арзамас пропал! — крикнул телеграфист, работавший на другом аппарате.

Все вскочили, нервными движениями перебирая тянувшиеся по полу провода.

Арискин с Карачаровым выбежали на улицу. Провода шли по земле, под рельсами, под деревянным настилом перрона. У здания вокзала они толстым пучком поднимались на телеграфный столб и затем по телеграфным столбам уходили за пределы станции.

— Здесь все исправно, — обратился Арискин к вышедшему начальнику штаба, — тут что-то не так.

— Берите скорее паровоз и выясните все! — приказал тот.

Через несколько минут с катушками за спинами, с винтовками на коленях Арискин, механик Карачаров, еще двое телеграфистов сидели на тендере паровоза, зорко осматривая убегающие назад телеграфные столбы.

Старенький маневровый паровоз, гулко пыхтя и посвистывая цилиндрами, натужно выбирался на крутой подъем.

По дороге несколько раз останавливались. Быстро соскакивали с паровоза. Кучей бежали к столбам, где, казалось, провода подозрительно переплетались между собой. Ничего не найдя, ехали дальше, к Тюрлеме, ближайшей от Свияжска станции.

Осталось версты три. Вон тот лесок на горке проехать, и Тюрлема. Опять попался подозрительный столб. Слезли. Сергей Карачаров, привычно привязав к ногам железные когти, полез на столб. Телеграфисты, стол-

Сергей Карачаров полез на столб.

пившись около, смотрели на него, переговариваясь между собой.

Вдруг один за другим грохнули оглушительные взрывы. Карачаров застыл на столбе. Остальные быстро обернули головы к Тюрлеме. Ухнул еще взрыв сильнее первых. Задрожала земля под ногами. Из-за леса, где находилась Тюрлема, поднялось громадное облако черного дыма.

— На паровоз! — крикнул Арискин.

Карачаров соскочил со столба и, не отвязав когти, нелепо расставляя ноги, побежал за ребятами.

— Давай в Тюрлему! — крикнул кто-то машинисту.

Арискин вылез на переднюю площадку паровоза, за ним остальные. Молча, встревоженно смотрели на облака дыма, выползающие из-за леса. Оттуда попрежнему доносились мощные артиллерийские удары. Паровоз медленно двигался.

В поле совсем рядом лопнул снаряд, высоко взметнув землю. За ним другой, третий. Тяжело ухнуло впереди паровоза.

— Давай назад! — закричал Арискин в будку машиниста.

Паровоз, окутавшись паром, лязгая железом, резко дернулся.

— Товарищи, стойте, товарищи! — неожиданно услышали телеграфисты крик.

По пригорку от леса к линии железной дороги бежал человек в военной фуражке. Лицо его было в крови. Он бежал, спотыкаясь и падая. Круто затормозил машинист. Военный уцепился руками за подножку, силясь подняться.

Быстро подняли его на паровоз. Кто-то достал бинт. Машинист быстро нацедил из краника тендера воды — подал ему. С жадностью выпил.

— Сообщить штабу скорее надо, — хрипло проговорил военный, — в Тюрлеме белые взорвали снаряды.

— А ты-то кто? — перекрывая шум быстро идущего паровоза, громко спросил Арискин.

— Комендант Тюрлемы. Скорее сообщить надо...

——— ⊙ ———

Тревога за Ленина быстро облетела станцию, красноармейские эшелоны, соседние села. Перекинулась за Волгу, на фронт. Быстрее заходили паровозы по станционным путям, резче и отрывистее загудели голоса в телефоны. Стальным кольцом сжался фронт вокруг Казани.

В телеграфе столпились красноармейцы, железнодорожники, крестьяне деревни Вязовые, матросы с пароходов.

Землистые лица, горящие глаза. У всех один вопрос.

Телеграфисты разводят руками — нет связи. Не знают ничего больше.

Выслушают телеграфистов. Молча отойдут. Рванут винтовку к плечу или потуже перехватят пояс — и быстро исчезнут из телеграфа. Один за другим весь вечер, всю ночь.

Тревожная ночь принесла известие, что большой отряд белых пробрался в тыл. Разведка донесла, что белые подобрались вплотную к Свияжску.

Темна августовская ночь. Нигде не видно огней. По единственной улице деревни Вязовые, прилегающей к станции Свияжск, бесшумно двигаются в темноту ночи, к деревне Малые Юрты, кучки вооруженных людей. Сталкиваются в темноте люди. Тихо переговариваются и поодиночке, по-трое, по-двое исчезают в темноте, щелкая на ходу затворами винтовок.

Внезапно начавшийся дождь нещадно ударяет прямо в лицо. Хочется пристальнее всмотреться во враждебную темноту, мешает дождь. Шинель промокла насквозь; скользят ноги в размазанном дождем черноземе. Тяжело итти. Вышли со станции втроем. Какой-то командир разъединил, и, кто теперь идет с Арискиным, не видно в темноте. По фигуре знаком, а кто? — говорить нельзя.

— Ложись, товарищ, — громким шопотом остановили Арискина.

Не видно в темноте говорившего. Дождь пошел еще сильнее. Лег прямо в грязь. Справа, плотно прижавшись к земле, лежали люди. Впереди тускло поблескивали лужи воды. Звонкими капельками шлепался в лужи дождь.

Рядом с Арискиным кто-то лег. Арискин подобрался поближе. Узнал Серегу Карачарова. Ткнул его в бок. Веселее стало. А говорить нельзя.

Медленно наступает рассвет. Не перестает дождь. Впереди мелькают черные точки неприятельской цепи. Начали посвистывать оттуда первые пули. Сильнее, сильнее. Огневые вспышки выстрелов мелькают по всей цепи. Вдали тяжело ухнула пушка.

Арискин пригнул голову к мокрой земле.

— Делай окоп! — крикнул ему сосед слева.

Арискин, отбросив винтовку, руками набросал перед собой холмик промокшей насквозь земли. Тщательно прицеливаясь, он стрелял по черным точкам, маячившим в густой сетке дождя. Соловьями поют пули, а сзади, как будто у станции, заливается рожок горниста.

Оглянулся влево — соседа нет, посмотрел, а он уже впереди шагов за пятьдесят. Переглянулся с Карачаровым; вскочили и, низко пригнувшись к земле, бросились вперед.

Крепнет огонь со стороны белых. Один за другим рвутся снаряды среди красноармейских цепей, обдавая лежащих бойцов грязными комьями земли, удушливым смрадом.

Стоны, крики, хриплые голоса команды наполняют гудящее боем поле. Слышно, как в деревне Малые Юрты тревожно мычат коровы, блеют овцы, ржут лошади.

Вот бой перекидывается к деревне. Снаряды белых бьют по покривившимся сереньким домишкам. Летят кверху солома, бревна.

Не успели крестьяне убрать тугие кочаны капусты на огородах. Пули белых шлепаются в них. Обиженно покачиваются кочаны. И как будто плачут, сбрасывая на землю обильные капли дождя.

Ближе и ближе белые цепи. «Не удержимся — белые ворвутся в Свияжск, и фронт за Волгой будет сломлен», — не дает покоя Арискину ноющая мысль. «Пойдут тогда белые полчища на Москву. Нельзя этого допустить — там Ленин».

Лежа среди капустных корней, он порывисто стрелял в наступающие цепи. Ныло плечо от ударов приклада. И вдруг удары приклада прекратились. Взглянул на затвор винтовки, резко откинул курок — винтовка пустая. Нет патронов. Рука в карман — нет патронов. Еще сильнее забилось сердце. Глаза сразу заволокло туманом. Пододвинулись белые цепи. К соседу. И у того нет патронов. Впереди остервенелые офицеры... Сзади Волга... Впереди Москва, Ленин... Что теперь с ним...

— Патронов!.. закричал Арискин, оглядываясь назад.

— О-о-ов... — стонуще раздавались крики со всех сторон.

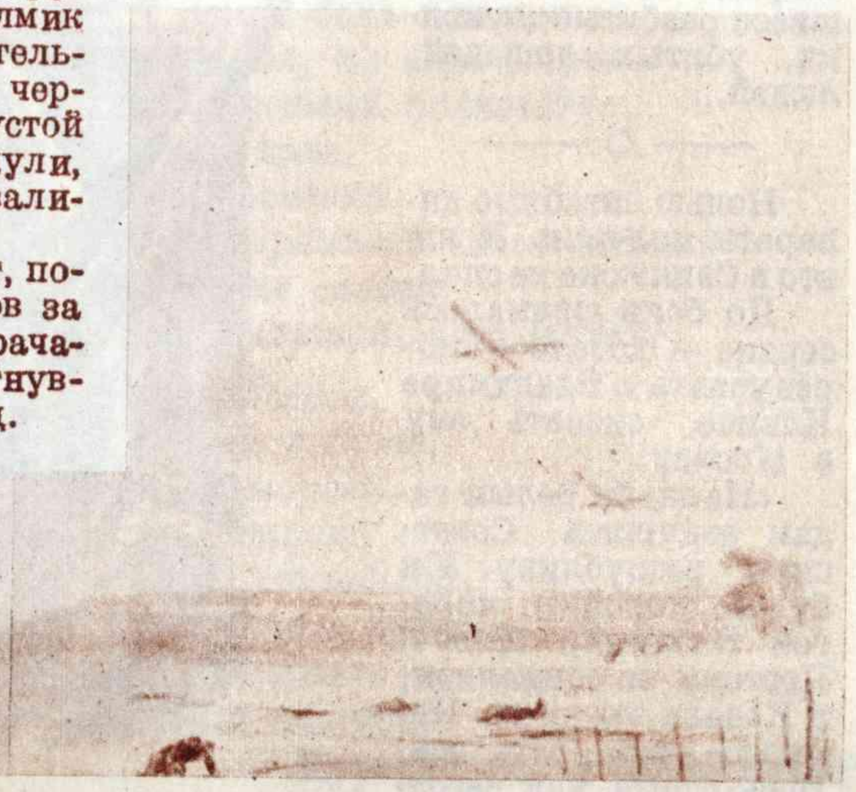
И в глазах ярко встала картина боя, в котором Арискин был два месяца назад. Атака. Стремительный удар красногвардейцев на вражеские цепи.

Вдалеке вновь запел рожок горниста. Оглянулся Арискин по сторонам. Вскочил — штык наперевес!

— Вперед, товарищи! — закричал он что есть силы.

Мигом поднялась красноармейская цепь. Бросилась вперед. Вскочили и белые. Постояли несколько секунд и в беспорядке побежали назад. Еще сильнее загремело «ура» атаки.

Одумались белые. Огнем пулеметов прижали к земле красноармейскую цепь. Еще сильнее закипел бой. Редеют ряды. Все ближе и ближе сходятся цепи. На разные голоса рас-



Самолеты, как коршуны, бросились на белые цепи.

певают неприятельские пули. Гулко рявкают разрывы снарядов.

Тают силы... А тут еще нерадостная весть, что наш правый фланг отступил, и белые бьют из пушек по мосту через Волгу.

«Патронов! Неужели не поднесут?—ежеминутно оглядывался назад Арискин. — Надо во что бы то ни стало удержаться. Подмога нужна... Когда придет? Нельзя без подмоги».

— Бери патроны! — крикнул подползший сзади железнодорожник.

Вмиг расхватили тяжелые пачки. С громким «ура» вновь бросились в атаку. Вновь залегли под смертельным огнем пулеметов. Но бойчее заговорили винтовки.

«Эх, вот бы сейчас подмогу!» — с радостью от изобилия патронов подумал Арискин.

И подмога пришла. Не пришла, а прилетела.

Самолеты, под проливным дождем, прилетевшие из-за Волги, с фронта, как коршуны, бросились на белые цепи, кося их из пулеметов.

С громовым «ура» в десятый раз бросились в атаку.

Дрогнули белые батальоны. Побежали, в панике бросая оружие, сапоги, офицерские погоны, георгиевские кресты. Рядами укладывала их по полю меткая картечь орудий, бивших от станции.

И дождик кончился. Выглянуло ласковое солнышко.

— Что это солнце низко? — спросил Арискин, увидя около себя Карачарова.

— У меня где-то часы есть, сейчас посмотрим. — Карачаров долго рылся в промокших карманах. — Пять часов, — проговорил он, прикладывая часы к уху.

— Это в пять начали и в пять кончили, — удивленно ответил Арискин. — Здорово! Двенадцать часиков, стало быть, крыли. Здорово! Слушай, Серега, — круто переменил разговор Арискин, — а как Ленин-то?

— А ты думаешь я меньше тебя беспокоюсь об этом? Самому хочется знать... Да вот видишь... — Карачаров широким жестом показал на поле, изрытое снарядами, на валявшиеся разбитые двуколки, убитых лошадей, людей...

— ⊙ —

Ночью штабные аппараты молчали. И никто в Свияжске не спал.

До боли сжималось сердце — хотелось скорее узнать о Владимире Ильиче, сказать ему в Москву:

«Не дадим белым гадам задушить Советскую республику. Уж будьте покойны, дорогой Владимир Ильич! Постоим за социализм, и Казань возьмем. Немного уж осталось. Посмотрите, как сегодня доблестные части пятой расчехвостили белых. Красота! Ни один не ушел. Ну, и своих порядочно полегло. Что делать! Завтра хороним коммунаров в поле, на солнечном пригорке. Поедете в Казань, Владимир Ильич, братскую могилу товарищей хорошо будет видно из окошка поезда...»

Медленно наступает утро.

С ног сбиваются связисты. Хлопотливо комплектуют снаряжение. Катушки с кабелем, железные провода, шесты, телефоны, инструменты спешно грузятся на пыхтящий около вокзала паровоз. Арискин первым забрался на паровоз. Опять пришлось встретиться со старенькой машиной, на которой они ездили вчера на линию. От двух бессонных ночей его глаза ввалились. Лицо посерело.

— Ну, поехали! — крикнул машинист ребятам.

Знакомое поле. Черными точками зияют вдалеке снарядные воронки. Кое-где блеснет на солнце брошенная винтовка.

Мелькают мимо телеграфные столбы. Арискин с Карачаровым смотрят на них. Пока все провода целы.

А уже на следующем порваны все сразу.

— Отсюда начнем, — проговорил Карачаров и крикнул машинисту, чтобы остановил паровоз.

Выгрузившись, подошли к столбам. До Тюрлемы не сосчитаешь, сколько столбов, и ни на одном целого провода. Телеграфные провода перепутались между собой, как волосы. Особенно сильно разрушена линия на пригорке. Тут бой был особенно силен. Много столбов снарядами разбито вдребезги.

— Ну и работы нам... — протянул Карачаров, — запустив пальцы под фуражку.

Торопливо разматывали катушки кабеля. Прибивали гвоздями к столбам. Кончалась катушка — звонили телефоном в Свияжск. Свияжск отвечал — бросали разговоры, бежали дальше.

Весело и радостно шла работа. Усталости как не бывало. Все стремились как можно скорее соединить Москву со Свияжском.

Сколько верст отмахали, не заметил никто. Да и ни к чему.

Арискин первый добежал до неповрежденных проводов, идущих вдаль, к Тюрлеме.

Быстро включил телефон.

— Свияжск, Свияжск? — закричал в трубку.

В трубке шорохи, потрескивание. И слышно, как будто свистит ветер. Арискин нервничает. Перекладывает трубку то к одному, то к другому уху. Те же шорохи и трески.

— Свияжск... Свияжск... — срывается голос. На лбу выступил пот.

— Я... жск... — звонко щелкнуло в трубке. Голос пропал.

Арискин отскочил от телефона, сбросил с себя фуражку, шинель и вновь начал крутить ручку телефона. Заглушаемый ветром мелодичный звук телефонного колокольчика еще был слышен.

— Свияжск... Свияжск...

— Я Свияжск, — отчетливо раздалось в трубке. — Что ты там долго возишься? — нервно спрашивали в трубке.

— Слушай, — кричал Арискин в Свияжск, — я тебя сейчас соединю, ты там узнай, как пойдет...

— Ладно...

— Через пять минут разъединю... понял? Для проверки!

Соединив провода, Арискин прислонился к телеграфному столбу, около которого стоял на земле телефон. Закурил. Устало оглядывался кругом. День клонился к вечеру. Вдалеке видны дымки паровозов на станции. Длинные составы вагонов. На пригорке влево от станции — деревушка Малые Юрты.

Одна за другой вставали в воображении подробности боя. Глядя на широкое поле, Арискин вспоминал, где он лежал, с кем. Как потом у него и у соседей в цепи нехватило патронов, и он кричал истошным голосом. Потом несколько атак. Слева убило соседа. Выбрал у него патроны из карманов, помчался вперед.

— Ну, замечтался!—одернул себя Арискин. — Свияжск, как дела идут! — закричал он вновь в трубку телефона.

— Москва работает. Хорошо получается!— ответили из Свияжска.

Сгрудились вокруг аппарата.

— Слушай, спроси там, что с Лениным.

В трубке минутное молчание.

— Говори! — кричал в трубку Арискин. — Что слышно о Ленине?

Глухо и раздраженно ответили из Свияжска.

— Ну, я ставлю, наглухо! — прокричал Арискин.

Крепко скрутил провода.

— Ребята! С Москвой работаем! Ура-а!.. — закричал он, подбегая к ребятам, работавшим недалеко от него.

—— ⊙ ——

Вновь людное, насквозь прокуренное помещение штабного телеграфа. Потрескивание аппаратов. Нервные звонки на вокзале. Как будто ничего и не было.

Запыхавшись, Арискин с Карачаровым вбежали в телеграф.

— Ну как? — спросил Карачаров сидевшего у аппарата телеграфиста.

— Что-то Москва молчит, — ответил телеграфист и тут же прибавил: — А знаете мы кого разгромили вчера? — и не дождавшись вопросов Арискина и Карачарова, взволнованно заговорил: — Каппелевский отряд. Савинков там был.

— Тихо! — нервно крикнул дежурный телеграфист. — Москва заработала.

Все кинулись к аппарату.

В телеграф вошел командующий с неизменным спутником, начальником штаба.

Сгрудились вокруг аппарата. Опять Карачаров, обняв одной рукой спину командующего, помогал дежурному телеграфисту регулировать аппарат.

Москва передавала. Затаив дыхание, читали медленно выползавшую из аппарата ленту.

«Пульс 102, наполнение лучше. Температура 36,9. Дыхание 22. Общее состояние и самочувствие хорошее. Непосредственная опасность миновала. Осложнений нет».

Кончилась передача. Не уходили. Ждали подробностей.

Минута, другая...

— Передаю оперативную, — заговорила Москва.

Со вздохом отвалились от аппарата. У всех радостные лица. Карачаров тихо хлопнул по спине командующего.

Командующий крепко пожал руку Карачарову и Арискину.

—— ⊙ ——

В определенный час Москва передавала краткие бюллетени о состоянии здоровья Ильича.

К этому часу помещение телеграфа набивалось битком. Все с напряжением следили, как из телеграфного аппарата медленно ползла лента.

И в один из дней Арискин среди напряженной тишины читал дрожащим голосом, сминая в кулак ленту:

«Благодарю. Выздоровление идет превосходно. Уверен, что подавление казанских чехов и белогвардейцев, а равно поддерживающих их кулаков-кровопийц будет образцово беспощадно. Лучшие приветы. Ленин».

Напряглись мускулы в едином стремлении. Крепче сжали винтовки. Зорче стали глаза. Метче били пушки и пулеметы. Стальным кольцом прижимали красноармейские полки белую свору к Волге и на рассвете одиннадцатого сентября с пением «Интернационала» ворвались в Казань.

Гудели туго натянутые провода, извещая Ленина радостными телеграммами.

РОДИНА МАРШАЛА

В Луганске есть кирпичный дом в предместье.
Он сохранил свой старомодный вид.
Сюда приду я с другом детства вместе.
Зеленый двор. Тугая дверь скрипит.
Здесь Сокол жил в одной из комнатушек,
И были стены для него тесны.
Экскурсовод рассказывает — Слушай!
О славном сыне молодой страны.
На нас глядит из рамки — юный, стройный,
Луганский слесарь Ворошилов Клим.
Настанет час. Он поведет спокойно
Красногвардейцев маршем боевым.
Огонь и кровь. Дожди и снегопады.
Жестокий натиск грозных непогод.
И где пройдут донецкие отряды —
Земля освобожденная встает...
И нас с тобою прошлое окружит —
Чудесное, похожее на сон,
Увешанное боевым оружьем,
Увенчанное бархатом знамен.

О город мой! По имени наркома
Тебя назвали братья и отцы...
Земля дрожит от пушечного грома,
Дают присягу родине бойцы.
И сколько песен в этот день прольется
У древних стен Кремля, по всей стране!
Встречает гул приветствий полководца,
Сидящего на вороном коне.
И раздается голос величавый,
Железный строй бесстрашных войск затих.
Стоят войска, овеянные славой,
Как подтвержденье, маршал, слов твоих.

Над площадью вареют бомбовозы,
И, затаив невольный страх в душе,
Поежатся, как будто от мороза,
Японский и германский атташе.
Попрежнему, по-юношески стройный,
Нарком с трибуны машет нам рукой.
Смеются дети, матери спокойны —
На страже мира — верный часовой.

Курсант Эм. ГИЛЬДИНЕР

Н. ВЫГЛАЗОВ
лейтенант

ПОСЛЕДНИЕ СОЛДАТЫ

В самом дальнем углу вишневого садика, за клуней, росла груша. Небольшая, не выше окружающих деревьев, только крона у нее была гуще и пирамидальная. Долго на нее не обращали внимания и считали ее дикой. Но в этом году она зацвела, и так густо, что издали она казалась большим букетом белых роз. И к удивлению хозяйки — колхозницы Марты Разумовской — ни одного пустоцвета. С нетерпением ждала Марта созревания плодов. А они росли крупными и тяжелыми. Ветви гнулись под тяжестью зеленого налива. Каждый день хозяйка наведывалась к дереву и то подпирала ветви рогатками, то связывала их между собой веревочками. Наконец, груши стали желтеть и наливаться чем-то прозрачным, на кожице выступили черные крупинки величиной с маковое зерно. Груши крепко держались и не падали. А Марта не решалась их срывать, ждала зрелой падалицы.

Однажды перед заходом солнца, после дождя, возвращаясь с работы, Марта зашла, по обыкновению, в сад и увидела: под деревом, на траве лежали три желтых, как воск, груши. Она хотела их поднять, мысленно ощущая их сочность и сладкий медовый вкус, уже наклонилась, как вдруг услышала зычный голос:

— Тетка, а тетка, к вам можно на двор? Мы — красноармейцы. Постоим — не помешаем?

Марта не знала, что ответить, так это было для нее неожиданно. Она увидела много бойцов, заходивших во двор, и въезжавшие за ними двуколки, лошадей и повозки. И дальше увидела, что во все дворы села также въезжают войска. Она подошла к хате и с любопытством рассматривала происходившее. Она давно не видела столько войск.

Под вишнями выстроился длинный ряд повозок, а там, в глубине сада, к натянутой между деревьями веревке привязывали лошадей. Въехавшие просили продать молока. Марта вынесла из погреба несколько полных кувшинов и раздала их красноармейцам. Они насильно всовывали ей в руку деньги.

Вид у бойцов был усталый. Одежда — насквозь промокшая дождем и потом дальней дороги. Но все они были бодрые и веселые. Слышались шутки, смех, играла гармошка. В соседнем дворе затягивали песню.

Незаметно подкралась ночь. Поужинав, бойцы укладывались спать. Половина их легла в клуне, на сене, а два отделения Марта пригласила в хату, постелив им на полу свежей соломы и покрыв ее белыми простынями.

Уложив на постели шестилетнего сына, вдова легла возле него, и вскоре хата наполнилась храпом спящих. Засыпая, Марта вспомнила о грушах, пожалела, что не подобрала лежавших на земле фруктов и не попробовала. «Даже ребенку не дала попробовать», — упрекнула себя. Ночью Марта была разбужена стоном своего сына. Ребенок метался в постели, тяжело дышал, плакал и звал мамочку. Марта растерялась, не зная, чем помочь своему любимцу. Она утешала его, как могла, боясь разбудить бойцов. Но они уже не спали. Горе матери передалось каждому из них. Некоторое время красноармейцы лежали тихо, прислушиваясь, а потом один за другим окружили кровать больного, пытаясь выяснить причину его болезни и утешая мать. Тотчас же командир отделения послал бойца за полковым врачом. Врач не замедлил прибыть.

Пониженный пульс, бледность губ и слизистых оболочек глаз, рассказ матери и завязанный окровавленной тряпочкой большой пальчик правой ноги, из которого еще сочилась кровь, подсказали диагноз. Ребенок еще засветло, бегая, разрезал стеклом пальчик. Мать промыла его, завязала тряпочкой и, не подозревая гемофилии*, которой страдал ребенок, уложила его спать. Кровь непрерывно сочилась. Ребенок потерял много крови. Ему угрожала смерть. Но врач ни слова не сказал об этом матери. Он послал санитара за аппаратом для переливания крови, а сам занялся перевязкой...

Когда принесли аппарат, врач вызвал желающих дать кровь. Ее предложили все шестнадцать человек. Но взял он ее у одного бойца, татарина Дивлетова. У Дивлетова была кровь одной группы с ребенком.

Без тени колебания плечистый боец подставил локтевой изгиб левой руки и, не мигая карими глазами, спокойно смотрел, как в стакан тонкой струйкой лилась красная жидкость.

В хате было тихо. Даже больной на минуту затих. Когда стакан до половины наполнился кровью, врач начал вливание ее больному. В ту же минуту на щеках мальчика заиграли малиновые огоньки румянца, потом он совсем успокоился, даже улыбнулся...

Может быть, он благодарил врача? Доннора Дивлетова? Всю Красную Армию?.. Неизвестно. Он не сказал об этом ни слова. Облегченный от груза страданий, спасенный от смерти, он моментально уснул...

Врач остался в хате до утра, бойцы по очереди дежурили...

★

Когда Марта вышла из хаты, на дворе было совсем светло. За лесом всходило солнце. Кони были запряжены, и красноармейцы стояли длинными рядами. Потом она услышала какую-то команду, и ряды бойцов начали выходить на дорогу, за ними двинулись повозки.

— До свидания, тетенька, — махали руками уходившие.

Марта улыбалась и тоже отвечала:

— До свидания!

Ей стало жаль расставаться с бойцами. Они были ей, как родные. Со двора выезжала последняя подвода.

— А кто же вы такие — красные или синие? — спросила она уезжающих.

— Последние солдаты, — ответили ей, улыбаясь, повозочные.

Марта не поняла, но улыбнулась. В этот момент она вспомнила о грушах. Она решила отдать их бойцам. Она побежала в сад и увидела: на том же месте, где и вчера, в траве лежали три груши. А на дереве — все до единой (она знала их по счету). Даже следа человеческого не было около дерева.

Через сад ехали три конника. Они живо между собой разговаривали.

Марта прислушалась.

— После нас на земле не будет ни монархической, ни колониальной, ни республиканской, никакой армии. В ней не будет надобности. Мы — последние представители вооруженного народа...

Марта с силой тряхнула дерево. С него посыпались, глухо бухая, груши.

Она собрала их в передник и бегом догнала всадников.

— Спасибо, спасибо, — отнекивались бойцы.

Но она настояла на своем и категорически отказалась от платы.

---

* *Гемофилия* — болезнь, заключающаяся в том, что кровь не свертывается при ранении. Такому больному даже пустяковая царапина грозит смертельной потерей крови.

Фото Г. Зельма

Маршал Советского Союза товарищ К. Е. Ворошилов на маневрах.

Г. УСАТЕНКО

батальонный комиссар

Героизм

Рис. В. Высоцкого

После дня учебы в поле обед казался особенно вкусным. Затем библиотекарь принес газеты, и все набросились на них. Зашел разговор о доярке, которую правительство наградило орденом. Все восхищались рядовой советской труженицей, достигшей славного отличия. Но Назаров неожиданно для всех сказал:

— Вот прочитаешь о награде — и радостно и немножко обидно делается.

Он вышел расстроенный из комнаты, оставив товарищей в недоумении. Тогда Ульянов пояснил:

— Назаров сегодня в первый раз получил выговор от командира.

— А-а, — протянули все понимающе. — Это обидно бывает.

В этот вечер смотрели картину «Чапаев». Все были полны восторженных мыслей о чудесных, незабываемых Василии Ивановиче, Анке, Петьке, так горячо любивших жизнь и бескорыстно отдавших ее за наше счастье.

Ульянов смотрел на Назарова: он, как и все, с волнением следил за картиной, радуясь победам чапаевцев, а когда погиб Чапаев — на его лице отразилась глубокая печаль.

...За окнами прозвучал отбой... Все постепенно улеглись. У дверей тихо переминался дневальный. Ульянов протянул руку к соседней койке и толкнул Назарова:

— Ну, рассказывай.

— Что?

— За доярку почему обидно стало?

Назаров хотел отвернуться, потом раздумал. Словно разламывая слова, проговорил:

— Не за доярку... За себя.

— Угу... Это все из-за выговора?

— Да, не радоваться же мне выговору! Чем иметь комсомольцу выговор, так лучше...

— Ну, ну! А кто лучший стрелок в роте? Кто задержал шпиона у склада? Чего скромничаешь?

Назаров долго молчал, свесившись на край койки. Казалось, он так и уснул. Но он вдруг спросил:

— Ты скажи, Ульянов, в армии можно получить орден — в нашей роте, например?

Ульянов улыбнулся. Вот где корень обиды! Ему стало весело. Это хорошо, что орден заставляет думать, беспокоиться, вызывает соревнование.

— Дорогой мой, ты, наверное, забыл, что наш командир батальона совсем недавно награжден орденом за выдающиеся успехи в боевой подготовке батальона. А младший командир Петров, из третьей роты? А сотни достойных командиров и красноармейцев, отмеченных высшей наградой, о которых мы часто читаем в газетах?

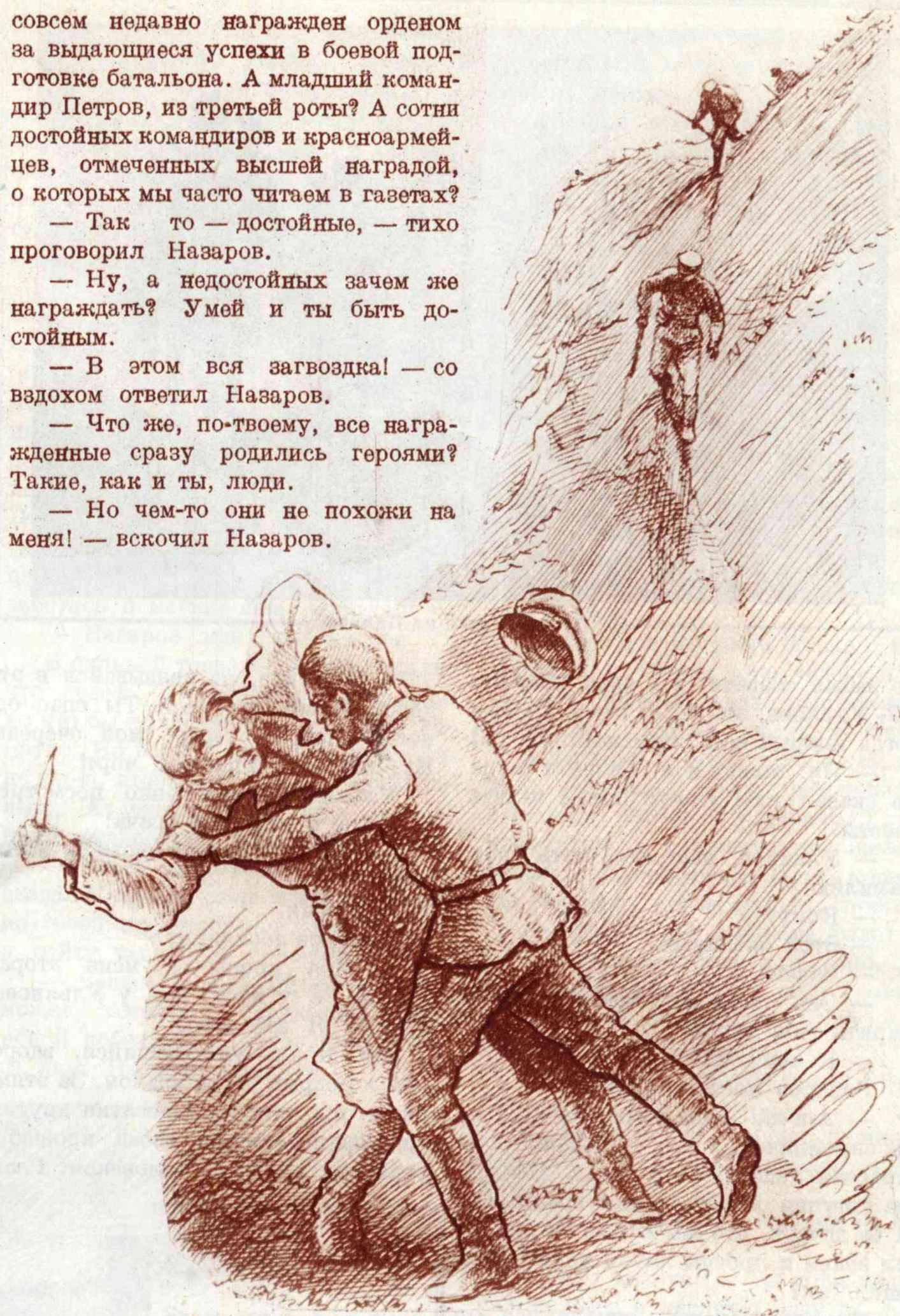
— Так то — достойные, — тихо проговорил Назаров.

— Ну, а недостойных зачем же награждать? Умей и ты быть достойным.

— В этом вся загвоздка! — со вздохом ответил Назаров.

— Что же, по-твоему, все награжденные сразу родились героями? Такие, как и ты, люди.

— Но чем-то они не похожи на меня! — вскочил Назаров.



Кириллов настиг его, и между ними завязалась борьба.

— Тише, что ты. Спят все... Если они на тебя не похожи, так ты старайся быть похожим на них — вот что я могу тебе посоветовать.

— Спокойной ночи, — строго сказал подошедший дежурный.

Назаров рывком отвернулся в другую сторону и затих.

— ★ —

Утром весь полк облетела новость. Этой ночью, возвращаясь из городского отпуска, красноармеец хозяйственного взвода Кириллов заметил, что через овраг на территорию полка пробрался неизвестный гражданин и прошел к водопойным корытам. Кириллов выследил его и бросился за ним в погоню. Неизвестный побежал в овраг. Кириллов настиг его, и между ними в овраге завязалась борьба. В этот момент подоспели патрулирующие красноармейцы, и неизвестный был задержан. При обыске у него нашли бутылку с керосином и яд.

Это событие насторожило всех.

— Ясно, — говорил Ульянов, — враг хотел отравить наших коней и поджечь что-нибудь. Так и смотри в оба, чтобы не случилось чего. Молодец Кириллов!

В этот день многие постарались увидеть Кириллова, пожать руку, покурить с ним, а заодно — разузнать подробнее, что и как произошло ночью.

А в обеденный перерыв полковое радио передавало сообщение, которое всех заинтриговало. Колхозница Крылова убедительно просила сообщить ей фамилию товарища, который двенадцатого числа спас ее дочь десяти лет, тонувшую в реке, и доставил в больницу. По ее сведениям, этот товарищ служит в нашей части.

Назаров пристал к Ульянову.

— Это не та девочка, о которой ты мне рассказывал? Та, та, я помню теперь! Двенадцатого ты пришел и рассказал мне про этот случай. Толь-

Фото А. Шайхета

Пограничники на Памире.

ко забыл сказать, кто спас девочку. Ой, Ульянов, это ты ее спас! Ты был тогда мокрый весь. Признавайся, ты?

— Ну, может и я. Разве я тогда не сказал тебе этого? Давай читать газеты.

— Ульянов, надо сообщить твою фамилию.

— Кому?

— Этой женщине.

— Зачем?

— Она, очевидно, хочет поблагодарить тебя лично.

— К чему это?

Назаров покачал головой.

— А-я-яй! Мне вчера говорил — не скромничай, а сам — стыдлив, как красная девица! Ну, ладно. Пойдем на уступки. Сообщим этой гражданке и ее дочери, что мы о благодарности их знаем и просим лично не смущать нас. Так?

Ульянов, смеясь, отмахнулся от него.

— ★ —

На другой день раньше обыкновенного пришел командир роты Степанов вместе с полковым врачом. Они собрали роту.

— Вот что, товарищи красноармейцы, — сказал командир. — У одного бойца нашей части после операции в госпитале наступило осложнение. Нужна кровь, чтобы спасти его. Кто согласен дать кровь?

— Это добровольно, конечно, товарищи, исключительно добровольно, — предупредил врач.

Бойцы переглянулись. Послышались вопросы: что за боец, откуда?

Назаров нетерпеливо перебил:

— Эти вопросы ни к чему. Наш человек — значит надо спасти. — И выступил вперед: — Я согласен дать кровь.

Вместе с ним вышел Ульянов. Назаров неодобрительно посмотрел на него и торопливо зашептал:

— Ульянов, не ввязывайся в это дело. Оставь его мне. Ты спас одного человека, теперь моя очередь. Ну, пойми... Упрямый чорт!

Ульянов укоризненно посмотрел на него и спросил врача:

— Какая группа крови у больного?

— Вторая.

Назаров воскликнул:

— Моя кровь! У меня вторая группа, а у него, вот, у Ульянова, третья. Я это знаю.

Он стоял, улыбающийся, здоровый и бодрый перед врачом. За этими двумя придвинулись десятки других, готовых поделиться своей кровью с родным, советским человеком. Глаза командира роты Степанова блестели радостью и гордостью за своих воспитанников. Он предоставил врачу отбирать самому нужного человека из сотни добровольцев.

Полковой врач растроганно сказал:

— Товарищи, благодарю. Я иного и не ожидал от вас. Но мне нужен только один.

Он пожал руки переднему десятку бойцов и сказал, указывая на Назарова:

— Я беру вот его.

— ★ —

Назарову дали несколько дней на отдых, но безделье тяготило его. Он так мало еще сделал, чтобы отдыхать. Хотелось действовать, хотелось сделать что-нибудь большое, захватывающее. Ульянов говорит: «Меньше думай о героизме, а больше делай». Но разве плохо думать о том, как лучше отличиться перед родиной, как заслужить ее похвалу? Сделать важное для народа, заслужить высокое признание родины — что может быть радостнее и желаннее этого!

Назаров на другой же день пошел со всеми на занятия. Это было ночное учение. Отделение действовало в разведке. Ульянов и Назаров составляли дозор. На пути у них протянулась небольшая река, она оказалась глубокой, и перейти ее вброд не удалось. Разведчики обследовали весь берег и ничего не смогли придумать. Ульянов, старший дозора, хотел уже доложить отделенному о безрезультатности поисков, когда

Красноармеец Быков

сыновья

Радость в доме Пелагеи:
Собралась родня,
К ней из армии явились
В отпуск сыновья.
Бьется сердце у старухи
Голубем в груди.
Вот какими молодцами
Стали все они!
Младший сын — орел отважный —
Выше туч летает,
В синем небе мчит бесстрашно,
Воздух покоряет.
Вся страна теперь читает
О герое Мише,
Сам Нарком его поздравил, —
Он летал всех выше.
Ходит средний сын в строю
Доблестной пехоты,
Служит честно он народу,
Командиром роты.
Старший в море корабли
Водит боевые,
Защищает от врагов,
Рубежи морские.

Назаров, пристально всматривавшийся в кусты, сказал:

— Погоди...

При свете пробившейся луны он увидел качающийся на воде предмет и радостно прошептал:

— Лодка!

Ульянов жадно впился глазами по направлению руки товарища.

— Лодка, да-а... Только на той стороне. Не достанешь. Пошли. Надо в другом месте искать переправу.

— Ты подожди тут немного, Ульянов. Я подползу ближе, посмотрю.

Вверху нарастала сухая трель самолета. За рекою хлопнул выстрел. Потом все затихло. Заморосила дождевая пыль. Ульянов вздрогнул от сырости, выругал Назарова, который где-то пропал, и стал тихо спускаться сам к берегу. К великому удивлению, он увидел товарища по горло в воде.

В два удара багром Назаров очутился на своей стороне с лодкой, отвел ее в кусты и быстро оделся.

— У, чорт, простудишься еще! — только и нашелся сказать Ульянов. По цепочке он передал отделенному, что переправа найдена.

Разведка продолжалась. Часть пути левого дозора пролегала по полотну железной дороги. Два друга шли по бокам насыпи и зорко осматривали овраги и кусты. Дождя уже не было. Лунный свет поблескивал на отполированных рельсах. Ульянов вспомнил отца-старика, путевого обходчика, с которым в детстве не раз ходил на осмотр участка. Молодые острые глаза сына тогда заметили и помогли отцу устранить не одну неисправность на пути. Вот и сейчас, идя в дозоре, Ульянов порою забывал, что он уже не обходчик, и пристально всматривался в полотно, нагибался к рельсам.

Рельсы стали слышнее гудеть. Где-то близко шел поезд. Фокус лунного света двигался по рельсам вместе с движением дозорных. Одно место рельса показалось Ульянову подозрительным. Он подошел ближе и ясно увидел, что рельс лопнул от головки до подошвы и даже сдвинулся с места. По сторонам лежали глубокие овраги. «Крушение неизбежно», — подавленно подумал Ульянов. Уже не заботясь о маскировке, крикнул:

— Назаров, иди сюда, скорее!

В сильной тревоге они обсуждали, что делать. Остановить поезд надо во что бы то ни стало — это было понятно. Но как? У них даже патронов не было, чтобы стрелять, до роты далеко. А уже слышен шум поезда, приближавшегося к опасному месту.

— Поезд идет с той стороны, — сказал Ульянов, стараясь припомнить из своей практики подобный случай и найти выход из положения.

— Бежим вперед, будем кричать, может, заметят, — предложил Назаров и побежал. Ульянов последовал за ним. Назаров крикнул:

— Я побегу вперед, а ты чуть позади. Если меня не заметят — тебя, может, увидят.

Ульянов молча отстал от товарища. Вдали показались огни. Слышался крик Назарова. Вот его мечущаяся фигура мелькнула в сильном свете паровоза и потонула в темноте и грохоте. Поезд, не замедляя хода, приближался...

Ульянов метался по рельсам и кричал до хрипоты, а поезд все шел... Мелькнула мысль: «Не заметит и меня, не послушают, а там — гибель...» Вдруг он взглянул на полосу света, быстро скользнувшую по рельсам ему навстречу. За этой полосой внимательно следит машинист. Острая догадка, расчет, решительность — и Ульянов лег поперек рельсов.

Полоса яркого света ближе... Она настигла и облила тело человека на рельсах. Человек лежал неподвижно, точно не слышал оглушительного гула рельсов и шума поезда. Машинист метнулся... Поезд остановился в полсотне метров от Ульянова. Ульянова подняли. Все ощущения живого человека быстро возвращались к нему. Но еще тихо, неуверенно он спросил:

— Значит, крушения не было?

...Радость озаряла его лицо. Он стоял, пропуская мимо себя громадный состав с ценнейшим грузом, следовавший в столицу...

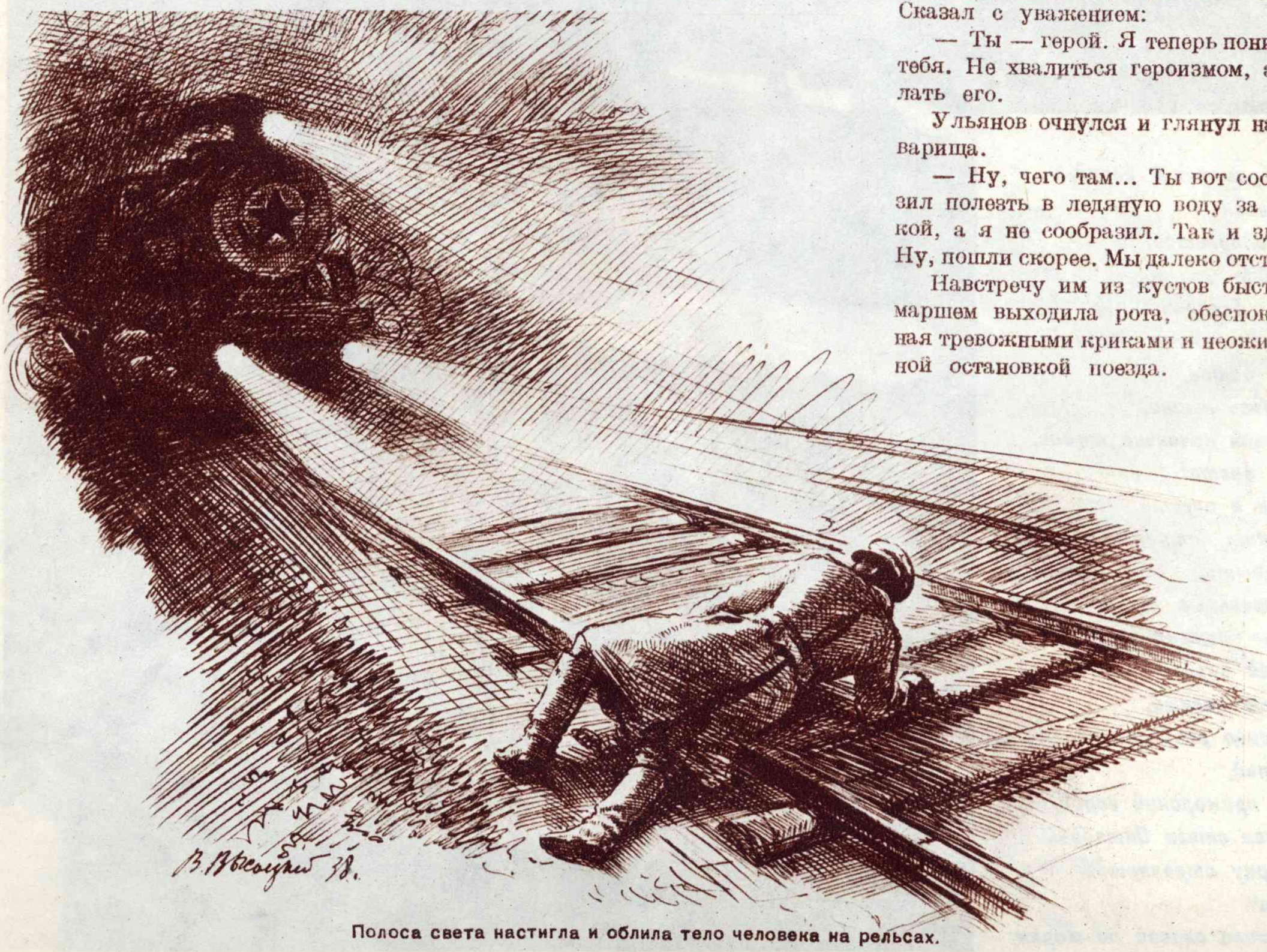
Назаров тихо тронул его за руку. Сказал с уважением:

— Ты — герой. Я теперь понимаю тебя. Не хвалиться героизмом, а делать его.

Ульянов очнулся и глянул на товарища.

— Ну, чего там... Ты вот сообразил полезть в ледяную воду за лодкой, а я не сообразил. Так и здесь. Ну, пошли скорее. Мы далеко отстали.

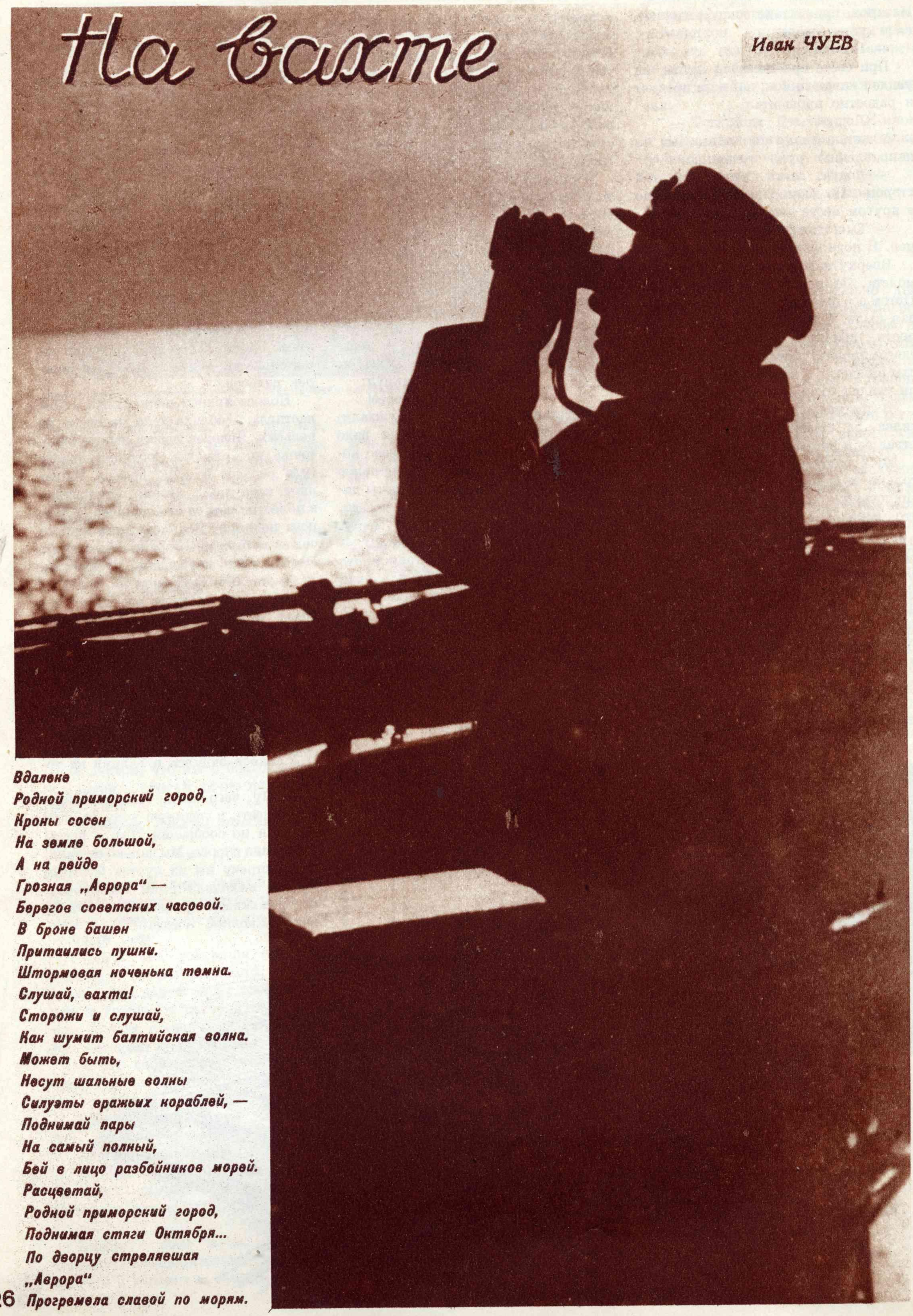
Навстречу им из кустов быстрым маршем выходила рота, обеспокоенная тревожными криками и неожиданной остановкой поезда.



Полоса света настигла и облила тело человека на рельсах.

На вахте

Иван ЧУЕВ



Вдалеке
Родной приморский город,
Кроны сосен
На земле большой,
А на рейде
Грозная „Аврора“ —
Берегов советских часовой.
В броне башен
Притаились пушки.
Штормовая ноченька темна.
Слушай, вахта!
Сторожи и слушай,
Как шумит балтийская волна.
Может быть,
Несут шальные волны
Силуэты вражьих кораблей, —
Поднимай пары
На самый полный,
Бей в лицо разбойников морей.
Расцветай,
Родной приморский город,
Поднимая стяги Октября...
По дворцу стрелявшая
„Аврора“
Прогремела славой по морям.

Николай МОСКВИН

Ночная дорога

Рис. С. Зелихмана

На двухосную платформу были поставлены: две двуколки с шедитом, одна — с нитроглицерином и одна — с пироксилином. Отдельно стояла парная двуколка с шанцевым инструментом. Поверх кирко-мотыг, топоров, ломов, лопат лежало полсвязки прессованного сена, в которую, как в гнездо, был вставлен маленький металлический ящичек, укутанный еще в паклю. Это были капсюли с гремучей ртутью — зародыши будущих взрывов и пироксилина, и нитроглицерина, и шедита. Без этих медных трубочек, величиной с папиросный окурок, на дне которых прикурнул белый страшный зародыш, — все эти пуды взрывчатого вещества были спокойны, мирны.

У двуколки с пироксилином стоял курсант Шуганов — минноподрывник с Московских военно-инженерных курсов. Он стоял прямо, лицом к встречному ветру, держа руку на приставленной к ноге винтовке — четыре пальца на ложе, большой палец на стволе.

Все это — и платформа, и пироксилин, и капсюли, и курсант — летело в ноябрьскую ночь на юденичский фронт.

Шуганов мог бы присесть на тюк прессованного сена — тут же у колеса двуколки; мог бы хоть стать спиной к движению, к ветру — одет он был в тонкую шинель, — но он стоял, как примерный часовой у денежного ящика где-нибудь в штабе, в теплом помещении...

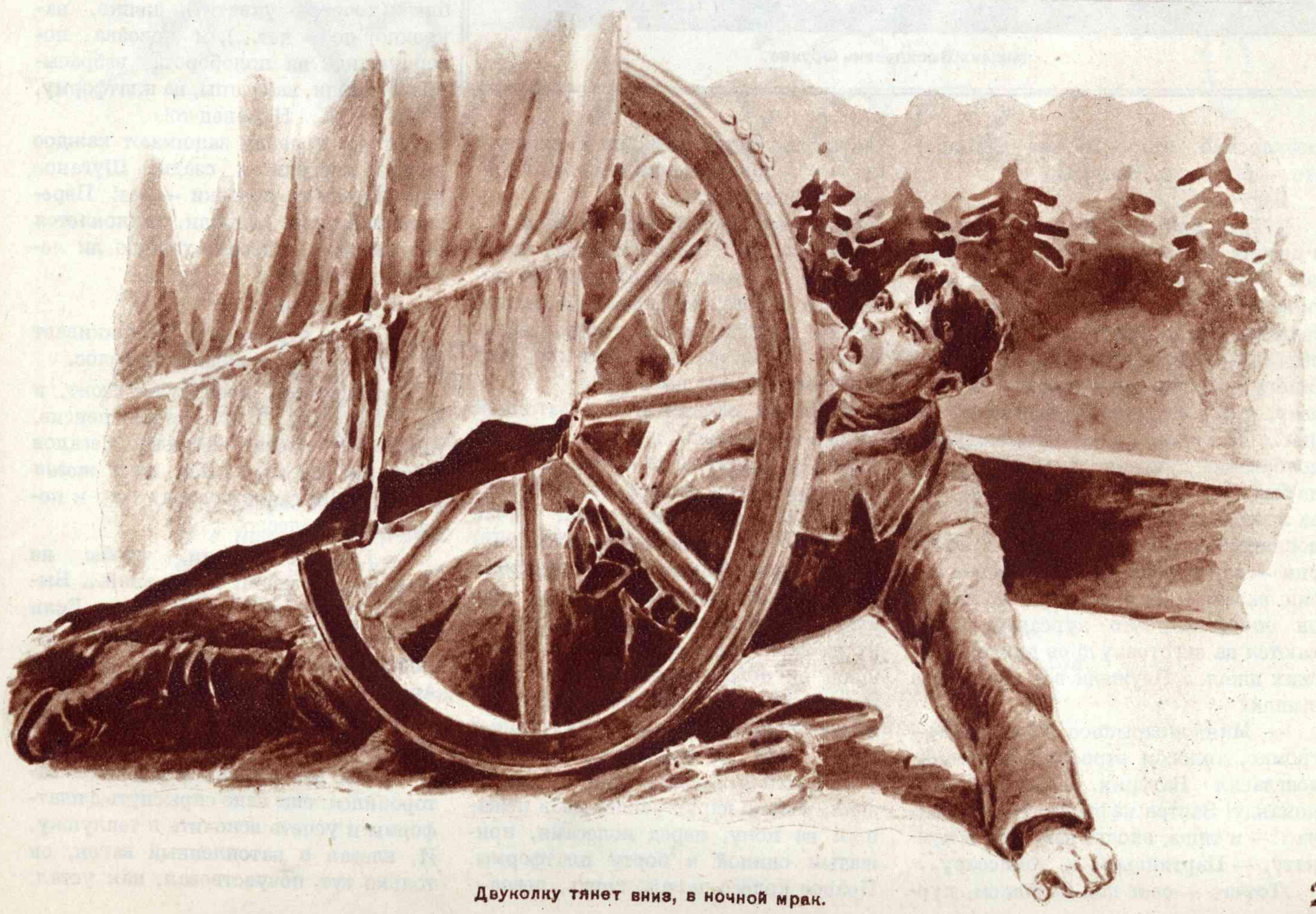
Ему было девятнадцать лет — хотелось подвигов, мужества, лишений боевой жизни.

Справа и слева относился назад темный, голый лес. Дым паровоза накатывался на него, повисал на сучьях, и снова деревья вдруг в летней листве... С дымом прилетали искры, и тогда видение лета пропадало: желтые светляки неслышно скользили между деревьями, освещая их голую, обледенелую, пустую жизнь.

На поворотах дым и искры шли по хребту поезда, и Шуганов следил — не упадет ли искра на его двуколки. Он ждал, что она упадет, он хотел, чтобы она упала... Он бы тогда, не дожидаясь, когда она сама потухнет на брезенте, сам бы притушил, примял ее. Ему было девятнадцать лет, и он торопился сделать что-нибудь такое взрослое, предусмотрительное, смекалистое... Но искры дружным роем проходили над головой — не останавливаясь, не падая на платформу. Кончался поворот, и золотой поток светляков снова боковым ветром отметало к лесу.

В эти минуты несостоявшегося подвига вспоминались лекции и практические работы на оставленных в Москве Инженерных курсах... Пироксилин от огня горит — желтый, быстрый огонь, — но не взрывается. Только капсюли, только эти медные окурки могут дать настоящую, буйную жизнь пироксилину. Да и вообще, это глупость: все взрывчатое добро в двуколках — в надежной таре, усердно укрыто брезентом — какой-то непутевой искре не добраться до него.

Рядом с Шугановым катилась в ноябрьскую ночь теплушка с его семнадцатью товарищами. Курсанты сейчас спали, и только дымок из трубы на крыше вагона показывал, что дежурный Лешка Лапин бодрствует у железной печки. Вот вырвалась из трубы горсть искр, и опять дымок — это Лешка покопал железным прутом дрова. Шуганов даже представил, увидел, как это произошло: Леша сел на корточки перед открытой печкой, желто засветился его длинный нос, еще выше поднялись тонкие раскосые брови. Печной огонь осветил подметки сапог на верхних левых нарах... Вот это —



Двуколку тянет вниз, в ночной мрак.

Михаил Васильевич Фрунзе.

Осокорский, это — Витька Сегалов, это — старшина Батурин.

Батурин!..

...Три дня назад он появился в дверях общежития минноподрывников. Рыжие веснушки, казалось, светились на его взволнованном, улыбающемся лице. Он стоял подобранно, подтянуто, чуть пристукивая носком сапога по полу. Он не входил в комнату, стоял в дверях — выжидал, томил... К окнам подступали понурые ноябрьские сумерки. Свет в комнате не был зажжен — курсанты после обеда лежали на железных койках. Остановившийся на пороге Сашка Батурин — заинтересовал. Так же вот месяц назад (стоял у двери и томил) он оповестил, что курсанты посылаются на заготовку дров для московских школ... Неужели все дрова уже вышли?

— Минноподрывное отделение! — громко, голосом строевых обучений, возгласил Батурин. — Слушай мою команду! Завтра нафронт. На Юденича... — и тише, входя, наконец, в комнату. — Партийцы — к комиссару.

Тотчас — свет под потолком, курсанты уже сидят на койках, уже руки — к вещевым мешкам, словно вот-вот отходит поезд...

Шуганов вздрагивает от боли.

Двуколка с пироксилином, возле которой он стоял, накатилась на носок его сапога. Морщась, он выдергивает из-под колеса ногу, нагибается: «Как же так? Тут же, под колесами, лежат поленья?»

Поленья, оказывается, в вагонной тряске сдвинулись, и когда Шуганов сейчас выдернул свою ногу — последний тормоз для колеса, — двуколка, относимая поворотом поезда, тотчас покатилась к краю платформы...

Шуганов, бросив винтовку, схватил повозку сзади, но сделал еще хуже: он невольно накренил двуколку на себя, и пара оглобель, поднявшись от пола, перекачнулась через низкий борт платформы... Шуганов почувствовал, что двуколку тянет туда — вниз, в ночной мрак...

...Сколько прошло времени, он не знал, только вдруг увидел себя лежащим на полу, перед колесами, прижатым спиной к борту платформы. Правое колесо давило грудь, левое — колени. Оглобли висели над бегущими внизу шпалами.

Победа, казалось, останется за двуколкой: какой-нибудь толчок, резкий поворот поезда, и повозка с пироксилином, переехав курсанта, перемахнет туда, где бегут шпалы, куда уже — как два пальца — показывают путь оглобли... Через полчаса, через час, остановится где-нибудь поезд, придет смена... («Кто же это придет? Кто сегодня в наряде?»). Где пироксилин? Пересчитают повозки — где пироксилин? Семнадцать человек в теплушке — где пироксилин?.. Боевая жизнь начнется не с подвига, а вот с этого, с этого...

Но нет, он не для того сюда лег, чтобы его переехали. Он своим телом наращивает высоту низкого борта платформы — чтобы выше барьер для колес... Но главное — оглобли...

Шуганов локтями упирается в железный обод колеса и осторожно отводит его от груди. Но от этого второе колесо еще плотнее прижимает колени. Нет, надо двигать повозку одновременно: и руками, и коленями.. И когда она откатится назад хоть на полоборота колеса, тогда заводить в сторону оглобли...

Он вдруг начинает крутить головой, отыскивая другие двуколки. Где? Поленья — тормоза сдвинулись, и двуколки сейчас тоже... Это что? Это с нитроглицерином... Это с шедитом... А где же другая с шедитом?..

Замерзшие пальцы хватают оглоблю (хочется ухватить цепко, накрепко, но — нет...), и повозка, повернувшись на полоборота, взбрасывает оглобли, как лапы, на платформу.

«Уф-уф!.. Наконец-то!»

Тотчас поленья зажимают каждое колесо спереди и сзади. Шуганов пересчитывает повозки — все! Перескакивая через оглобли, наклоняется над каждым колесом: хорошо ли лежится полену?

— Шуганов!

— Я! — отрывисто выкрикивает он, удивляясь, откуда этот голос.

Оказывается, поезд уже стоит, и на платформу, поблескивая пенсне, лезет его смена — Витька Сегалов («Ах, да, Сегалов! Как же я *тогда* забыл!»). Шуганов подводит его к поленьям у колес:

— Главное — следи, чтобы не сдвигались с места! Поправляй... Бывают случаи, что сдвигаются... Если зазеваешься... Мне рассказывал... да, дядька мне рассказывал... Дядька Анисим Павлович! Едет так платформа с двуколками, и вдруг, понимаешь...

Поезд дал гудок, и Шуганов заторопился: еще надо спрыгнуть с платформы и успеть вскочить в теплушку. И, влезая в натопленный вагон, он только тут почувствовал, как устал.

Засада

А. Стовраций

Мороз скрипуч, и воздух колок.
Поля застыли и дрожат.
И лапы белых медвежат
Свисают с побуревших елок.
В немом раздумье пышный куст.
Его вихры напудрил иней,
И в них, как в цепкой паутине,
Стихал, скрываясь, робкий хруст...
Ах, ветер, жгучий, полный злобы,
Когда ж со свистом на устах
Ты наметал в седых кустах
Вон те горбатые сугробы?
Их ночью не было... А днем...
Глядите — стали подниматься!

Глядите — стали загораться
Сухим отрывистым огнем!
Он неподвижность разом выжег,
И вот, проснувшись от стрельбы,
Сугробы стали на дыбы
И понеслись вперед на лыжах.
И прозвенев, разбилась тишь.
И хрупкий наст, как холст, распорот...
Сугроб расстегивает ворот
И снег отряхивает с лыж.
Дым заблудился в ветках сада.
Костер обнят десятком рук.
И слышно гордое вокруг:
— Вот это ловкая засада!...

Кишлак Шариб

Кирилл Левин

Горы шли двумя массивными хребтами с юго-востока на северо-запад. Между хребтами, извиваясь, как река, тянулось ущелье — длинное и узкое. Недалеко от кишлака ущелье круто сворачивало в сторону, мельчало и пропадало, точно горы задавили его.

Кишлак был раскинут в ущелье. Большая скала клонилась над его домами, нависая над ними с двадцатиметровой высоты. Новые люди, приходившие в кишлак Шариб, пугались скалы. Им казалось, что когда-нибудь скала обрушится на кишлак, но жители качали головами и спокойно улыбались:

— Стояла скала и при отцах и при дедах и не падала. Так она стоит, может быть, уже тысячу лет. Зачем же ей падать? Нет, можно спокойно спать под ее сенью.

Триангулятор Воробьев жил в домике, стоявшем под самой скалой. Он высчитал, что в случае падения скалы на домик должно обрушиться не меньше двух тысяч тонн камня.

В первые дни, возвращаясь с горы в кишлак после работы, Воробьев недоверчиво смотрел на массивную каменную башню, хищно нависшую над его жилищем, но потом привык к скале и уже не обращал на нее внимания. Весь день он со своей командой работал в диких, поросших лесом и кустами горах, переходил вброд ручьи, часто ночевал в палатке. Он наметил место для постройки сигнала на высокой горе, командующей над окружающей местностью. Красноармейцы валили могучие ели и тащили их к месту постройки. И вот, когда все уже подходило к концу и Воробьев со своей командой собирался покинуть кишлак, он тяжело заболел. Вероятно, простудился дождливой ночью, которую провел на вершине горы. Дул сильный ветер, Воробьев промок насквозь, а костра развести не удалось. Вымокший, дрожащий от холода, он утром продолжал работать. А к вечеру едва дотащился до кишлака — и свалился. Весь он горел, ночью начался бред. Младший командир Прудкин пытался лечить командира аспирином и хинином, то-есть теми средствами, что были в их походной аптечке, но аспирин и хинин не помогли. В кишлаке не было ни врача, ни фельдшера. Сюда можно было попасть только верхом на лошади или на ишаке. Нельзя было даже вывезти больного на телеге. Сидя возле Воробьева и с грустью и тревогой всматриваясь в осунувшееся, серое лицо командира, Прудкин решил, что надо принять какие-нибудь героические меры. Он вышел к бойцам, сидевшим во дворике. Они вскочили, окружили его.

— Главное, сообщение проклятое, — с горечью сказал Прудкин, — никак командира не вывезти. Не придумаю, что делать.

Заговорил боец Соколенко, маленький, коренастый человек с синими глазами.

— Самолет надо вызвать, — посоветовал Соколенко. — В глухие места к больным всегда вызывают самолеты. Об этом и в газетах писалось.

Все с изумлением посмотрели на маленького бойца. Как такая простая мысль не пришла им в голову! Конечно, надо вызвать из Ташкента самолет. В тот же день в Военно-топографический отдел была отправлена телеграмма. Прудкин сообщал, что триангулятор Воробьев тяжело заболел, лежит без врачебной помощи и его необходимо вывезти. Теперь оставалось ждать самолета. Но тот же Соколенко посеял тревогу среди товарищей.

Когда они сидели вместе, он хмуро оглядел их синими глазами и тихо сказал:

— Самолет-то мы вызвали, а вот где летчику садиться — не подумали. Где тут сядешь? Вот как горы надвинулись.

Это было весьма важное замечание. Кишлак лежал в ущелье, самая широкая часть которого не превышала двухсот метров. Возле самого кишлака ущелье делало крутой поворот, что сильно осложняло положение летчика — некуда ему было садиться. С северной стороны к кишлаку почти вплотную подходили высокие сопки, а с южной надвигались снеговые горы с зубчатыми вершинами. Оставался узенький, скалистый коридор, к тому же загибавшийся коленом, и в этом-то коридоре летчик должен был посадить машину. И может так случиться, что он прилетит, покружится, увидит, что сесть негде, и улетит обратно.

— Надо устроить посадочную площадку, — сказал Прудкин, — иначе нельзя.

— И выложить там знак «Т», — тихо добавил Соколенко, — без этого знака летчик не сядет. Челюскинцы тоже выкладывали посадочный знак.

Все, кроме одного, дежурившего при больном, отправились искать площадку. Собственно говоря, искать было нечего. За кишлаком находилось единственное место, где мог сесть самолет. Эта была вспаханная полоска земли около двухсот метров длины и метров двадцать в ширину. Другого ничего не было.

Рис. И. Гринштейна

— Самолет надо вызвать, — посоветовал Соколенко.

Долго советовались, в каком месте надо выкладывать знак. Так как площадка была коротка, они решили, что самолету надо садиться почти на краю ее, чтобы оставалось место для пробега. Знак устроили из палатки и трех рубах. Потом тщательно убрали все камни на поле и стали ждать самолета.

— А вдруг не прилетит? — вслух подумал кто-то.

— Не может не прилететь, — уверенно сказал Соколенко. — Советская наша власть никого из своих граждан не может оставить без помощи. Прилетит!

Они беспокойно ждали, задирали головы вверх, карабкались на скалы. Прудкин глядел в бинокль, водил им по небу.

В полдень на следующий день после отправки телеграммы послышалось жужжание мотора. Все вскочили, побежали на площадку. Большинство жителей кишлака ни разу не видели самолета, они высыпали на улицу, смотрели в небо. Наконец, показался самолет. Он сделал широкий круг и стал снижаться. Пролетел низко над кишлаком, взмыл кверху и пропал за горой.

— Не сел! — с отчаянием закричал Прудкин, — видно, нельзя ему здесь сесть.

— Не может быть, — спокойно ответил Соколенко. — Место для посадки трудное — семь раз примерь, один раз отрежь. Еще прилетит летчик.

Летчик действительно прилетел. Опять послышалось жужжание, и самолет появился над скалами. Пилота звали Криштал. Он был опытный горный летчик, и иногда ему приходилось сажать машину на крутой склон, где она грозила скапотировать. Кишлак он нашел без труда, но, пролетая над ним, увидел, что здесь будет очень трудно садиться. Он заметил и посадочный знак, выложенный красноармейцами, вернулся, чтобы лучше рассмотреть площадку. Врач, сидевший позади него, что-то закричал ему, неслышное из-за мотора, и показал рукой на площадку, но Криштал отрицательно покачал головой. Ему надо было не только сесть, но и взлететь, а как тут можно взлететь, он не видел. Против площадки подымалась гора, она делала взлет опасным — можно было зацепить за гору колесами. Криштал хотел спуститься еще ниже, чтобы лучше рассмотреть площадку, но мешало ущелье. Он сердито посмотрел на врача и взял на себя ручку, как бы желая улететь отсюда. Самолет пошел вверх, и врач тронул летчика за плечо. Криштал, не оборачиваясь, сердито кивнул головой. Он знал, что надо спасти больного командира и придется во что бы то ни стало посадить самолет. Почти зацепив колесами гору, мешавшую ему сесть («еще больше помешает при взлете», — подумал он), он повел машину на посадку. Но воздушное течение, сильное в узком ущелье, подбросило самолет и не дало ему снизиться. Вторая гора была впереди. Криштал круто развернул машину и пошел на второй круг. Но сделать полный круг мешала скала слева. С нахмуренным лицом он сделал скольжение на крыло и после глубокого разворота пошел на посадку. Куры разлетались во все стороны с безумным кудахтаньем, широко растопырив крылья. Никогда не видели они такого огромного ястреба. Мотор затих, колеса мягко коснулись вспаханной земли. Пропеллер еще медленно вертелся, когда Криштал выскочил из самолета и пошел по полю. В эту минуту он думал об одном — удастся ли ему взлететь. Самолет остановился всего в нескольких метрах от арыка. Значит, на такой площадке взлететь не удастся. Он укоризненно оглянулся на вылезавшего из самолета врача. Хотел выругаться и тут же вспомнил свой разговор с врачом, происходивший за две минуты до посадки.

Самолет круто взмыл кверху.

— Садиться опасно, — показал жестами Криштал, — обязательно угробимся.

— Что же делать, — жестами ответил врач, — нас послали к больному. Надо выполнить задание. Идите на посадку.

Криштал молча отвернулся. Прудкин через поле бежал к врачу.

— Ну, как больной? — спросил врач, — ведите.

Воробьев лежал, раскинув руки, дыханье с хрипом вырывалось из открытого рта. Он смотрел на врача, не видя его. Весь он горел, температура доходила до сорока градусов. Когда врач выстукивал его, он поднял голову, в тусклых глазах появилось беспокойство.

— Товарищ Прудкин, — глухо сказал он, — где вы, товарищ Прудкин? Сегодня мы выступаем. Уложите вещи... инструменты... осторож...

Он не закончил фразы, повалился на подушку.

Когда бойцы на руках выносили его, он опять очнулся. Свежий воздух оживил его, он оглянулся и увидел, что его несут к самолету.

— Отставить! — резко сказал Воробьев. — Никуда я не полечу. Завтра мы выступаем.

«Никуда ты и не полетишь, — подумал летчик, услышав его слова. — Я тоже думаю, что мы никуда не полетим из этого проклятого ящика».

И он угрюмо посмотрел на гору, которую он должен был перелететь. Успеет ли самолет набрать необходимую высоту?

Надо было засыпать ту часть арыка, которая пересекала поле. Он сказал об этом колхозникам, думая, что они не согласятся. Но председатель колхоза сказал ему, что через несколько часов все будет сделано.

— Разве не вижу, что надо, — сказал председатель. — Командира спасать обязательно. И нас Красная Армия спасала. Полетишь, не бойся. А мы потом обратно раскопаем. Все хорошо будет.

Около часу бился врач с Воробьевым. Триангулятор не хотел оставлять свою работу.

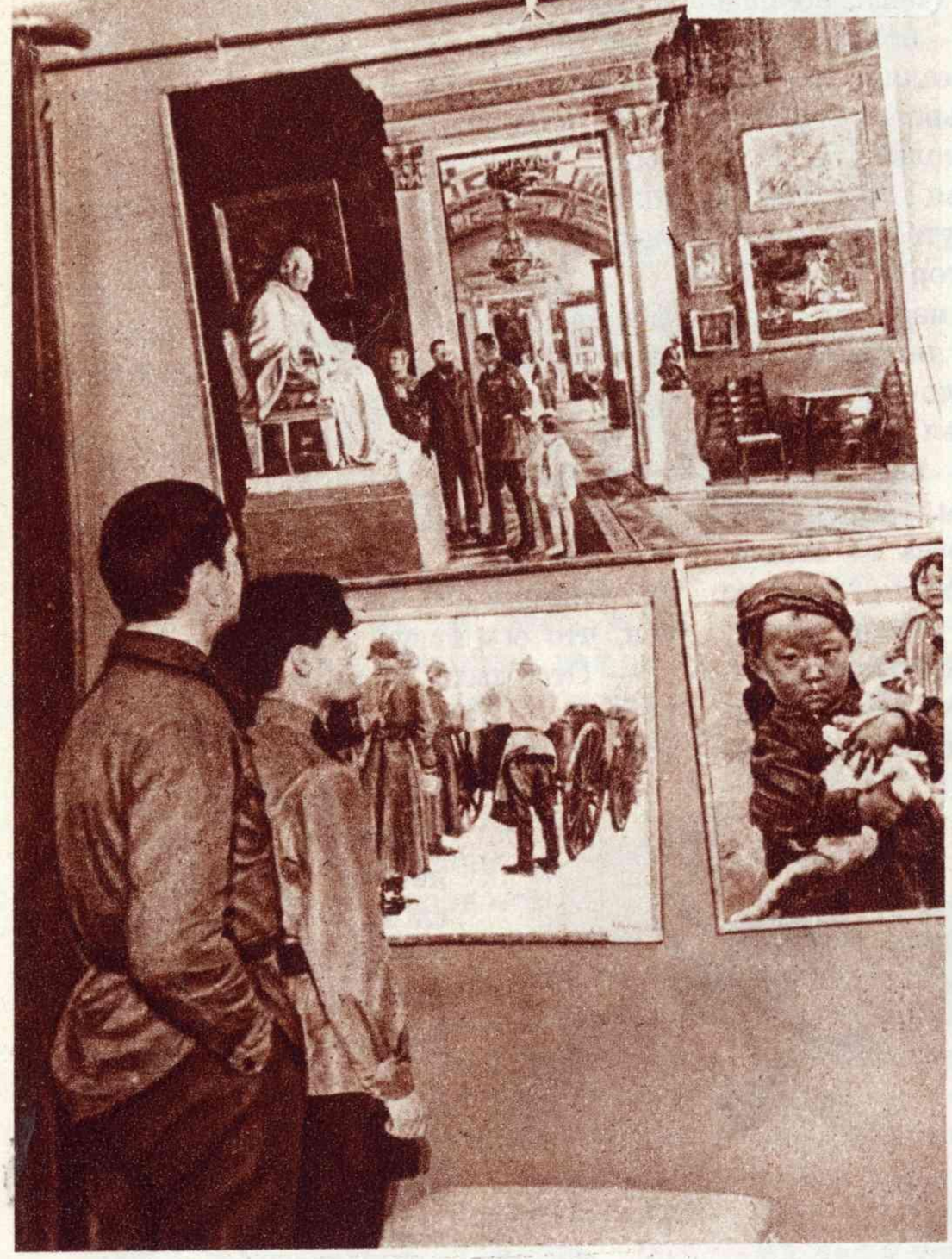
— Да все равно оставите, — сказал врач, — и если не заберем вас, сами понимаете, что будет. Кроме того, мы выполняем приказ вашего командования.

Последний довод подействовал. Воробьев дал себя уложить в самолет.

Машину оттащили на самый край поля. Криштал в последний раз измерил расстояние до горы и дал полный газ. После взлета он прижал машину к земле и, набрав скорость, круто взмыл кверху и боевым разворотом обогнул гору.

Бойцы еще раз увидели самолет. Он описал круг над ущельем и скрылся по направлению к Ташкенту.

Самодеятельность в Рабоче-



Стэнд картин работы красноармейца тов. В. Калинина (ЛВО).

Красноармеец т. Коробейников, младший командир т. Першин и красноармеец т. Регулярный (МВО) за работой в студии им. Грекова.

На занятиях литературного кружка N-ской части (МВО). Слева направо: красноармейцы тт. Жуков и Сенин, руководитель кружка т. Далин, младший командир т. Азаркин, красноармеец т. Алатов, жена лейтенанта т. Махробекова и красноармейцы тт. Савинков и Быков.

В N-ской части МВО к 20-летию Красной Армии и Флота ставится пьеса «Погранични
На снимке: репетиция пьесы.

Картина красноармейца т. Перевышина (МВО) «Встреча донских казаков с кубанскими».

Картина красноармейца т. Литоровского (БВО) «Задание в разведке».

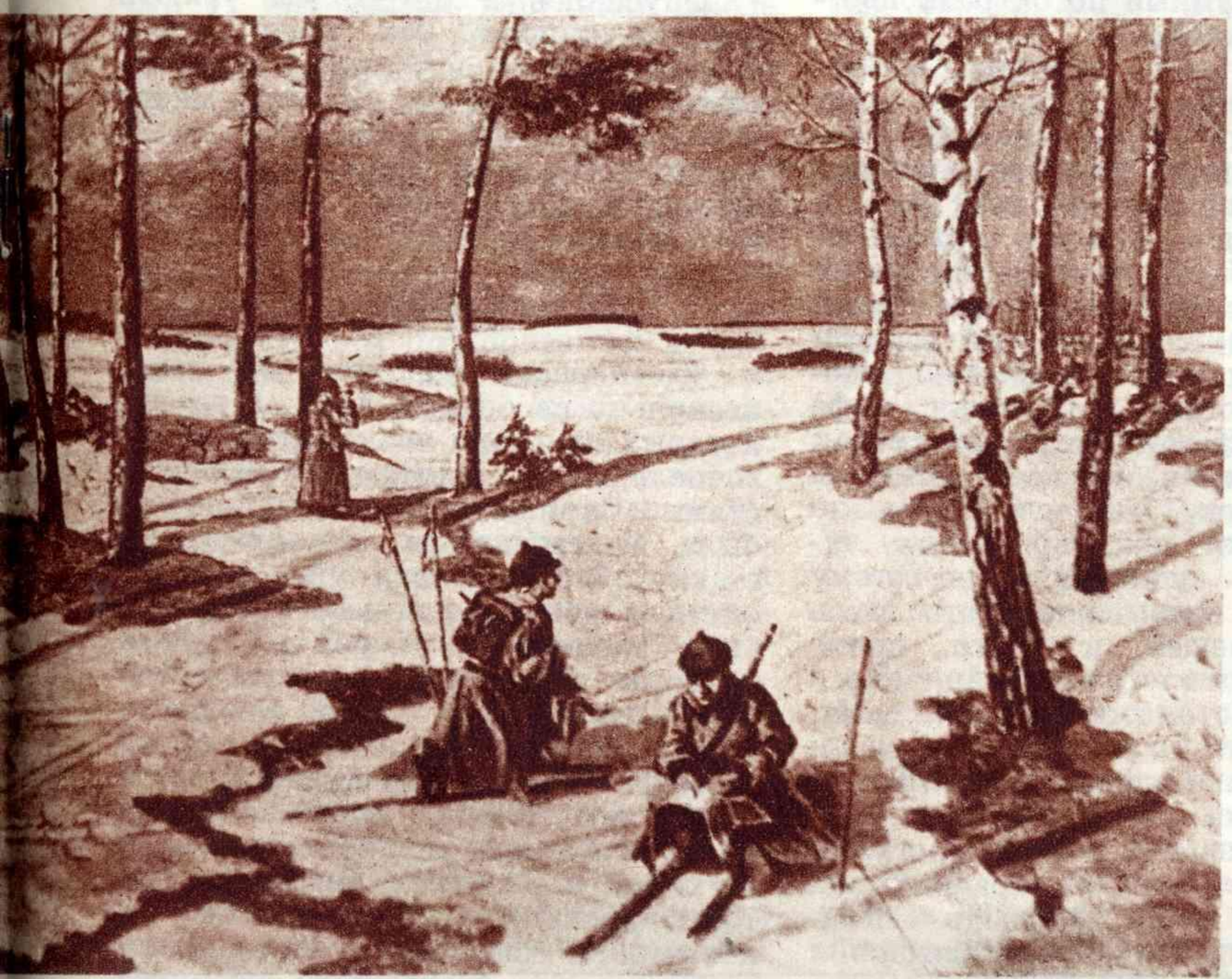
Крестьянской Красной Армии

Красноармеец N-ской части КВО тов. В. И. Сухоруков у своей картины «Разведка».

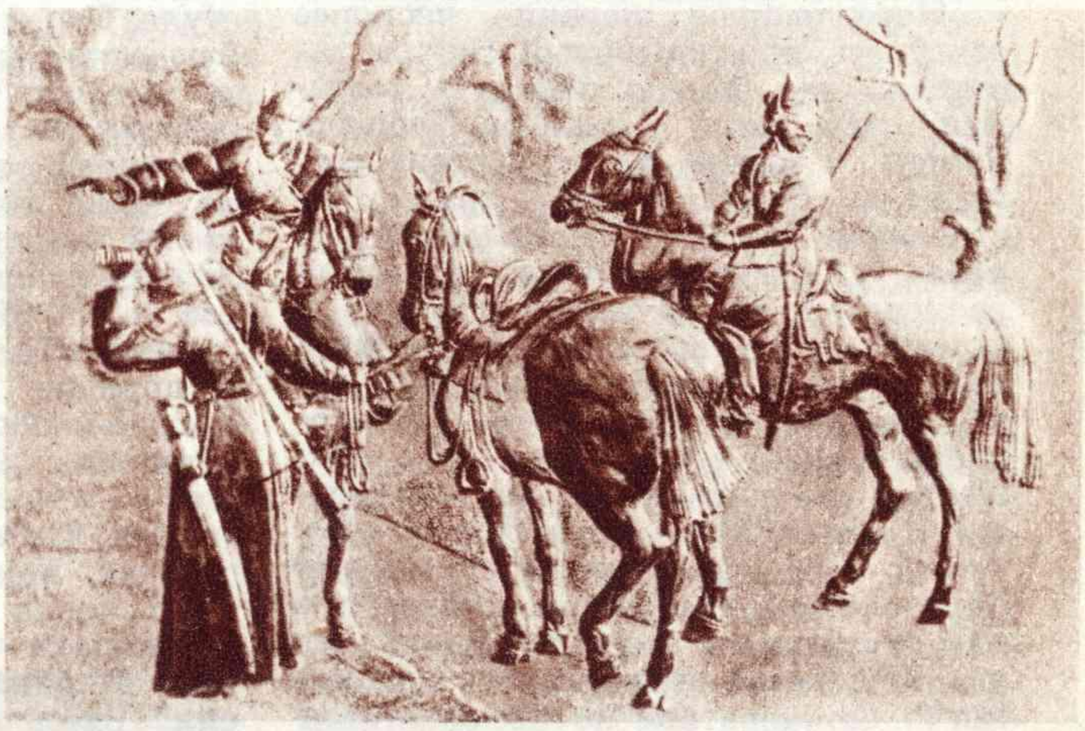
Красноармеец т. Брагин (МВО) работает над эскизом к картине из жизни пограничников «Там чужак».

Струнный оркестр N-ской части (Азербайджан) разучивает песни и пляски к XX годовщине Красной Армии и Флота. На переднем плане бубнист Ашум Касимов и солист на барабане Меликов Газанфар.

Красноармейцы N-ской части МВО в час досуга слушают игру на рояле красноармейца т. Сапожникова.



Картина красноармейца т. Щенкова «В дозоре».



Резьба по дереву по картине Покарженского работы красноармейца т. Ивинского (БВО).

Александр ШИЛОВ

КРАСНОЗНАМЕННЫЙ АНСАМБЛЬ ЗА ГРАНИЦЕЙ

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Ранним сентябрьским утром советский теплоход «Смольный» подошел к Гавру, имея на своем борту полный состав участников Краснознаменного ансамбля красноармейской песни и пляски Союза ССР.

Набережная Гавра чем-то напомнила нам набережную нашего Баку.

Простившись с командой «Смольного», мы на автобусах отправились к вокзалу железной дороги.

С большой скоростью наш поезд помчался в Париж. Грохот совершенно лишал нас возможности разговаривать. В широком окне вагона мелькали французские деревеньки с белыми домиками, покрытыми красной черепицей.

Париж. Старый вокзал Сен-Лазар. Нас встречают многочисленные фоторепортеры. Падкие до сенсации, они ожидали увидеть нас если не в красноармейской форме, то уже, во всяком случае, в экзотических косоворотках.

Ни того, ни другого они не увидели.

Голубые автобусы развозят нас по отелям. Провожающие — железнодорожники, рабочие, носильщики, — когда трогаются автобусы, поднимают вверх сжатый кулак. Мы отвечаем улыбками и приподнятыми шляпами — только так, не больше.

Нетерпеливое желание поскорее осмотреть прославленный Париж заставило нас быстро покинуть гостиницу. Мы жили в районе Площади Звезды, в центре которой стоит знаменитая Триумфальная арка, построенная в честь Наполеоновских побед. Двенадцать улиц радиусом расходятся от Площади Звезды и выносят на нее огромный, но бесшумный поток автомобилей. Вокруг арки — водоворот движения. Первое впечатление — что никто этим движением не управляет, нет длительных остановок у светофоров. Но, тем не менее, к пешеходу существует определенное уважение: если группа людей задумает перейти улицу, то даже без знака полицейского машины могут остановиться на несколько секунд.

Именно таким способом мы спокойно пересекли площадь и подошли к Триумфальной арке, внутри которой находится могила неизвестного солдата. На могиле много венков и живых цветов. Набегающий ветер колышет газовое пламя лампады.

Вокруг стояла небольшая группа людей, преимущественно иностранцев.

На стенах Триумфальной арки высечены названия городов, взятых Наполеоном.

Одна из двенадцати улиц, расходящихся от Площади Звезды, называется Улицей Великой Армии. Несколько раз мы слышали о том, что по этой улице шла армия Наполеона в далекую снежную Россию. Кто-то из наших товарищей хотел спросить, а по какой улице эта армия возвращалась из России. Но... вопрос задан не был, ибо мы были не у себя дома.

От Площади Звезды до Площади Согласия тянется широкая, хорошо освещенная улица — знаменитое авеню Елисейских полей.

Посреди улицы — тот же стремительный бесшумный поток разноцветных автомобилей.

Вдоль широкого тротуара — бесчисленные кафе. В одном из них, куда мы зашли выпить пива, мы увидели необычайное для нас зрелище. За столом сидела молодая пара и рядом с ними за тем же столом сидели две собаки, каждая на своем стуле. Перед собаками на столе стояли блюдечки, из которых они лакали то же, что пили их хозяева. Подошедшая к столу служащая кафе заученным жестом потрепала собак по спине и принесла всем четверым новый напиток. Мы оглянулись по сторонам, ища в окружающих лицах хотя бы удивления по этому поводу. Но, оказывается, это здесь в порядке вещей, и никто, кроме нас, не обратил на это никакого внимания. Потом мы увидели сами, что собаки в Париже — в моде и термин «собачья жизнь» к парижским собакам никак не относится.

В конце нашей первой прогулки мы попали в одно из красивейших мест Парижа — на Площадь Согласия. Здесь также кипела вечерняя жизнь города, сновали автомобили, кричали газетчики, шумели фонтаны. Трудно было себе представить, что когда-то на этой площади стояла гильотина, на которой были казнены Людовик XVI, Мария Антуанетта, Шарлотта Кордэ...

С набережной Сены мы только взглянули на блещущую огнями всемирную выставку и, порядком устав за день, опустились в метро.

Нас, москвичей, привыкших к блестящей архитектуре московского метро, к его чистоте, обилию воздуха и света, парижское метро в этом отношении поразило своей полной противоположностью. Если у нас по одному виду станции определяют ее название, то в Париже это невозможно, там все станции внешне одинаковы и все завешаны рекламами.

Парижскому метро около сорока лет, за это время его линии охватили весь город, что весьма удобно для трудового населения Парижа. Поезда ходят так же четко, как и у нас. Имеются вагоны первого и второго класса. Не говоря уже о втором, вагон первого класса хуже наших.

Трамвая в Париже уже нет.

Опускаясь в метро, мы увидели первую нищую. Мы были полны впечатлений от вечерней жизни парижской улицы, от блеска многочисленных огней, и после этого вид жалкого человека, спрятавшегося на лестнице метро, нам особенно запомнился.

ПАРИЖ

До первого концерта мы имели несколько свободных дней, в течение которых мы стали знакомиться с многочисленными достопримечательностями Парижа. Одной из первых была экскурсия на всемирную выставку. Эта выставка уже подробно описывалась в нашей печати. Приятно было видеть тот огромный успех, которым пользуется наш павильон. В Париже нет такого книжного, писчебумажного магазина или просто газетного киоска, где бы не продавались фотографии советского павильона и замечательной скульптуры Мухиной в десятках видов, со всех точек зрения, снятых при дневном и вечернем освещении. Магазины художественных безделушек воспроизводят наш павильон и его скульптуру во множестве разных вещей, как-то:

чернильные приборы, настольные часы, пепельницы и т. д. Отдельно, статуэтками разных размеров, продается воспроизведение скульптуры. На успехе советского павильона изворотливые люди зарабатывают деньги. Невольно вспомнились наши художественные магазины и стало немножко обидно за их неповоротливость в этом деле.

Совершенно исключительное, трудно поддающееся описанию впечатление производит посещение кинотеатра, арендованного для демонстрации советских фильмов. Этот «Синема» находится на улице Пигаль и носит то же название. В его вестибюле были анонсированы «Бесприданница» и «Петр I». В день нашего посещения шли сразу три фильма: «Джульбарс», «Тринадцать» и «Физкультурный парад». Киносеанс в Париже продолжается несколько часов, в продолжение которого дают или один очень большой фильм или несколько обычных. Поэтому в кино бывают антракты посредине длинного фильма или между двумя относительно небольшими. Во время киносеанса можно курить, до начала и в антракте в зрительном зале разносят напитки и фрукты, эскимо и т. д.

Когда после шума вечерней парижской улицы попадаешь в это кино, то невольно чувствуешь себя почти как в родной обстановке. Советские фильмы идут с французской подтекстовкой, а прекрасные звуковые аппараты разносят по залу родную речь — чистую, без малейшего шума и шероховатостей. Когда в напряженных моментах фильма зал аплодирует, когда в зале звучит песня, которой нас провожали в Москве: «Страна моя! Москва моя!», когда на экране видишь Москву, Красную площадь, улыбки Сталина, Ворошилова, — ощущаешь подлинное, глубокое волнение.

Побывали мы в тех местах, где жил и работал Владимир Ильич во время своей эмиграции из царской России.

Мы поехали на автобусе в южное предместье Парижа — Лонжюмо, по той дороге, по которой Владимир Ильич ездил из Парижа на велосипеде. В местечке Лонжюмо на Гран рю, 17 помещалась партийная школа большевиков; напротив было общежитие учащихся, в числе которых был Серго Орджоникидзе. На рю де Зеколь, 96 сохранился домик, где Владимир Ильич снимал маленькую комнатку у хозяйки, здравствующей и доныне. Она очень приветливо принимает тех советских людей, которые приезжают сюда, но нас было слишком много. Мы поздоровались с ней, когда она вышла за калитку, и, посмотрев на окно комнаты Владимира Ильича, не заходили внутрь. С домом, где помещалась партшкола, дело обстояло сложнее — там в настоящее время живет фашист, который соответственно и относится к экскурсиям советских людей, приезжающих в Лонжюмо. Порой невольно забывалась та обстановка, среди которой мы находимся, и уже кое-кто из наших товарищей вздумал было возмутиться этим, но наши руководители из советского посольства только напомнили нам, что мы за границей. Пришлось смириться.

Были мы и у стены Парижских коммунаров, на кладбище Пер Лашез. Эта невысокая кладбищенская ограда теперь известна пролетариату всего мира. Она вся увешана венками, и у ее подножья лежит много живых цветов. Красные ленты венков имеют надписи на разных языках. Красные цветы лежат около стены.

В парижском зале „Плейель" звучит „Интернационал".

Рядом могила Анри Барбюса. Памятник на ней сделан из цветного уральского камня руками уральских рабочих. Во время нашей экскурсии какой-то мужчина сидел с порошком и тряпками, очищая памятник от пыли. Это рабочие Парижа поочереди в свой выходной день приходят сюда для того, чтобы могила Барбюса была всегда в полном порядке. В тот день работал рабочий парижского метро. Мы попросили нашего переводчика передать ему наш привет, сказать, что мы из СССР и очень тронуты тем, что он делает. Рабочий улыбнулся, поблагодарил нас и на прощанье поднял вверх сжатый кулак.

У стены коммунаров и на могиле Барбюса мы оставили красные цветы.

В Версале мы осмотрели знаменитый дворец, сады, фонтаны. Видели грандиозный фейерверк, который устраивают раз в год и на котором присутствует президент республики.

Побывали мы в том зеркальном зале Версальского дворца, где Людовик XIV удостаивал чести других монархов своим приемом, где победитель Вильгельм I — король Прусский — у стен осажденного Парижа провозгласил себя императором германским. В 1918 году в этом же зеркальном зале был заключен мир между Францией и Германией.

Большое впечатление оставляет знаменитый музей Парижа — Лувр. В музеях Парижа бывают преимущественно интуристы. В залы музея входят в пальто и шляп не снимают.

Коллективно посетили мы «Опера Комик», где слушали две небольших оперы: «Сельская честь» Масканьи и «Жонглер богоматери» Масснэ, и в «Гранд Опера» — оперу композитора Тома «Гамлет».

Театр «Опера Комик» носит устаревшее название. Там давно не идут комические оперы. По своему значению он скорее похож на московский филиал Большого театра или на ленинградский Малый оперный театр.

В «Опера Комик» в 1875 году в первый раз шла опера Бизе «Кармен» и была освистана парижской публикой. Спустя несколько лет «Кармен» пошла по всем оперным театрам мира и до сих пор продолжает волновать слушателей. Все это невольно вспомнилось, когда мы сидели в партере театра. Хорошие певцы в «Опера Комик» — исключение. Основной контингент певцов — посредственный или просто плохой. Постановка поражает своей примитивностью; говорить хотя бы о какой-либо игре оперных артистов совершенно не приходится — дальше прикладывания рук к сердцу дело не идет. Приятным исключением была исполнительница партии Манон — Грандваль.

В «Гранд Опера» певцы значительно лучше. Партию Гамлета исполнял хороший баритон — Бекман, остальные певцы были тоже хороши. Но драматическая сторона спектакля опять-таки на невысоком уровне. После оперы «Гамлет» шел небольшой балет в постановке русского балетмейстера — новатора предвоенной эпохи — Фокина. Балет под названием «Розовый спектр», на музыку Вебера «Приглашение к танцу». Глядя на этот балет, невольно подумалось: какой громадный успех имел бы наш советский балет в Париже! Мы так привыкли к нашим замечательным представителям московского и особенно ленинградского балета, что смотрим на это, как на явление обычное. Между тем, они значительно выше западноевропейских.

Из бытовых деталей театральной жизни любопытно то, что некоторые мужчины, гуляя в фойэ, надевают шляпу, окурки бросают прямо на пол; удивляет обилие полиции в театрах. Начиная со второго акта, когда уже нет опаздывающей публики, зал слушает очень внимательно. Певцы на аплодисменты после арии раскланиваются и, не заставляя себя долго просить, бисируют арию.

Гуляя по городу, мы не оставили без внимания такие архитектурные шедевры, как Собор Парижской богоматери, Луврский дворец, Пантеон и т. д.

До сих пор существуют букинистические ларьки на набережной Се-

ны. Там любители книг, гравюр, старых медалей, монет, марок часами копаются, подыскивая себе недостающий экземпляр или какую-нибудь редкость для своей коллекции.

ПЕРВЫЙ КОНЦЕРТ

Осматривая Париж, мы только на окраинах его видели изредка попадавшиеся наши афиши. В центре города их не было вовсе. Невольно закрадывалась мысль, что нас в Париже никто не знает, что никому мы здесь не нужны.

Между тем, билеты на первые шесть концертов, на которые была объявлена продажа, быстро разошлись, и на наших афишах, висевших около концертного зала, были наклеены поперечные ленты со словом «Complet» (что обозначает: «все билеты проданы»).

Чем более приближался день первого концерта, тем больше мы волновались: какой прием окажут нам в Париже? Сотрудники советского посольства, слушавшие наши репетиции, предсказывали нам большой успех. Но видно было, что и сами они волновались вместе с нами.

Наконец, 9 сентября мы в полной военной форме стояли на эстраде зала «Плейель». Опущенный занавес закрывал нас от гудящего зала, где рассаживались две с половиной тысячи слушателей.

Наступали решительные и незабываемые минуты.

Перед открытием занавеса наш художественный руководитель Народный артист Союза ССР А. В. Александров напомнил нам о той ответственности, которая сейчас лежит на нас. Остались считанные минуты до того момента, когда откроется занавес, и нам не на словах, а на деле надо будет оправдать доверие партии и правительства, пославших нас от имени всего Советского Союза на международную выставку. Нами проделана большая подготовительная работа к заграничной поездке, позади много хлопот, сборов, волнений — и все это для того, чтобы через 2—3 минуты вступить в бой за престиж советского искусства.

Занавес медленно раздвинулся.

В зале раздались продолжительные аплодисменты. Партер блестит туалетами женщин и фрачными сорочками мужчин. Сегодня в зале присутствуют члены правительства, дипломатический корпус и представители всей парижской прессы. После короткого вступительного слова на французском языке на эстраду входит встреченный аплодисментами А. В. Александров. Ответив сдержанным поклоном на аплодисменты, он поворачивается лицом к ансамблю. В зале наступает напряженная абсолютная тишина. На нас направлено множество биноклей и лорнетов. Фотоаппараты «Лейка» фиксируют необычное для Парижа зрелище.

Мы были уверены в победе, тем не менее, наше волнение достигло предела. Взмах руки Александра Васильевича — и в зал полились волнующие звуки Марсельезы на французском языке.

Все встали.

Воодушевление, с которым мы пели, чеканный ритм и звуковая мощь, присущие ансамблю, вернули Марсельезе горячую кровь, которую она имела, звуча на баррикадах Великой французской революции, и которую постепенно потеряла, став официальным гимном буржуазной республики. После Марсельезы в зале раздался гром аплодисментов — это нас немного успокоило. Теперь предстояло исполнить гимн нашей страны — Интернационал. Как-то примет неизвестная нам аудитория международный гимн революции, созданный, кстати сказать, как и Марсельеза, во Франции?

Между тем, на эстраду с обеих сторон входили по четыре фанфариста. Они в белых перчатках несли, как винтовки наперевес, длинные фанфары с красными знаменами.

Вторично в зале наступает тишина.

Мгновение — фанфары взвиваются вверх, и вслед за их бодрящими звуками мощно и торжественно зазвучал Интернационал.

Вторично весь зал, за исключением двоих, встал.

Одного из сидящих насильно подняли за плечи рядом стоявшие люди. Мы думали, что сейчас произойдет скандал, но все обошлось мирно. Поднятый гражданин покорно простоял в продолжение всех трех куплетов нашего гимна. После Интернационала в зале раздались еще большие аплодисменты. В этот момент мы почувствовали, что в зале наших друзей гораздо больше, чем врагов. Это нас воодушевило еще больше, и когда после исполнения двух гимнов мы спели Дальневосточную партизанскую, то весь зал единодушно потребовал ее повторения.

Почти все последующие песни мы бисировали и вместо шестнадцати вещей по программе ежедневно исполняли до тридцати.

Воодушевление в зале росло с каждой песней, и когда в конце первого отделения на эстраду вылетели наши танцоры в белоснежных гимнастерках, то уже аплодисменты не смолкали в продолжение всей красноармейской пляски, а по окончании ее вылились в бурную овацию всему коллективу.

В антракте мы поздравляли друг друга с победой.

Ко второму отделению мы переодевались в белые гимнастерки.

Вторая половина концерта была принята с еще большим энтузиазмом. Повторяли почти каждый номер. Особенный взрыв восторга вызвала французская революционно-патриотическая песня Мегюля, которую мы называли «Походной». Ее во Франции поют все — от мала до велика. В этом отношении она в какой-то мере аналогична нашей Дальневосточной партизанской. Поэтому сам факт включения такой песни в наш репертуар необыкновенно импонировал гражданскому чувству французов. Исполняли мы ее на русском и французском языках.

В заключение концерта шел украинский танец. Бурной овации и крикам восторга, казалось, не будет конца. Весь зал сиял улыбками. Нам кричали, махали руками, платками, шляпами, посылали воздушные поцелуи, поднимали вверх сжатые кулаки, и никто не думал уходить из зала. Из задних рядов партера по проходам бежали вперед к эстраде и, перевесившись через оркестровый барьер, зрители всячески выражали свой восторг.

Занавес поднимали много раз.

Наконец, когда в очередной раз закрылся занавес и скрыл от нас восторженную толпу, там, в зале, запели Интернационал на французском языке. Стоя за занавесом, мы, притаив дыхание, слушали наш гимн, горя желанием запеть вместе с залом, но... мы только слушали и уже больше на аплодисменты не выходили.

В Москву сейчас же были посланы телеграммы с извещением о нашем успехе.

Переодевшись в штатское, мы, радостные и возбужденные, еще окончательно не пришедшие в себя после такого приема, расходились по гостиницам. При выходе из зала белогвардейские эмигранты совали нам в руки «подарки» — маленькие книжки на русском языке. Это оказалось евангелием от Луки! Это было настолько нелепо и смешно, что, кроме самого искреннего удивления по адресу тех людей, которые заботились о «спасении наших душ», они вызвать не могли.

Профессор-орденоносец А. В. Александров дирижирует Краснознаменным ансамблем песни и пляски в ЦДКА.

Танец „Особой Краснознаменной Дальневосточной армии" в исполнении ансамбля.

В самом зале, в вестибюле, во всех коридорах, у всех дверей зала стояли молчаливые полицейские. На улице вокруг здания в продолжение всего нашего концерта дежурила многочисленная полиция. Расходящаяся публика останавливалась на перекрестке и, встречая наших товарищей, осматривала их с ног до головы, приветливо улыбалась, говоря: «Браво, браво!» В ответ мы молча поднимали свои шляпы и шли своей дорогой.

В гостиницах нас поздравили с успехом служащие, которые слушали наш концерт по радио.

В РАЗГАРЕ РАБОТЫ

Каждый день у нас начинался репетицией или экскурсией — даром время мы не теряли.

На нашем втором концерте в артистическом подъезде висел большой плакат, где на русском языке, по старому правописанию была написана какая-то евангельская цитата. Из этой цитаты мы узнали, что нас, великих грешников, на том свете ждут вечные муки. Но, оказывается, у нас еще есть время покаяться, пока не поздно. Внизу плаката было написано время и адрес места покаяния. Комментарии, что называется, излишни.

Перед началом второго концерта мы опять немного поволновались. Занавес открыл нам опять переполненный зал, в котором уже не было ни одного фрака — на наши концерты пошла обыкновенная «кассовая» публика. Прием был еще более горячий, чем на первом концерте. При исполнении Интернационала не встали человек пять-шесть, часть которых опять подняли за плечи. Опять бисировали почти всю программу, и так каждый вечер до нашего последнего концерта в Париже. С третьего концерта мы уже пели совершенно спокойно, как у себя, в Колонном зале Дома Союзов.

В ответ на сообщение о нашем успехе мы получили телеграмму от товарища Ворошилова, который поздравлял нас и желал дальнейших успехов. Текст телеграммы прочли всему составу ансамбля перед открытием занавеса на третьем концерте. Мы хотели уже разразиться аплодисментами, забыв, что нас от зала скрывает слишком тонкая стенка...

Затем мы получили радиограмму с Северного полюса. В ней было дословно сказано следующее:

«Станция Северный полюс.

В первом часу ночи мы, лежа на наших меховых мешках, слушали концерт Краснознаменного ансамбля, который транслировался из Парижа.

Мы были вдвойне рады, во-первых, слушая родные, знакомые песни; во-вторых, мы радовались бурному восторгу слушателей, шумному успеху, выпавшему на долю Краснознаменного ансамбля.

На Северном полюсе мы слышали, как большой парижский зал грохотал аплодисментами и криками: «браво, бис!»

Было чем восторгаться. Ансамбль прекрасно исполнил свои лучшие песни.

Самые северные слушатели шлют свой горячий привет ансамблю и его руководителю т. Александрову.

Желаем дальнейших успехов в показе советского искусства.

Кренкель».

Текст этой телеграммы читали на французском языке каждый день во вступительном слове к нашему концерту. Это вызывало шумные аплодисменты в зале. Мы были очень рады этой телеграмме, представив себе полярную ночь, дрейфующую льдину среди холодной пустыни, палатку отважных полярников, и вдруг... звуки родных песен из Парижа.

15 сентября мы полным составом поехали на концерт в один из промышленных центров Франции, город Лилль. Он расположен в 18 километрах от границы Бельгии. Большая часть пути от Парижа до Лилля это — в недалеком прошлом — кровавая арена империалистической войны. Из окон вагона видны белые стандартные домики, выстроенные после войны на германские репарации.

Сам город — словно маленький Париж. Здания серого мягкого камня, из которого выстроены чуть ли не все города Франции. То же обилие цветной рекламы. Кафе на каждом шагу.

Наш концерт происходил в городском театре. Билеты, конечно, все проданы.

Если в течение шести концертов мы, так сказать, освоили Париж и успели к нему как-то привыкнуть, то здесь, в другой обстановке, мы снова почувствовали легкое волнение.

Когда открылся занавес, то нам показалось, что в зале разорвалась бомба — такой гром аплодисментов, приветственных криков: «Вив ларме руж!»* поднялся в зале. Эта буря восторга сменилась полной тишиной, как только А. В. Александров поднял руки для вступления.

Невольно подумалось: где, когда так было в истории человечества, чтобы представителям чужеземной армии устраивали такую теплую встречу!

В нашем концерте шла парижская программа.

Интересно отметить, что такие вещи, как хор из оперы «Риголетто», который в Париже нас заставляли всегда бисировать, здесь, в Лилле, прошел совершенно незаметно. Зато песни политические имели здесь прием еще лучший, чем в Париже.

* Да здравствует Красная Армия!

Фото Сэккэ и Федосеева

Красноармейская пляска в исполнении ансамбля народных танцев СССР под руководством орденоносца И. Моисеева.

Во время исполнения походной песни Мегюля в зале раздались крики и взрыв аплодисментов. А. В. Александров, стоявший во время дирижирования спиной к публике, невольно оглянулся на зал, посмотреть, что там случилось. Оказалось, что весь зал, встав со своих мест, пел с нами эту песню. Тогда Александр Васильевич повернулся лицом к залу и стал дирижировать увеличившимся составом ансамбля.

Эту песню, конечно, пели два раза.

Когда ведущий программу объявлял на французском языке песни о Сталине и о Ворошилове, то одно упоминание этих имен вызывало бурю восторга в зале. По требованию слушателей эти песни были немедленно повторены.

На другой день мы, осмотрев город, побывав в местном музее искусств, вернулись в Париж, где вечером в том же зале «Плейель» начинались вторые шесть концертов по новой программе.

В кассе не осталось ни одного билета.

Перед началом концерта нашего администратора осаждало множество людей, надеявшихся получить пропуск хоть на ступеньку. Приходили члены братских компартий, просто люди, не успевшие достать билета, приходили русские эмигранты, и каждый в меру своих способностей просил о выдаче ему пропуска. На один концерт пришла вдова недавно казненного немецкого антифашиста Эдгара Андре — конечно, ее просьба о месте была удовлетворена.

Наша вторая программа не была совершенно новой: в ней были оставлены песни первой программы, имевшие наибольший успех.

Программа трех последних концертов была составлена исключительно из излюбленных песен обеих программ.

В эти дни мы дали один утренник для рабочих Парижа и членов общества «Друзей Советского Союза». Этот концерт прошел в исключительно теплой и дружеской обстановке. После окончания концерта, когда овации стали немного стихать, весь зал, стоя, дружно и стройно спел Интернационал на французском языке. Мы в положении «смирно» стояли на сцене.

В эти же дни, учитывая наш исключительный успех, две граммофонные фирмы «Колумбия» и «Полидор» предложили нам записать наши песни на пластинки. Мы согласились, в результате чего на французских пластинках запечатлены четырнадцать песен нашего репертуара. Среди них: Интернационал, Марсельеза, песня о Сталине, песня о Ворошилове, Партизанская, Полюшко, Походная песня Мегюля и другие.

Кроме того, нас засняли в звуковом кино с песнями и плясками.

Концерты же шли вечером своим чередом, со всеми бесконечными повторениями и овациями.

В эти последние дни нашего пребывания в Париже мы начали чувствовать усталость. Вечером на концертах мы пробовали было избегать повторений, но ничего у нас из этого не выходило. Публика терпеливо аплодировала по нескольку минут и настойчиво требовала повторений. Приходилось покоряться.

Наш последний концерт транслировался в Москву.

22 сентября мы поехали всем составом на один концерт в Лион. Вагоны французского поезда не приспособлены для дальней дороги. В них можно сидя дремать, а поспать так, как это возможно у нас, — нельзя. До Лиона семь часов езды. Приехали туда порядком уставшие. С вокзала мы проехали в рабочее предместье Лиона на прием к мэру этого предместья — коммунисту.

Там нам устроили торжественный обед, за которым произошел обмен дружественными речами. Один из друзей Советского Союза крикнул: «Вив ле камрад Сталин, вив ле камрад Ворошилов» *. Мы ответили громким «ура». Затем, уже по нашему почину, прогремело «ура» в честь товарищей Марселя Кашэн и, ныне покойного, Вайяна Кутюрье. На этом приеме мы выпили по бокалу шампанского, прослушали небольшой концерт французской песни и поехали в самый Лион, на другой прием, в мэрию города.

Как известно, мэром Лиона является Эррио. В тот день он был в Женеве, и нас принял его заместитель. Опять обмен приветственными речами и бокал шампанского. Наши три девушки — танцовщицы — уже не знали, куда им девать преподносимые цветы.

К нашему выходу из мэрии на площади собралась большая толпа народа. Нас встречали улыбками и поднятыми вверх сжатыми кулаками. Мы отвечали только улыбками.

Когда вечером на автобусах мы подъезжали к театру, где должен быть наш концерт, то мы увидели, что вся площадь перед театром запружена народом, чаявшим как-нибудь попасть на наш концерт. Наши автобусы принуждены были ехать черепашьим шагом через густую толпу, кишевшую на площади.

Наш концерт был встречен так же тепло, как в Лилле. Особенно бурно реагировали на исполнение политических песен. Опять упоминание имен товарищей Сталина и Ворошилова вызвало в зале гром аплодисментов и требование повторения песен о них.

Порядком уставшие, мы, переночевав в Лионе, на другой день вернулись в Париж.

Вечером в нашем полпредстве был устроен прием и товарищеский вечер по случаю окончания наших выступлений во Франции. Здесь, на этом советском островке среди капиталистического моря, после официальной части, на которой присутствовали представители парижской прессы, мы, наконец, остались одни. Из Лондона к нам приехал товарищ Майский и поздравил нас с успешным окончанием наших концертов во Франции. Вечер закончился самодеятельным концертом, вроде тех, которые мы устраивали на теплоходе «Смольный».

На другой день советская колония и друзья Советского Союза проводили нас с Восточного вокзала в Прагу.

АТЬ ЖИЕ РУДА АРМАДА!

Снова в окнах вагона замелькали перелески и долины, снова мы стали выискивать в неудобных французских вагонах какое-нибудь положение для того, чтобы хоть немного уснуть. Сколько раз в таком случае мы вспоминали каюты «Смольного» и наши советские вагоны, где можно вытянуться во весь рост и не так чувствовать неудобство передвижения.

Поздно вечером мы пересекли границу Швейцарии.

Наступившее утро застало нас в Австрии.

Проехав родину Моцарта — город Зальцбург — мы вскоре пересекли чехословацкую границу.

Городок Будейовицы заставил вспомнить похождения бравого солдата Швейка...

Поздно вечером показалась Прага.

На перроне нас встречали многочисленные делегации, представители которых вручали цветы и произносили приветственные речи.

Рабочий хор «Типография», с успехом гастролировавший у нас в 1936 году, спел Интернационал на русском языке. Хор учительниц спел чехословацкий гимн. Опять цветы и вспышки магния.

Когда мы через вокзал двинулись на привокзальную площадь, чтобы сесть в машины, мы услышали отдаленный шум, который возрастал по мере нашего приближения. Дальше мы увидели то, чего никогда не ожи-

* Да здравствует товарищ Сталин, да здравствует товарищ Ворошилов!

дали увидеть... Вестибюль вокзала, выход на площадь и место, где стояли наши автобусы, были оцеплены плотным строем полиции. А из-за него к нам тянулись тысячи рук, которые приветственно махали шляпами, платками, кидали цветы, во все горло кричали нам приветствия, поднимая вверх сжатые кулаки. Мы были смущены такой встречей и, застенчиво улыбаясь, в ответ снимали свои шляпы.

Между тем, гул приветствий все возрастал. Толпа коллективно, единой грудью, периодически выкрикивала одну и ту же фразу, как у нас бывает на комсомольских собраниях:

«ДА ЗДРАВСТВУЕТ КРАСНАЯ АРМИЯ».

По-чехословацки эта фраза представляет собой стихотворный четырехстопный хорей, и потому очень удобна для коллективного произношения. Она звучит так:

«АТЬ
ЖИЕ
РУДА
АРМАДА!»

В одном месте толпе удалось прорвать цепь полиции. К нашим автобусам подбежало несколько человек. Они, восторженно крича, прикладывали свои ладони к окнам автобуса, на что и мы с внутренней стороны стекла отвечали тем же.

ПЕРВЫЕ ДНИ В ПРАГЕ

До первого концерта мы имели два свободных дня, в течение которых мы знакомились с городом.

С языком здесь оказалось значительно легче. В чехословацком языке попадаются слова совершенно русские или украинские. Кроме того, нам встречалось много мужчин, побывавших в русском плену во время мировой войны. В их памяти еще сохранился русский язык.

Мы приехали в Прагу спустя несколько дней после того, как умер первый президент Чехословакии — Массарик.

Весь город в траурных знаменах. Отдавая дань уважения национальному трауру, мы полным составом ездили на могилу Массарика, где возложили венок и спели похоронный марш Шопена и чехословацкий гимн у могилы.

Некоторые наши товарищи побывали в оперном театре, где слушали «Пиковую даму» Чайковского, которая там поставлена к 100-летию смерти Пушкина.

Странно, но вместе с тем и очень интересно слушать «Пиковую даму» за рубежом на незнакомом языке. Оркестр и хор звучали стройно, постановка очень простая, но без «развесистой клюквы». Певцы очень слабы. В целом остается впечатление студийного спектакля, где все добросовестно, но очень посредственно. Невольно подумалось — какой успех имели бы здесь наши оперные певцы! Какой замечательный состав советских исполнителей можно подобрать для той же «Пиковой дамы»!

28 сентября состоялся наш первый концерт в зале имени Сметаны. Вместо Марсельезы исполнялся чехословацкий гимн и (в память Массарика) похоронный марш Шопена. Дальше все шло, как в Париже.

Зал, в котором мы выступали, не имел занавеса. Наш выход встречался громом аплодисментов, который не смолкал до самого начала концерта. Бисировали все то же, что и в Париже. Во время исполнения веселых песен и плясок весь зал светился улыбками.

По окончании концерта мы уже в штатском, по два-три человека, возвращались в свои гостиницы. В вестибюле стояла толпа народа. Каждого нашего товарища, выходившего из зала, встречали аплодисментами, дружески похлопывали по плечу, нежно гладили по спине, совали в руки цветы, что-то радостно говорили на незнакомом языке.

Первого октября у нас был выездной концерт, который мы никогда не забудем.

На автобусах мы поехали в небольшой город Чехословакии, расположенный на германской границе. По-чешски он называется Усть-Лабэ, а по-немецки — Аусcиг на Эльбе. Нам еще раз пришлось увидеть Эльбу, но уже в верхнем течении, где она очень красива. Основное население Аусcига — немцы. Все вывески, объявления на немецком языке, кругом немецкая речь.

На центральной городской площади, размером с нашу Арбатскую, было столько народу, сколько бывает на наших площадях 1 Мая. Мы никак не могли отнести это скопище народа на свой счет. Но оказалось именно так. В центре площади было оставлено свободное место для нас. Когда мы вышли из автобусов, начался митинг. Выступавшие ораторы говорили по-немецки. Их слова покрывались аплодисментами и звуками оркестра, исполнявшего Интернационал и чехословацкий гимн.

Затем мы поехали к месту нашего выступления. Пока автобус выбирался с многолюдной площади, пока мы ехали по улицам Аусcига, всю дорогу мы видели поднятые кулаки, приветственные жесты и радостные улыбки.

Концерт состоялся в громадном деревянном здании, где была наскоро сколочена эстрада.

Столько зрителей, сколько было в этот вечер, кажется, у нашего ансамбля не было никогда.

Не говоря уже о местах, народом были забиты все проходы.

Наше появление на эстраде в красноармейской форме вызвало бурю восторга в зале. Концерту предшествовали несколько ораторов, говоривших нам приветствия.

Буквально после каждой песни кто-нибудь пробирался на эстраду с цветами и, прежде чем вручить цветы А. В. Александрову, долго тряс его руку и что-то горячо говорил. На эстраду выходили мужчины, женщины, дети и каждый по-своему выражал нам свою дружбу. После одной из песен на эстраду вышла девушка, что-то весело сказала нам по-немецки, и вслед за нею двое юношей, под гром аплодисментов, втащили на эстраду громадную корзину, наполненную фруктами.

От имени трудящихся Аусcига нам здесь же на концерте вручили изящный кубок из богемского хрусталя и просили поздравить всех трудящихся Советского Союза с наступающим 20-летием Октябрьской революции.

Между тем, концерт шел своим чередом. Антракта мы не делали по той простой причине, что уходить с эстрады нам было некуда — кругом стояла сплошная стена народа. Передохнув несколько минут, мы тут же, не сходя с места, начали второе отделение.

Прием соответствовал тем речам, которые произносились по нашему адресу. Упоминание песен о товарищах Сталине и Ворошилове вызывало громовые аплодисменты.

После заключительной пляски в зале творилось что-то невероятное...

Когда мы возвращались обратно в Прагу, ехали на автобусах по уснувшим улицам Аусcига, то до самой заставы мы нагоняли расходившуюся публику, которая приветствовала нас до тех пор, пока мы не теряли друг друга из виду. До глубины души нас тронул вид маленькой старушки, поднявшей вверх свой сморщенный кулачок в момент, когда наша машина проезжала мимо нее.

С этого концерта мы вместе с овациями, цветами и подарками увозили одну основную мысль: быть немцем — это вовсе не значит быть фашистом.

ПОСЛЕДНИЕ КОНЦЕРТЫ

Наша заграничная поездка подходила к концу. За это время в Праге у нас было два интересных утренника: один для армии, другой для пражских рабочих.

На армейском утреннике мы дали урезанную программу из-за сорока-

Фото Прозоровского

Театрализованный красноармейский джаз N-ской части.

дневного траура в армии по случаю смерти Массарика. Концерт шел без танцев и без веселых песен. В зале сидело около тысячи солдат и несколько сот офицеров. Привыкнув к тому, чтобы наш выход на эстраду встречался аплодисментами, мы при выходе на армейском утреннике не услыхали ни одного хлопка. Невольно оглянувшись на зал, мы увидели, что все присутствующие от солдата до генерала стояли в положении «смирно» до тех пор, пока мы не встали на эстраде.

Несмотря на отсутствие веселых песен и плясок в нашей программе, мы встретили у чехословацкой армии такой же прием, как и на обычном концерте.

После концерта нас пригласили к чаю, во время которого произошел обмен приветственными речами. За столом присутствовали только офицеры. Они в качестве хозяев приветливо угощали нас и, что называется, занимали разговором.

Многие пожилые офицеры побывали в прошлом в русском плену и потому помнили русский язык. Молодежь группировалась около таких офицеров, и у нас быстро полился непринужденный разговор на темы парижских впечатлений, красот города Праги и качества Пильзенского пива.

Другой утренник был для пражских рабочих.

В зал «Люцерна», где происходили наши последние концерты в Праге, набивалось около четырех тысяч человек. Кроме центрального прохода в зале, который охраняла полиция, все остальные были заполнены публикой. Между первым рядом партера и эстрадой публика сидела на полу. Так было на рабочем утреннике, так было на последних концертах вечером.

На утреннике в зале висел красный плакат, где с одной грамматической ошибкой, но по-русски было написано:

«ТРУДЯЩИЕСЯ ПРАГИ ПРИВЕТСТВУЮТ ПЕВЦЕВ И ТАНЦОРОВ КРАСНОЙ АРМИИ»

После объявления песен о Сталине и Ворошилове весь зал единой грудью кричал:

*«АТЬ ЖИЕ СОУДРУГ СТАЛИН!»**

«АТЬ ЖИЕ СОУДРУГ ВОРОШИЛОВ!»

*«АТЬ ЖИЕ СОВЕТСКИЙ СВАРЗ!»***

«АТЬ ЖИЕ РУДА АРМАДА!»

Эти лозунги, когда только зарождались в публике, первые два-три раза произносились недостаточно стройно. Но уже через несколько секунд, когда кричавший соразмеривал свое дыхание с дыханием соседа, когда в зале рождалось единое дыхание, единый ритм — тогда до нашего слуха долетали чеканные слова, которые, казалось, произносились из одной исполинской груди:

«АТЬ ЖИЕ РУДА АРМАДА!»

Выходившего после концерта нашего художественного руководителя профессора Александрова публика несла на руках до гостиницы.

На последних вечерних концертах были опять бесконечные овации, повторения, цветы, лавровые венки, которые мы привезли с собой в Москву как «вещественное» доказательство успеха.

4 октября мы уезжали домой.

Вечером пересекли польскую границу. Ночь не спали из-за отсутствия спальных мест в европейских вагонах. Рано утром Варшава, и к концу дня — последняя польская станция Столбцы.

* Да здравствует товарищ Сталин!
** Да здравствует Советский Союз!

Еще не смерклось. Все наши товарищи занимают места около окон вагона, чтобы не проглядеть советскую границу и первого красноармейца-пограничника на боевом посту. Поезд приостанавливается на минуту около польской пограничной заставы, откуда уже видны наша пограничная арка и группа красноармейцев на пограничной заставе.

Поезд трогается, и когда наш паровоз стал проходить под пограничной аркой, то изо всех окон поезда летело громовое «ура» нашим пограничникам, нашей Родине.

На станции Негорелое мы дали небольшой концерт для пограничников. Здесь же мы встретили героя гражданской войны Опанасенко, имя которого упоминается в нашем монтаже о Первой Конной.

Совершенно иначе в данной обстановке звучали незамысловатые слова старой русской песни:

«Всю да я вселенную проехал,
Нигде я милой не нашел.
Я в Россию возвратился —
Сердцу слышится привет».

После концерта мы, наконец-то, добрались до наших советских вагонов и после того, как проехали Минск, где нас встречали бойцы Белорусского Военного Округа, крепко уснули на свежих постелях.

Утром — Москва.

На перроне снова звучит песня: «Страна моя! Москва моя!» Снова цветы, щелкание фотоаппаратов, радостные лица родных и знакомых. У вокзала небольшой митинг, после чего мы разъезжаемся по домам на автобусах.

Когда одного из наших товарищей кто-то спросил, какое основное впечатление, кроме успеха ансамбля, он вынес из-за границы, товарищ ответил:

— Недостатка друзей Советского Союза в Европе не ощущается!

Конец концерта в парижском зале „Плейель“.

С. БОРИСОВ

Красные моряки в боях за Октябрь

В Балтфлоте не было ни одного корабля, команда которого не требовала бы свержения Временного правительства.

Военно-революционный комитет, которым руководил товарищ Сталин, разработал план восстания, где значительное место отводилось флоту.

Матросская масса с нетерпением спрашивала комиссаров-большевиков:

— Что же медлите?

— Скоро ли?

Большевики спокойно отвечали:

— Ждем приказа...

Были скучные, дождливые осенние дни. С однообразным шумом перекатывались холодные волны.

24 октября получается первая телеграмма о готовящемся выступлении. На улицах Петрограда уже произошли первые столкновения Красной гвардии с юнкерами.

Флот, стоявший у Гельсингфорса и спешно заканчивавший ремонт, получил от Центробалта, приказ:

«Боевым ротам прибыть на вокзал для отправки в Петроград».

Ночью эшелон за эшелоном, с оркестрами музыки, отправлялись в Петроград бороться под большевистскими знаменами за власть советов.

Была опасность, что флот не будет во-время готов. Задержался ремонт миноносцев. Матросы знали, для какого дела они готовят суда, и проработали трое суток без сна. Ремонт выполнен в срок. Миноносцы на рейде подняли красные флаги с надписью «Вся власть Советам».

Из Кронштадта вышел линкор «Заря свободы».

Стоявший на Неве крейсер «Аврора», получивший накануне приказ Временного правительства выйти в море, пошел вверх по Неве и, став около Зимнего дворца, где заседало Временное правительство, направил на дворец свои орудия...

Настало утро 25 октября 1917 года.

Нева была пустынна. Дул резкий ветер, падали редкие капли дождя. Со стороны морского канала показался большой серый корабль... Следом за ним шел второй, третий... Корабли с протяжными гудками приставали к набережной. Подошли пассажирские пароходы, буксиры с баржами.

Это прибыл матросский десант из Кронштадта.

Моряки по сходням сходили на берег. Тысячи матросов заполнили набережную. Коротенькая речь секретаря ревкома. С криками: «Даешь Зимний!» матросская масса направилась в город и влилась в ряды восставшего пролетариата.

Матросские отряды по указанию Военно-революционного комитета занимали важнейшие стратегические пункты Петрограда.

В грохоте орудийных выстрелов и сухой дроби пулеметов рождался великий день победоносной Октябрьской социалистической революции. Солдаты, красногвардейцы и матросские отряды одерживали победу за победой над защитниками контрреволюционного Временного правительства. Последний решающий бой произошел ночью на Дворцовой площади. Она была озарена бледным заревом костров, а из окон дворца падал яркий свет на броневики и баррикады. На эти броневики и баррикады шли цепи красногвардейцев и матросов — на штурм последней цитадели Временного правительства.

Сводный матросский отряд наступал на Зимний дворец со стороны Невского проспекта. Под аркой главного штаба наступавших встретил броневик Временного правительства. Он поливал из пулеметов наступавших на Зимний дворец красногвардейцев и матросов.

Матросскому отряду было приказано:

— Взять броневик.

Матросы сбросили шинели и начали перебежку. Броневик повернул башни и направил огонь на матросов.

Строевой матрос бывшей царской яхты «Штандарт» Митин выпрямился во весь рост и, сжимая в руках гранаты, пошел на броневик. Пулеметчик с броневика заметил Митина и направил на него огонь. Митин подошел еще ближе, остановился, прицелился и бросил гранаты под колеса броневика. Яркое пламя озарило броневик, качнуло его, и он замолк. Но одна пуля попала в грудь бесстрашного матроса.

В эти дни, когда еще красногвардейские и матросские отряды под Петроградом добивали контрреволюционные войска генерала Краснова, в маленькой, плохо освещенной ком-

Фото Я. Халипа

Представители Военно-Морского Флота, прибывшие приветствовать совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей 19 января 1938 г.

Фото Ф. Шевцова

Краснофлотец Каспийской военной флотилии, отличник по всем видам боевой и политической подготовки комсомолец тов. Данилов.

натке Смольного собрался совет народных комиссаров. Речь шла об укреплении революционной власти. Но нашлись предатели, которые хотели сдать завоеванные позиции врагу. Изменник Зиновьев в этот ответственный час предложил товарищу Ленину разделить власть с меньшевиками:

— Нужно сегодня же решить вопрос и начать переговоры с меньшевиками.

В стороне, за столиком, сидел Владимир Ильич Ленин. Он с иронической улыбкой спросил:

— Ну, дальше, дальше. Все? Вы испугались революции? Вы боитесь, что не удержите ее? Рабочий и солдат ее начали, они ее и удержат. А я предпочитаю остаться с двадцатью стойкими рабочими и матросами, чем с тысячью мягкотелых интеллигентов.

В декабре 1917 года, впервые за время революции, был созван первый Всероссийский съезд военного флота. Из 190 делегатов, посланных флотом на съезд, было 116 большевиков.

На съезде выступил Ленин. Он в своем приветствии указал, что «во флоте мы видим блестящий образец творческих возможностей трудящихся масс, в этом отношении флот показал себя, как передовой отряд».*

На Дону, на Кубани начались контрреволюционные мятежи. На борьбу с мятежниками были отправлены красногвардейские и матросские отряды. Германские полки перешли в наступление. Занимая города, они приближались к Петрограду. 21 февраля 1918 года немцы заняли Псков.

Движение немецких войск к Нарве и близость этого пункта к Петрограду побудили Ленина особое внимание уделить участку железной дороги Петроград — Нарва. Для прикрытия этого участка был послан 28 февраля отряд матросов, подкрепленных путиловскими рабочими.

В отряде оказались провокаторы. Они пустили провокационный слух:

— Нас обошли с тылу.

Матросами овладела паника. Они покинули Нарву, Ямбург и, отступая к Гатчине, открыли дорогу на Петроград.

Это было 4 марта.

Отступление нарвского отряда создало угрозу для Петрограда. Но велик был авторитет Ленина среди матросов. Ленин послал в Гатчину строжайший приказ вернуться обратно на позиции. Матросы вернулись в Ямбург, и Петроград был надежно прикрыт со стороны Нарвы.

Брестский мир с Германией был подписан. Ленин поступил, как полководец, который уводил в глубь страны армию, чтобы там передохнуть, а потом с новыми силами ударить на врага.

Условия мирного договора с Германией касались также основных районов и баз флота.

Предательская политика Троцкого «ни мира, ни войны» в первую очередь ударила по флоту, лишив его одной из укрепленных баз в Финляндии. Затяжка переговоров привела к тому, что немцы ввели пункт, требующий очищения береговых укреплений и морских сооружений, а также разоружения всех находящихся в Гельсингфорсе кораблей и роспуска всех команд.

Партия большевиков решила спасти флот.

Начался исторический, единственный в истории флотов всего мира переход через скованную льдом Балтику.

12 марта вышел первый караван — 4 линкора и 3 крейсера. Переход был сопряжен с большими затруднениями и риском, так как можно было ожидать поломки винтов, и тогда корабли потеряли бы возможность самостоятельно двигаться. Толстый ледяной покров, до одного фута, совершенно не позволял буксировать суда. Линкоры «Петропавловск», «Гангут», «Севастополь», «Полтава», броненосный крейсер «Рюрик» и крейсера «Адмирал Макаров» и «Богатырь» вышли из Гельсингфорса, следуя за двумя ледоколами.

Условия похода были очень тяжелы, надо было итти все время переменными ходами. Корабли часто затирало льдом, и требовалась помощь ледокола, чтобы освободить их из затора. За ночь корабли так примерзали ко льду что, несмотря на даваемый попеременно передний и задний ход, корабль не двигался и снова требовалась помощь ледоколов. При проходе острова Левен-Сари отряд был обстрелян немцами.

Особенно дружно работали матросы подводных лодок, твердо решившиеся вывести все лодки из Гельсингфорса и доказавшие это на деле. Матросы, воодушевленные идеей пролетарской революции, стремились спасти все суда и ни в коем случае не оставлять их немцам и финским белогвардейцам. 167 единиц были выведены из Гельсингфорса за день до прихода туда германской эскадры.

На Балтийском море флот удалось, правда, не без тяжелых разрушений и потерь, спасти.

Совершенно иные условия были на Черном море.

Черноморский флот, спасаясь от захвата германскими империалистами, нашел убежище в последнем советском порту — в Новороссийске. Советское правительство исчерпало все дипломатические меры для его спасения. Флот ждал решения своей участи.

Суда перешли в Новороссийск из захваченного немцами Севастополя в спешном порядке, под угрозой немецкой вооруженной силы, без нужного оборудования и запасов.

Морской комиссариат доносил советскому правительству:

> «Германия и Турция ведут явную охоту за нашими судами, нарушая при этом самым бесцеремонным и явным образом брестский договор. Ими занят Севастополь, захвачена там часть судов, на которых подняты германские флаги. Они требуют возвращения судов из Новороссийска в занятый ими Севастополь, не мотивируя это абсолютно ничем и грозя захватить и Новороссийск, к чему ими фактически предприняты шаги в виде похода на Керчь...»

Нужно было принять героическое решение. Флот не должен попасть в руки врагов, которые пошлют корабли против советской республики.

* Ленин. Сочинения, т. XXII, стр. 99.

И Ленин принимает решение: немедленное уничтожение флота.

Настал трагический день 18 июня 1918 года.

Матросская масса шумела, волновалась. Шныряли провокаторы, подбивавшие массу не выполнять приказ о потоплении флота — уйти в Севастополь, что означало позорную сдачу немцам.

Но большевики объясняли всю необходимость этой революционной меры.

Нашлись изменники, которые послушались предателя Тихменева и позволили ему увести линкор «Воля» и несколько миноносцев к немцам в Севастополь.

Миноносец «Керчь» поднял сигнал: «Судам, идущим в Севастополь: позор изменникам России».

Тяжело было матросам, оставшимся верными революции. Но они нашли в себе доблесть и мужество героев, понимание высокого патриотизма своих действий, чтобы без колебаний выполнить свой революционный долг перед родиной и советской властью. Трудно наложить руки на собственный корабль, с которым каждый моряк сжился и спаян воедино. Великую жертву требовала революция от черноморцев, и они ее принесли.

Команды с кораблей сошли на берег.

Топил корабли миноносец «Керчь».

Суда держали на рее сигнал: «Погибаю, но не сдаюсь».

...Дредноут «Свободная Россия» с восемью эскадренными миноносцами стояли в Новороссийском порту.

Над Новороссийском кружились германские самолеты. На рейде изредка показывались перископы германских подводных лодок.

Миноносец «Керчь» тихим ходом подошел к месту стоянки кораблей на рейде. Легкая зыбь рябила море. В мачтах жалобно свистал ветер.

«Керчь» обошел с правого борта «Фидониси» и на расстоянии четырех кабельтовых выпустил мину. Пенная полоска побежала по зыби. Корпус «Фидониси» приподнялся, разламываясь, и густой столб белесоватого дыма на мгновение скрыл под собой весь миноносец. Тяжелый грохот прокатился далеко по морю. Миноносец начал медленно переворачиваться через правый борт и постепенно пошел на дно. Взрыв «Фидониси» послужил сигналом к потоплению остальных судов.

Подрывные команды открывали на миноносцах кингстоны и клинкеты, отдраивали все иллюминаторы на накрененном борту и, перед тем как садиться с тонущей палубы в шлюпку, зажигали бикфордов шнур, чтобы взорвать турбины и цилиндры. Так ушли на дно: «Пронзительный», «Калиакрия», «Хаджи-бей», «Капитан Баранов», «Лейтенант Шестаков», «Сметливый» и «Стремительный».

Миноносцы быстро скрывались под водой на многосаженной глубине. На рейде остался линкор «Свободная Россия».

Миноносец «Керчь» направился полным ходом к «Свободной России» и, став в позицию минного выстрела, изо всех аппаратов выбросил тремя залпами мины. Матросы сняли фуражки. Первая мина ударила в корму — линкор качнулся, охваченный потоками воды. Второй залп попал в борт. Сквозь тучу пены и дыма было видно, как закачались мачты. Поползли со своих гнезд бронебашни и вытянутыми хоботами орудий нырнули в море. Линкор сопротивлялся, будто живое существо. Казалось, невидимые силы проснулись внутри корабля и он среди ревущего моря и громовых взрывов борется за свою жизнь... У старых моряков катились из глаз слезы. Ударила последняя мина... Продержавшись 37 минут, линкор сделал последнее усилие, будто приподнимаясь из воды, и быстро ушел на дно в пенном водовороте...

Фото Ф. Шевцова

В час досуга.

Миноносец «Керчь» остался один на рейде. Развивая предельную скорость, он пошел на Туапсе. Под утро команда была высажена в шлюпки. После этого он послал радио:

> «Всем... Погиб, уничтожив часть судов черноморского флота, которые предпочли гибель — позорной сдаче Германии. Эскадренный миноносец «Керчь».

На миноносце открыли кингстоны, и он пошел на дно.

Матросы с затонувших кораблей ушли на сухопутные фронты биться с врагами революции...

* *
*

Неувядаемой славой покрыл себя красный флот на фронтах гражданской войны. На море, на реках и на суше отважные моряки бились за советскую родину, защищая ее от нападения интервентов и белогвардейцев. Верные патриоты своей родины, красные моряки своим бесстрашием, презрением к смерти доказали, что они способны до конца защищать дело Ленина — Сталина.

Не только на морях, но и на реках нашей родины славные краснофлотцы наносили врагу сокрушительные удары.

Речные буксиры, одетые в легкую броню и вооруженные часто сухопутными орудиями, составляли красные героические речные флотилии, которые действовали на Северной Двине, Волге, Днепре, Западной Двине, Онежском озере и в других местах.

Инициатива использования флота на важнейших речных артериях принадлежала товарищу Сталину.

31 августа 1918 года руководивший обороной Царицына товарищ Сталин послал Ленину следующее письмо:

> «Дорогой товарищ Ленин! Идет борьба за юг и Каспий. Для оставления за собой всего этого района (а его МОЖНО оставить за собой!) необходимо иметь несколько миноносцев легкого типа и штуки две подводных лодок. Умоляю Вас разбить все преграды и тем облегчить — двинуть вперед дело немедленного получения требуемого. Баку, Туркестан, Северный Кавказ будут (безусловно!) нашими, если немедля будут удовлетворены требования. Наши дела на фронте идут хорошо. Не сомневаюсь, что пойдут еще лучше (казачество разлагается окон-

чательно). Жму руку моему дорогому и любимому Ильичу. Ваш Сталин».*

Это письмо было получено Владимиром Ильичем в то время, когда он лежал тяжело раненый пулями эсеровских террористов. Получив письмо товарища Сталина, Ленин поставил под этим письмом свою подпись и направил его тотчас же по телеграфу в Петроград в качестве приказа о выделении миноносцев и подводных лодок для защиты Царицына.

В 1918 году Волжская речная флотилия своими действиями оказала Красной Армии решающую помощь в очищении Волги от войск контрреволюции.

Пала Казань...

Красной флотилии был дан приказ: «Приготовиться к походу».

Флотилия вышла ночью. Она шла с потушенными огнями. Противник не заметил ее движения. Разведывательный катер «Олень» обнаружил у деревни Печищи на берегу Волги батарею противника. Но первый отряд флотилии, состоявший из трех миноносцев («Прочный», «Прыткий» и «Ретивый») и нескольких бронированных катеров, прошел Печища. Позади шел второй отряд: «Ваня Коммунист», «Лев» и «Ольга». Уничтожить батарею противника поручили «Ольге». Остальные корабли прошли вниз к Казани.

Батарея белых была уничтожена, но вспышки орудийного огня обнаружили «Ольгу», и белые со всех батарей открыли по ней ураганный огонь. Один снаряд попал в боевую рубку «Ольги», ее командир был тяжело ранен, и рулевое управление кораблем оказалось разрушенным.

Корабль потерял управление и был вынужден выброситься на берег. Белые обрадовались легкой добыче. Батальон противника ринулся к берегу, чтобы захватить корабль. Но красные моряки не растерялись. Хотя их было всего пятьдесят человек, они вплотную подпустили врага к кораблю и встретили его сокрушительным огнем из пулеметов и винтовок и гранатами. Враг, не выдержав ураганного огня, бросился обратно, но навстречу белым с горы продолжали движение по инерции их задние ряды. Получилась невообразимая каша. Ольгинцы продолжали обстрел метавшихся в панике врагов, освещая склон горы прожектором. Враги стали кричать: «Пощадите!»

Флотилия белых, находившаяся на рейде Верхнего Услона, не вступая в бой, бежала оттуда при появлении наших кораблей и ушла в Нижний Услон.

Миноносцы «Прочный» и «Лев» преследовали флотилию белых.

На рейде Верхнего Услона стояло много неприятельских барж, груженных продовольствием и вооружением. Воспользовавшись паникой белых, красные моряки захватили часть этих барж и увели к себе, другая же часть была сожжена и потоплена. Склады у Казанских пристаней были объяты пламенем. «Ваня Коммунист» подошел к горящим пристаням и высадил на казанский берег десант.

Решительные бои за Казань завязались у Верхнего Услона. Красная флотилия потопила один корабль противника, подбила бронепоезд и уничтожила две батареи. Однако, флотилия израсходовала весь запас фугасных снарядов и вынуждена была продолжать бой шрапнелью. К концу боя флотилия потеряла два корабля: «Ташкент» и «Дельфин», но занятых позиций белым не отдала.

Погибающие корабли до последней минуты продолжали вести бой с противником. На «Дельфине» возник пожар, с него были сняты пулеметы и замки от орудий, и едва сошли люди, как он, объятый пламенем, пошел ко дну.

«Ташкент» получил большую пробоину в носовой части и, погружаясь носом, начал набирать воду. И до тех пор, пока он держался на воде, кормовое орудие продолжало стрелять.

Из матросов погибших кораблей, а также моряков-коммунистов, прибывших с Балтики, был сформирован десантный отряд и брошен на помощь Красной Армии, действовавшей против Верхнего-Услона.

Десантный отряд моряков, совместно с частями Красной Армии, ворвался в деревню Верхний-Услон, и после упорного уличного боя эта деревня была занята.

С занятием Верхнего-Услона создалась возможность наступления на город с двух сторон.

Красная флотилия начала артиллерийский обстрел города Казани и его предместий.

Казань была взята.

* *
*

На пути соединения двух армий контрреволюции — южной и восточной — лежала советская Астрахань.

Летом 1919 года Красная Армия в районе Астрахани была окружена.

С Каспийского моря к Астрахани подходил флот белых и интервентов. Их корабли вторглись в Нижнее Поволжье.

Необходимо было сохранить Астрахань как плацдарм для борьбы за Каспий, за советскую нефть, и не допустить, чтобы южный белый фронт сомкнулся с восточным.

Партия послала на этот ответственный участок фронта ближайшего соратника товарища Сталина — Сергея Мироновича Кирова. Перед Кировым стоял ряд сложных задач, в числе которых были уничтожение военного англо-белогвардейского флота, возврат портов Каспийского моря; ему предстояло также отбить нефтеналивной флот.

Англо-белогвардейский флот насчитывал семнадцать судов, вооруженных шестидюймовыми орудиями, несколько пловучих батарей, пять вспомогательных судов, тринадцать транспортов и тринадцать быстроходных английских торпедных катеров.

Против этого флота красное командование могло выставить лишь четыре миноносца, которые в 1918 году по требованию Сталина прошли из Балтики через шлюзы Мариинской системы в Волгу. Кроме миноносцев, имелись еще речные пароходы волжско-каспийской флотилии.

Во время боевых действий под Астраханью в Гурьевском направлении белыми был отрезан лучший ударный матросский отряд. Помощь ему можно было оказать только по воде. Но у низовьев Волги стоял англо-белогвардейский флот.

Киров, обсудив план спасения матросского отряда, заявил командованию волжско-каспийской флотилии:

— Берите, братки, шесть кораблей, берите два парохода, берите десант, двигайте на прорыв и все оборудуйте...

В течение дня корабли и десант были готовы.

Ночью командам был дан приказ:

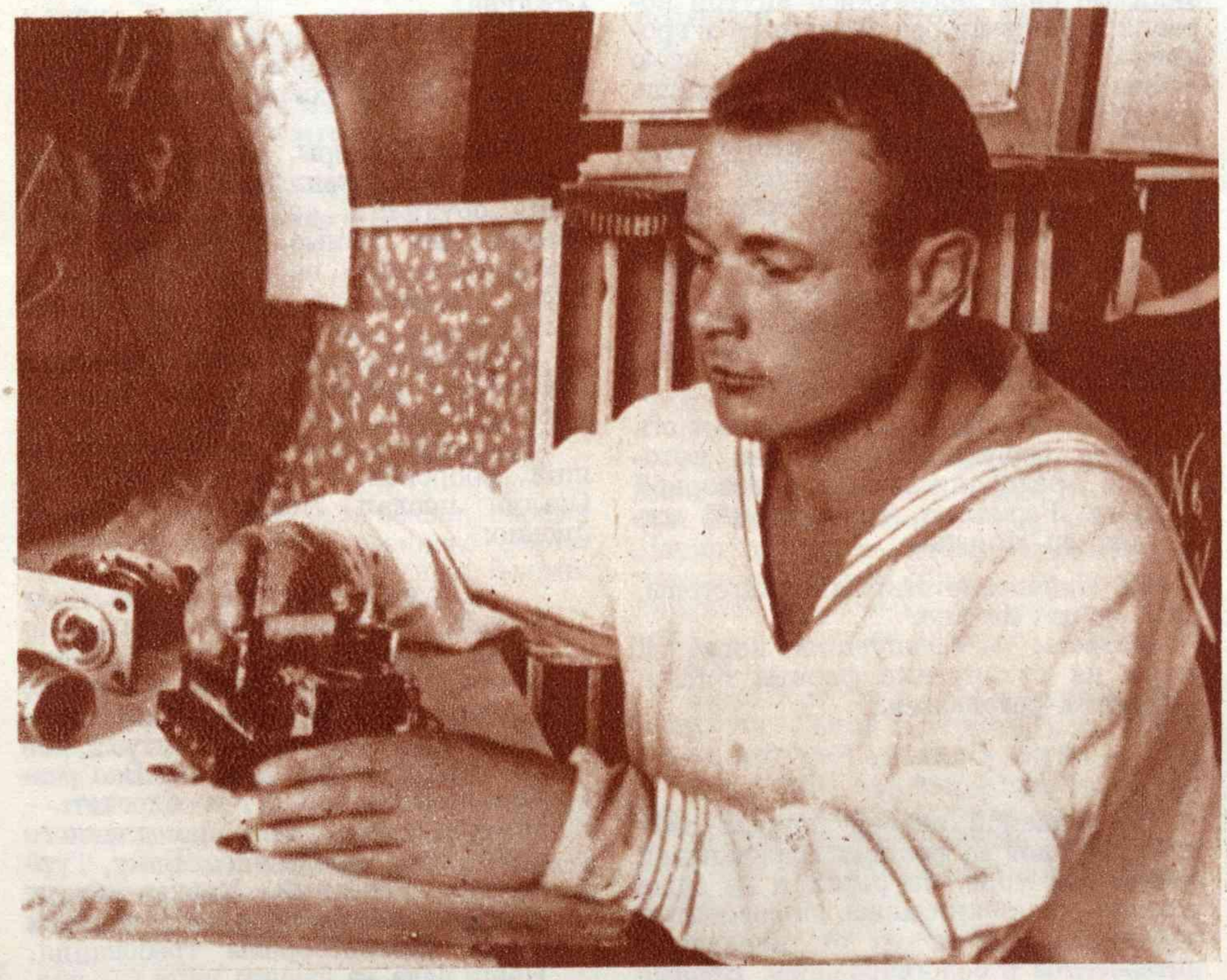
— Чтобы ни огня, ни звука, ни стука. Пройдем прямо насквозь белых и англичан.

И в душную, темную летнюю ночь отряд прошел сквозь линию блокады.

У села Ганюшкина неожиданно появились корабли с красными флагами. Находившиеся у Ганюшкина белые части растерялись от неожиданности. Но наша флотилия высадила десант

* «Комсомольская правда». 21 января 1938 г.

Фото И. Драныша



Командир отделения мотористов тов. В. А. Кисель (Черноморский флот), внесший за время службы во флоте 18 рационализаторских предложений.

и после короткого боя взяла три тысячи пленных, десять самолетов, две баржи с английским снаряжением и выручила свой отряд...

Командование противника, не ожидавшее такой «наглости» от красных, пришло в ярость. Немедленно был дан приказ английским и белым судам встретить и уничтожить советскую флотилию.

Но пока противник разворачивался в боевой порядок, красные корабли проскользнули в «ерики» (рукава Волги) и благополучно вернулись с добычей на свою базу.

Весной 1920 года XI армия под руководством Кирова шла на освобождение от белых Баку. Красные флотилии помогали сухопутным силам развивать свои операции. С приближением красных судов белый флот стремился удрать в Энзели.

Красная флотилия нанесла удар по белому флоту, отрезала все пути отступления войск из Энзели и захватила весь уцелевший белый флот. Было взято до 20 кораблей, 50 орудий, 20 000 снарядов, 8 радиостанций, 6 гидросамолетов, 4 истребителя и десятки тысяч пудов разных материалов.

* *
*

Славной страницей в историю гражданской войны в СССР вошли боевые действия Балтфлота во время наступления Юденича на Петроград.

Петроград — колыбель пролетарской революции — в годы гражданской войны был тем стратегическим пунктом, овладеть которым усиленно стремились империалисты и белогвардейцы.

Весеннее наступление в 1919 году на Петроград являлось частью большого плана первого похода Антанты — союза империалистических государств — на Советскую республику.

Центральный Комитет партии большевиков в своем обращении указал:

> «Красный Петроград находится под серьезной угрозой. Питерский фронт становится одним из самых важных фронтов Республики. Советская Россия не может отдать Петроград даже на самое короткое время. Петроград должен быть защищен во что бы то ни стало. Слишком велико значение этого города, который первый поднял восстание против буржуазии и первый одержал решающую победу»*.

Еще в конце декабря 1918 года для поддержки белогвардейцев в Ревель прибыла английская эскадра в составе 36 вымпелов. Под Петроградом сосредоточивались многочисленные силы русских белогвардейцев, белофинны, белоэстонцы и отряды интервентов. В Финском заливе стояла английская эскадра в составе до 12 миноносцев и 8 подводных лодок.

Организацию обороны Петрограда партия возложила на товарища Сталина.

В мае с корабля противника была послана радиотелеграмма:

> «Кронштадт. За нами идет эскадра с десантом и продовольствием. На фронтах сдаются без боя. Не губите жизней и народных денег. Приготовьтесь к сдаче.
>
> Друзья России».

На кого рассчитывали эти так называемые «друзья России»?

Товарищ Сталин дал на это четкий ответ:

* «Петроградская правда» от 29 мая 1919 г., № 109.

Фото Д. Дебабова

Пулеметчик Краснознаменной Амурской флотилии.

> «По всем данным, противник рассчитывал не только, или вернее не столько на свои собственные силы, сколько на силу своих сторонников белогвардейцев в тылу наших войск, в Петрограде и на фронтах... На эти силы и рассчитывал противник, наступая на Петроград. Занять Красную Горку, этот ключ Кронштадта, и обессилить тем самым укрепленный район, поднять восстание на фронтах и обстрелять Петроград с тем, чтобы объединив общее наступление на фронте, в момент общего переполоха с восстанием в Петрограде, окружить и занять очаг пролетарской революции, — вот каковы были расчеты противника»*.

Мы не будем касаться здесь действий сухопутных красных сил, а отметим лишь роль красного флота в обороне Петрограда.

Под влиянием агитации эсеров и белогвардейцев и измены части командного состава поднял 13 июня мятеж форт «Красная Горка».

Мятежники послали ультиматум по радио:

«Присоединяйтесь к нам, иначе Кронштадт будет уничтожен».

Через пятнадцать минут после ультиматума мятежники открыли огонь по Кронштадту.

К мятежникам присоединился форт «Серая Лошадь».

Сталин потребовал взятия мятежных фортов с моря.

Начальник Кронштадтской базы и другие «специалисты» решительно возражали против вывода из гавани судов Балтийского флота для операций против мятежного форта. Они, ссылаясь на «морскую науку», уверяли, что боевые корабли бессильны против фортов...

Военными операциями по взятию мятежных фортов руководил лично товарищ Сталин.

В подавлении мятежа участвовали отряды матросов и боевые суда: «Андрей Первозванный», «Петропавловск», «Олег», «Дежурный» и другие.

После взятия мятежных фортов Сталин писал Ленину:

> «...Морские специалисты уверяют, что взятие «Красной Горки» с моря опрокидывает всю морскую науку. Мне остается лишь оплакивать так называемую науку. Быстрое взятие «Горки» объясняется самым грубым вмешательством со стороны моей и вообще штатских в оперативные дела, доходившим до отмены приказов по морю и суше и навязывания своих собственных. Считаю своим долгом заявить, что я и впредь буду действовать таким образом, несмотря на все мое благоговение перед наукой».*

* «Петроградская правда» от 10 июля 1919 г., № 152.

По поводу мятежа «Красной Горки» товарищ Сталин говорил:

> «Красная Горка, занятая на сутки, благодаря внутренней измене со стороны левых эсеров, была мигом возвращена Советской России мощным ударом балтийских моряков с моря и суши. Укрепленные пункты Кронштадта, заколебавшиеся было один момент, благодаря измене правых эсеров, оборонцев-меньшевиков и продажной части офицерства, были срочно приведены в порядок железной рукой Революционного военного совета Балтийского флота» **.

Красная Армия перешла в наступление. В ногу с частями Красной Армии шли и матросы Балтийского флота. Сухопутные операции были поддержаны боевой активностью флота..

Руководивший обороной Петрограда товарищ Сталин дал положительную оценку Балтийскому флоту:

> «Нельзя не приветствовать, что Балтийский флот, считавшийся погибшим, возрождается самым действительным образом. Это признают не только друзья, но и противники. Столь же отрадно, что язва русского офицерства — его продажность — менее всего задела командный состав флота, нашлись все же люди, которые, к чести своей, достоинство и независимость России ценят выше, чем английское золото. Еще более отрадно, что балтийские матросы вновь нашли себя, оживив в своих подвигах лучшие традиции русского революционного флота. Без

* «Петроградская правда» от 10 июля 1919 г., № 152.

** К. Е. Ворошилов. Сталин и Красная Армия. Воениздат 1937 г., стр. 20.

этих условий Петроград не был бы огражден от самых опасных неожиданностей со стороны моря» *.

И в качестве примера роста боеспособности Балтийского флота товарищ Сталин приводил факт потопления 4 июня 1919 года двумя эскадренными миноносцами «Гавриил» и «Азард» английской подводной лодки L-55.

В октябре 1919 года наступление белых и интервентов на Петроград возобновилось.

Юденич выпустил специальное обращение к морякам Балтийского флота:

«Матросы!

Час падения Петрограда настал.

Наши войска стоят на ближайших подступах к городу.

Расплата за ваши кровавые подвиги, ужаснувшие весь мир, близится.

Вы можете спасти вашу жизнь только лишь переходом на нашу сторону в момент занятия Петрограда.

Всякий, застигнутый на улицах Петрограда с оружием в руках для сопротивления, нами будет беспощадно расстрелян на месте.

Командующий Северо-Западной армией генерал от инфантерии Юденич».

Красные моряки дали достойный ответ Юденичу.

С 13 октября по 31 ушло на сухопутный фронт около 6 500 моряков. Ушли на фронт и курсанты морской школы (ныне военно-морское училище имени М. В. Фрунзе).

Вот как дрались юные моряки.

Вечером 17 октября отряд встретился с белыми под деревнями Разбегаевкой и Песками. На следующий день неприятельская кавалерия разорвала отряд на две части, одна из из которых попала между двух огней. Но опасность положения только придала бодрости. Подобравшись к заречной части деревни Разбегаевки, курсанты сбросили сторожевые охранения белых в реку, ворвались в деревню и выгнали оттуда белобандитов-офицерского полка «светлейшего князя» Ливена. Штаб полка был взят в плен, вооружение отряда пополнилось пулеметами и автоматами.

Опасность для Петрограда миновала. Разбитые банды Юденича поспешно откатывались к эстонской границе.

Красный Балтийский флот свой долг выполнил с честью: он не подпустил со стороны моря противника к Петрограду.

Силы были далеко не равные.

За кампанию 1919 года в водах Финского залива перебывало судов интервентов в разные времена года: дредноутов 3, линейных кораблей 3, линейных крейсеров 2, мониторов 2, легких крейсеров 12, эскадренных миноносцев 20, подводных лодок 12 и большое количество тральщиков и других судов Финляндии и Эстляндии.

Наши силы были в несколько раз меньше. И все же враг почувствовал бесстрашие и доблесть красных моряков. Противник оставил на дне Балтийского моря потопленные нашими судами большой миноносец, подводную лодку, 3 моторных катера, 2 тральщика и несколько транспортов.

Фото И. Ананьина

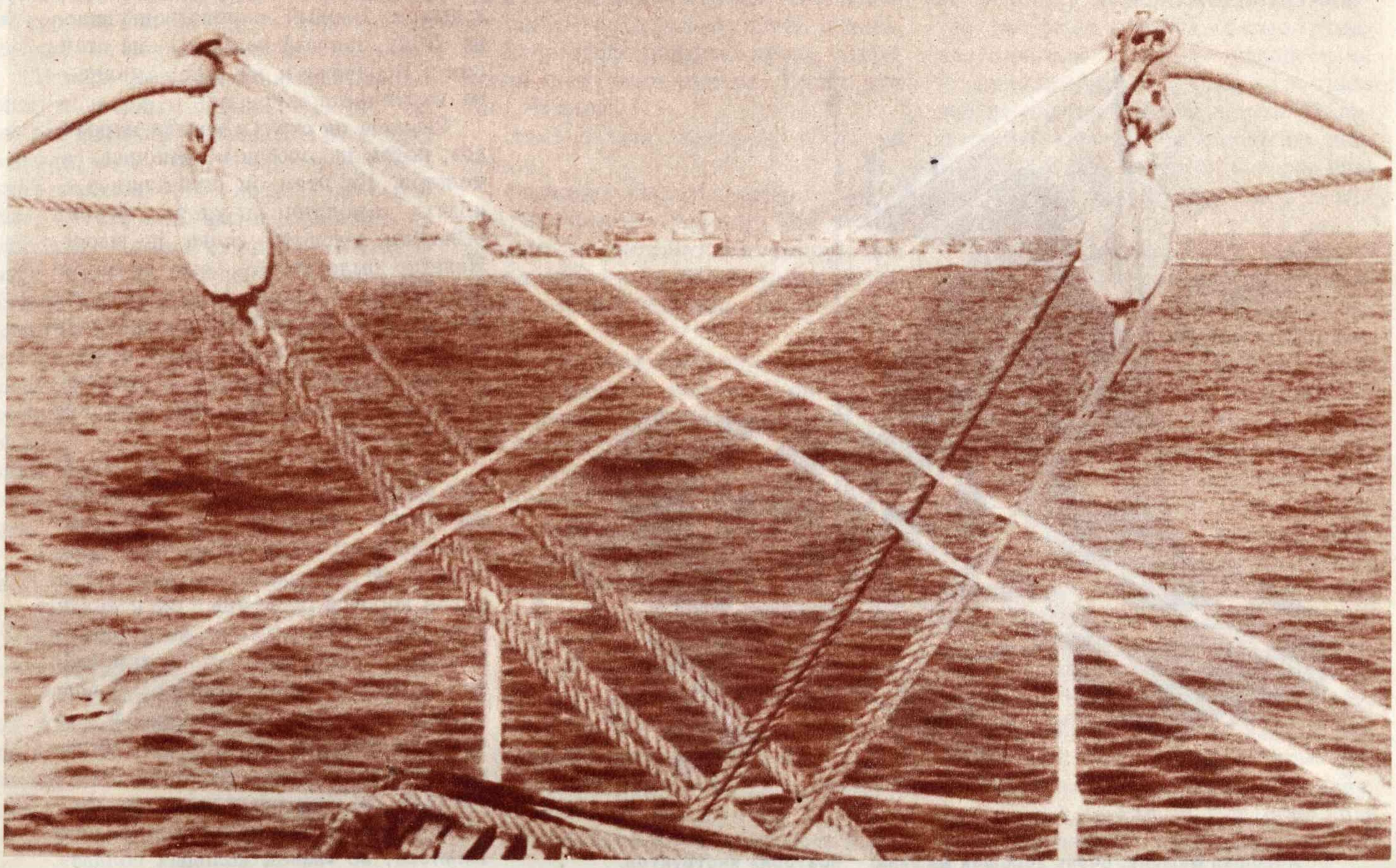
* «Петроградская правда» от 10 июля 1919 г., № 152.

На корабль пришли свежие газеты.

Эсминец уходит в море

Иван Чуев

Уходит эсминец в море,
Испуганно чайка вьется.
Счастливо гулять на просторе,
Товарищи краснофлотцы!
Счастливо, ребята, плавать
Вдали от земли большой!
От Мурмана ваша слава
Полярной звенит волной.
Мудьюк, моряков встречая,
Волну подкатил к бортам.
...Объявлена боевая,
Беги по своим местам.
И вот уже лейтенанты
На боевых постах.
Ветер сбежал по вантам
И утонул в волнах.
Наводчики все у пушек,
На мостике рулевой...
Любимая родина;
Слушай!
Мы твой стережем покой.



Ал. Козачинский

Знакомство с „Сопвичем“

Рис. Ардо

Застегивая под подбородком пилотский шлем, Чулков рассматривал себя в зеркале во всех ракурсах и с видимым удовольствием.

Сегодня он должен был получить в свое распоряжение аэроплан.

Он застегивал пилотский шлем, хотя ему и предстояло сесть не в самолет, а в поезд, отправляющийся в Поворино.

Но Чулков только что кончил школу, только что прибыл в отряд и не успел еще вполне насладиться своим правом на ношение этого благородного головного убора.

Чулкова посылали на станцию Поворино за оставшимся там самолетом. Было это в 1919 году, в сентябре.

За несколько дней до этого в Балашов, где стоял отряд, прислали несколько бесфюзеляжных бипланов с толкающим винтом, системы «Фарман». Один из них должен был получить Чулков. Но аэропланы оказались гнилыми.

В отряде так и говорили:

— Гнилые аэропланы.

Как говорят:

— Гнилая картошка.

Первый из этих аэропланов разбился при взлете. Тогда «вскрыли» остальные и увидели, что внутренние части, находящиеся под обшивкой, превратились в труху. Машины были деревянные.

Очень обидно, когда человек всю жизнь ждет этого торжественного дня, всю жизнь мечтает о полетах, получает, наконец, аэроплан и вдруг обнаруживает, что этот аэроплан изъеден червями.

После этого Чулкову решили дать «Сопвич», застрявший на станции Поворино. «Сопвич» считали очень хорошей машиной. Неприятно было только одно: Чулков никогда не летал на «Сопвичах».

Всю жизнь он летал только на «Фарманах». Он летал на них целых два часа! Таков был весь его самостоятельный налет. Он летал на «Фармане» два часа, кружась над аэродромом и не теряя из поля зрения инструктора.

Но вместо «Фармана» ему давали «Сопвич».

Как на грех, «Сопвич» ничем не напоминал «Фарман». Так, например, он обладал оригинальной особенностью — глухим, длинным фюзеляжем, в котором летчик сидел, закрытый почти по грудь. Летчик не видел мелькавшей под ногами земли, как на «Фармане», а лишь глухой пол кабины. Мотор на «Сопвиче» помещался не позади пилотского сиденья, как на «Фармане», а впереди, на носу самолета. Все это казалось Чулкову очень странным и необычным.

Впрочем, Чулков довольно смутно представлял себе «Сопвич». Он видел его только один раз в жизни, да и то мельком. Его мучил вопрос: как летать на «Сопвиче»? Как ведет себя в воздухе эта машина? Устойчива ли она? Как вести ее на посадку? Чулков не мог скрыть своего смущения, но его успокоили:

— У аэроплана тебя ждет опытный механик, он тебе все объяснит на месте. Сматывайся, браток, поскорее, пока в Поворино нет белых.

И он поехал, стараясь в пути получше припомнить, как выглядит «Сопвич». Он видел его один раз в жизни, мельком, в Англии.

Как это ни удивительно, но в Англию Чулков заехал по пути в Поворино. Несомненно, это был очень длинный, очень путаный маршрут. Чулков выехал из дому четыре года тому назад; он побывал во многих городах и странах и только теперь приближался к цели своего путешествия.

Дружба с техникой началась у Чулкова очень давно. Это было еще в те времена, когда отец и мать объясняли ему разницу между паром и дымом. Первый пароход он увидел на Дону, первый паровоз — на станции в Воронеже и первый самолет — на картинке в журнале.

Сначала он строил модели пароходов, потом паровозов и, наконец, самолетов. На этом он остановился — модели самолетов он упорно строил ребенком, юношей — пока не вырос. Нелегко было тогда — еще до мировой войны — юному авиамоделисту. Все его модели разбивались при первом же полете. Что мог знать о моделях маленький мальчик в те времена, когда сам Блерио был еще новичком в этом деле?

Он перестал строить свои падающие модели только тогда, когда увидел настоящие самолеты. Он понял, что в жизни у него есть только одна цель: полеты на аэропланах. Неизвестно, какой дорогой он пришел бы к этому, если бы в 1915 году его не призвали в армию. Ему удалось, выдав себя за рабочего аэропланного завода «Дукс», получить назначение в гатчинскую авиашколу. Это была большая удача. Чулков надеялся, что в Гатчине он скоро научится летать.

В Гатчине его назначили в роту Павлова, во «взвод молодых солдат».

— Хорошая машина, очень хорошая машина! — повторял инструктор.

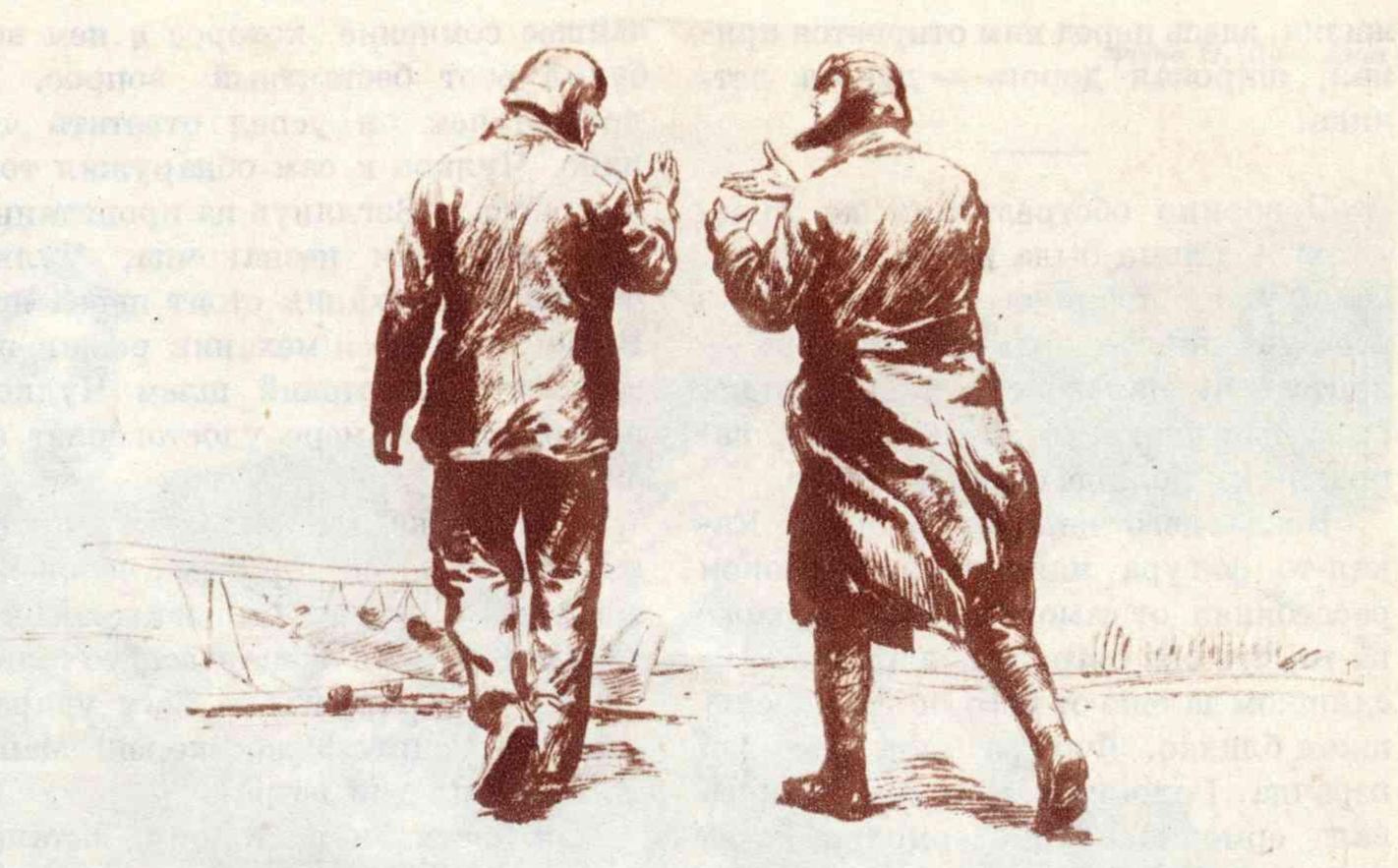
Часть считалась образцовой, все здесь было поставлено на гвардейский лад. Занимались только «словесностью» и шагистикой. О полетах не было и речи: летать учили только офицеров. За полгода Чулков и не прикоснулся к аэроплану.

Через полгода Чулкову повезло: он попал на курсы мотористов. Но однажды с курсов отозвали 45 человек — наиболее способных, в том числе Чулкова. Он получил несколько удостоверений: о том, что он болен неизлечимой грыжей, что он освобожден от военной службы и что он едет за границу для закупки сельскохозяйственных машин для своего имения. Предполагали, что это поможет обмануть немцев, если они захватят Чулкова по дороге. Чтобы он был совсем похож на помещика, ему, как и другим, выдали штатское платье. Им приказали ходить в нем две недели — отвыкать от военной выправки. Все «помещики» были как две капли воды похожи друг на друга. Людей так вымуштровали, что вернуть им естественный вид не удавалось. Полгода службы в образцовой части — не шутка.

Они ехали через Финляндию, Швецию, Норвегию, Англию. В Стокгольме им предложили оставить на несколько часов свой багаж на перроне без охраны. Каждый старался засунуть свой сундучок в середину. Солдатам казалось, что шведы обязательно их обворуют. Поэтому они долго не могли уйти с вокзала — никак не удавалось засунуть все сундучки в середину. Какая-то часть их все время оставалась с краю. Вернувшись из города, они были удивлены тем, что шведы не польстились на сундучки.

В море все время ожидали нападения подводных лодок. Немцы уже не раз снимали с пароходов подобных «помещиков» — они узнавали их с первого взгляда. «Кто помещики, выходи», — говорили они, взобравшись на пароход. Многие ехали в спасательных поясах. Увидели плавающую бочку и стреляли в нее из орудий, приняв за подводную лодку. Только во Франции они узнали о цели своей поездки — их направляли на авиамоторный завод Испано-Сюиза. Изучив монтаж и сборку моторов, они должны были отправиться в Симферополь на строившийся там завод «Анатра».

4 июля 1917 года Чулков вернулся в Петроград, отсюда поехал на одесский завод «Анатра», затем в Симферополь. Он был прекрасным, высококвалифицированным механиком, специалистом по моторам. Но как только он почувствовал, что начальству не до него, он бросил все и поехал в гатчинскую школу, которую покинул два года назад. Он вошел к казарму и лег на свободную койку.



— Поймите же, что я никогда не поднимался на „Сопвиче"!

В школе царил хаос. Солдаты — мотористы, механики — отказывались работать. Они не работали, если их не учили летать. Чулков был хорошим механиком, его быстро оценили. Инструктор Трунов, английской школы, взялся его обучать. Офицеры заискивали перед механиками. Сначала летали механики, а потом офицеры. Механиков нельзя было обижать. Когда они обижались, не мог летать никто.

Ранней весной 1918 года школа эвакуировалась в Самару, из Самары — в Казань, из Казани — в Пермь. В ноябре она обосновалась в Егорьевске. Кочуя по городам, Чулков научился летать. Повсюду школа теряла и оборудование и людей. Под конец от школы не осталось почти ничего. В Егорьевск прибыла кучка людей почти с пустыми руками. Среди них был Чулков.

Здесь-то он, наконец, доучился летать.

Однажды старик-инструктор подвел Чулкова к «Фарману». Некоторое время он молчал; Чулков в недоумении стоял около него. Инструктор задумчиво гладил ладонью крыло аэроплана.

— Хорошая машина, очень хорошая машина, — повторял он задумчиво. Затем, неожиданно обернувшись к Чулкову, крикнул:

— Ну, лети, бей!

Чулков обмер. Это было полной неожиданностью для него. Его посылали в самостоятельный полет!

Когда он поднялся в воздух, инструктор, провожая его взглядом, задумчиво произнес:

— Вот, вылупился пилот.

Но встретил его сухо.

— Напрасно радуешься, все равно в статистику попадешь.

«Попасть в статистику» — значило разбиться.

Впрочем, он говорил это всем новорожденным пилотам, всем молодым «гробарям» — чтобы не зазнавались.

Инструктор не знал, как долго засиделся этот цыпленок в своей скорлупе, как долго он путешествовал по миру, прежде чем найти свое настоящее место.

Ведь все, что он делал в жизни до сих пор, не было ему нужно само по себе. Гатчина, Петроград, Стокгольм, Париж, Одесса, Симферополь, Казань, Самара, десяток других городов оказались на его пути только потому, что он искал место, где его научили бы летать, где ему дали бы аэроплан. Париж и Стокгольм были для него только ступеньками к Поворину. Рота Павлова, путешествие за границу, Испано-Сюиза, завод «Анатра», кочующая школа, четыре года, наполненных трудами, опасностями и приключениями, — все это было только для того, чтобы летать. Чтобы получить аэроплан и летать на нем. Все это — ради события, которое должно было произойти сегодня в Поворино.

«Это было мечтой его жизни», — говорят в таких случаях. Но ведь мечтать — легко. Можно всю жизнь лежать на диване и мечтать, сколько душе угодно. Чулков же подчинил мечте всю свою жизнь. Он гонялся за ней по всей Европе. Теперь он ухватил ее, наконец, за хвост. Правда, судьба под конец посмеялась над ним — подсунула ему гнилой аэроплан. Нелегко было пережить это. Но Поворино вознаградит его за все. Он получит здесь «Сопвич». Лучше было бы, конечно, если бы это был «Фарман». Как итти на посадку, если, сидя в фюзеляже, не видишь мелькающей между колесами земли? Он с трудом представлял себе это. Глухой пол под ногами очень, очень смущал его. Но он старался не думать о посадке. Он думал о другом. В Поворино кончатся запутанные, кружные тропы его

жизни, здесь перед ним откроется прямая, широкая дорога — дорога летчика.

Поворино обстреливали из пулеметов. Станция была почти безлюдна. Одни ушли поближе к пулеметам — воевать, другие подальше от них — прятаться. Налево от станции видна была наступающая цепь белых, направо, на поляне стоял самолет.

Возле него никого не было. Какая-то фигура маячила в некотором расстоянии от самолета. Было похоже на то, что она старалась держаться не слишком далеко от него, но и не слишком близко. Фигура была очень невзрачна. Голову незнакомца прикрывала ермолка. Такие ермолки носят академики. Однако, он не был похож на академика. Это можно было сказать наверное. Весь вид его говорил:

— Я не имею ничего общего с этим самолетом, я очутился здесь совершенно случайно и сейчас же отправляюсь по своим частным делам. Мои дела носят глубоко мирный, домашний характер и не имеют никакого отношения ко всей этой стрельбе.

Чулков не знал бортмеханика в лицо. Так как поблизости никого не было, Чулков, обойдя несколько раз вокруг самолета и заглянув в кабину, приблизился к незнакомцу:

— Вы тут не при самолете? — спросил он его.

Лицо незнакомца отразило величайшее сомнение, которое в нем возбудил этот бестактный вопрос. Но прежде чем он успел ответить что-либо, Чулков и сам обнаружил того, кого искал. Взглянув на пропитанные маслом брюки незнакомца, Чулков понял, что механик стоит перед ним. В свою очередь и механик решил про себя, что пилотский шлем Чулкова в достаточной мере удостоверяет его личность.

— Где же вы, батенька, пропадали? — всплеснул руками человек в ермолке. — Я уже был на волосок от эвакуации. Если я еще здесь, то только потому, что терпеть не могу удирать пешком. Садитесь же скорей! Машина стоит против ветра.

Он бросился в сторону, вытащил из-под небольшого камня шлем и пачку документов и торопливо засунул их в карман.

— Но сначала вы мне должны объяснить... — начал Чулков застенчиво.

— Что объяснить? — прервал механик. — Вы с ума сошли! Белые будут здесь через пять минут. Летим немедленно!

— Да, но вы должны мне рассказать, как на «Сопвиче»...

— Я в жизни не видел такого любопытного человека! Потом, потом все расскажу, когда прилетим.

Чулков был в отчаянии.

— Да поймите же, я никогда не поднимался на «Сопвиче». Мне сказали...

Механик чуть не заплакал от досады.

— Что же, вы хотите, чтобы я начал учить вас летать? Да разве можно на словах объяснить, как летает аэроплан?

На перрон со звоном посыпались стекла. Ручные гранаты уже рвались по ту сторону станционного здания, на путях. Возможно, что красных уже не было на станции.

— Или мы летим, или я гроблю мотор и ухожу пешком. — Механик снова надел ермолку, вынул из кармана документы и шагнул к камню.

Спорить было бесполезно. Это напоминало разговор слепого с глухонемым. Разве человек в ермолке мог понять, что сейчас чувствует человек в шлеме? Это мог понять тот, кто сам имел только два часа налета на «Фармане» — над тихим аэродромом, в присутствии инструктора, а теперь должен был сесть в незнакомый аэроплан и взлететь над полем сражения.

— Летим! — сказал Чулков. Разве он мог уйти от своего самолета?

Они побежали к «Сопвичу», механик сорвал с мотора брезент.

— Вот тебе контакт, вот тебе сектор, — крикнул он, тыча пальцем во что-то внутри кабины. — Остальное объясню на месте, если долетим.

Через секунду Чулков сидел в незнакомой кабине. Он озирался в ней, как кукушка в чужом гнезде. Механик не дал ему даже вглядеться как следует в незнакомые приборы и рычаги. Чулков разобрался в них не инстинктом летчика, а инстинктом механика. Но разве инстинкт механика мог ему подсказать, как ведет себя этот самолет в воздухе?

Шел дождь, дул сильный ветер. Пулеметы заливались за их спиной.

Мотор завелся сразу. Самолет взлетел хорошо и долго шел по прямой, набирая высоту. Чулков все не решался сделать вираж. Вираж мог кончиться чорт знает чем. И в то же время он боялся уйти от железной дороги. Без нее он обойтись не мог. Он еще никогда не ориентировался по карте. Если бы железная дорога исчезла, он не знал бы, куда лететь. Механик толкнул Чулкова в спину и показал назад большим пальцем.

В воздухе бортмеханик совершенно успокоился. Он чувствовал себя великолепно. Механик робел только на земле. К воздушным опасностям он был совершенно равнодушен.

Волей-неволей Чулкову пришлось сделать вираж. Это был такой пологий, такой осторожный вираж, что казалось, ему не будет конца.

Выйдя наконец из разворота, Чулков пошел к железной дороге, чтобы как следует уцепиться за нее.

В это время мотор остановился. Они летели всего лишь десять минут и теперь должны были сделать вынужденную посадку.

Из письма красноармейца

Александр ЖАРОВ

„Свежий куст черешни за год
Принести не может ягод.
Но во мне прошедший год
Произвел переворот.
Как бы там ты ни скучала,
Должен я тебе сказать:
Все сначала, все сначала
В жизни будем начинать...
Расскажи мне, как гуляла?
Сколько книжек прочитала?
Где бывала? Что видала?
Два спектакля? Очень мало!
Может, делала доклады?
Может, в хоре стала петь?

Если в жизни есть порядок,
Можно тут и там успеть.
Я тебе признаюсь честно, —
Понял я и ты поймешь:
Жить чертовски интересно,
Если знать, зачем живешь.
Ты — опора. Я — опора
Всех богатств, что создал труд...
Вот какие разговоры
В Красной Армии ведут.
Прилагаю, не жалея,
Книгу Пушкина к письму.
Возвращусь, тогда яснее
Объяснить тебе сумею,
Что, и как, и почему...“

Фото Н. Сальмана

Пилоты получают боевую задачу

— Моя тринадцатая посадка, — подумал Чулков. — Нехорошее число.

В школе за ним числилось двенадцать самостоятельных посадок.

Но в этом была и хорошая сторона. Можно было поближе познакомиться с машиной и пассажиром.

Он хорошо посадил аэроплан на пашню, хоть и не вдоль борозд, а, по неопытности, поперек. Прежде чем остановиться, «Сопвич» долго прыгал по бороздам. Механик, морщась, держался за живот.

— Ты мне, дяденька, все нутро отбил, — недовольно сказал он, вылезая из кабины. Земля снова сделала его мрачным.

Теперь Чулков мог рассмотреть как следует, на чем он летит. Минуты две он сидел неподвижно, разглядывая органы управления и приборы незнакомого самолета.

А здесь было, на что посмотреть. После «Фармана» «Сопвич» казался великолепным. Целых три прибора украшали пилотскую кабину: показатель скорости, компас и какой-то загадочный прибор, оказавшийся счетчиком оборотов мотора. Такого прибора в школе не было. На «Фармане» для этой цели служил другой остроумный прибор — стаканчик с пульсирующим маслом. Чтобы точно определить число оборотов мотора, достаточно было вынуть часы и сосчитать, сколько раз в минуту пульсирует масло в стаканчике. Так доктор считает пульс у больного. Но этот остроумный и удобный прибор, конечно, не выдерживал никакой конкуренции со счетчиком, установленным на «Сопвиче»: он показывал число оборотов мотора с помощью обыкновенной стрелки.

Они расположились на влажной земле, и «Сопвич» укрыл их своим крылом от моросящего дождя. Линия фронта осталась километрах в двадцати от них. Чулков приготовился слушать лекцию о «Сопвиче».

Тема первого урока была злободневной — «причина вынужденной посадки». Виновницей вынужденной посадки, оказалось, была помпа. Чулков осведомился, для чего эта помпа нужна. Механик объяснил, что она нужна для перекачивания бензина из главного бака в добавочный. Он объяснил также ее устройство. Это можно было сделать с тем большим удобством, что помпа развалилась на составные части. Но по этой же причине приобретенные Чулковым знания не имели практического значения. Добросовестно изучив устройство помпы, они бросили ее на дно фюзеляжа. В полете предстояло качать бензин ручной помпой: лететь и качать, лететь и качать.

Они взлетели, снова прицепились к железной дороге и взяли курс на Балашов. Внизу расстилалась серая, однообразная равнина, простроченная линией рельсов и шпал. Чулков вспомнил, что, мечтая о полетах, он всегда представлял себе землю прекрасной, залитой солнцем, необычайно живописной. Впоследствии он понял, что чем живописнее пейзаж, тем менее он пригоден для вынужденных посадок. Самолет, на котором он летал в своих мечтах, был так послушен, что подчинялся не только его движениям, но и мыслям, желаниям. Так летают во сне. Захотел полететь направо — и самолет летит направо, захотел повернуть налево — и самолет покорно поворачивает налево. Но «Сопвич» не был похож на самолет из сновидения. Это был адский труд — лететь на «Сопвиче». Чулков летел и качал, летел и качал, неустойчивый «Сопвич» нырял в воздухе в такт движениям помпы. У Чулкова болели руки; он продрог; ощущение, которое он испытывал, не было ему знакомо по сновидениям. Это была легкая тошнота и еще что-то, в чем стыдно было себе признаться: ощущение опасности, боязнь упасть на землю.

Чулков поглядывал, как его научил механик, на стеклышко, через которое был виден уровень бензина в баке. И хотя он качал усердно,

уровень бензина вдруг стал быстро снижаться. Чулков все качал и качал но бензина не прибавлялось. Приходилось снова садиться.

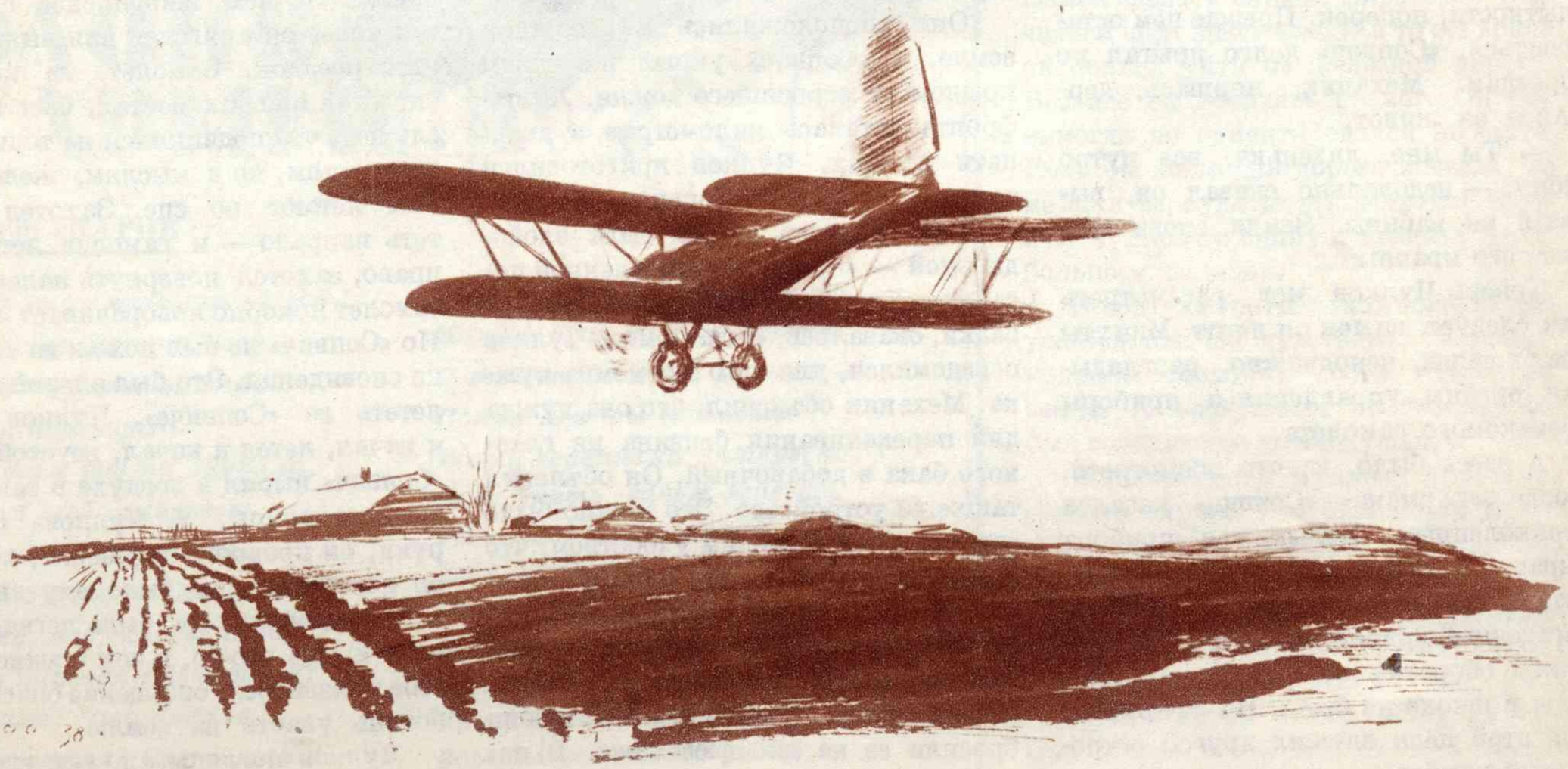
Они сели на ровный луг и стали изучать устройство ручной помпы. Они разобрали ее, внимательно рассмотрели, но так как выбросить ее нельзя было (хотя она этого и заслуживала) — они занялись нелегким ремонтом и через каких-нибудь два часа взлетели снова.

Они благополучно, уже без всяких приключений, прилетели к Балашову. Вечерело. Дождь прекратился, но ветер стал еще сильнее. Это был шквалистый, часто менявший направление ветер. Чулков беспокойно вертелся в своей кабине, высовывая голову то направо, то налево. Пол кабины мешал ему разглядывать землю. Но еще больше его беспокоил ветер. То, что в науке навигации известно под изящным названием «роза ветров», представлялось Чулкову в виде клубка извивающихся змей. Действительно, этот ветер не понравился бы и опытному пилоту. Это был временный, но серьезный беспорядок в воздушной среде. Он предвещал хорошую погоду. Над самым горизонтом небо очистилось и заходящее солнце на минуту окрасило в багровый цвет тяжелые тучи и сырую землю. Это был ветер —предвестник солнца, голубого неба и зноя. Он прогонял тучи, он обещал на завтра славный денек.

Но надо было садиться. Чулков заметил на аэродроме кучку людей, среди них командира отряда. Командир тревожился за Чулкова — он не знал ведь, что у того уже были две посадки на «Сопвиче». Сердце Чулкова наполнилось гордостью — за себя, за отряд, за технику. Какой большой день был у него! Сколько событий! Первый внеаэродромный полет, первый полет на «Сопвиче», первый полет над фронтом, первый полет с пассажиром, первая вынужденная посадка — все это в первый раз в жизни и все за один день! Земля показалась ему прекрасной, а самолет—надежным и послушным.

Никогда еще столько народу не смотрело, как он садится. Только бы сесть хорошо! Он посмотрел на ветроуказатель и сделал расчет посадки. Он, конечно, хорошо знал, что нужно садиться против ветра. Но после первого круга он на всякий случай еще раз посмотрел, в какую сторону указывает полосатый «колдун» на крыше, и еще раз сделал расчет. Это был вполне правильный расчет — расчет посадки против ветра. «Сопвич» перестал быть загадкой, он безропотно повиновался ему. Славная машина! Чулков пошел на посадку. Он сделал это немного развязно: в последний момент ему захотелось, чтобы машина подкатилась вплотную к группе встречающих. После всего, что было, мог же он позволить себе эту маленькую вольность!

Но что это? «Сопвич» не коснулся земли в том месте, где предполагал Чулков. Он прошелестел над самыми головами встречающих. Они пригнулись в испуге и, когда посмотрели назад, уже не увидели самолета. Он все несся и несся, шквалистый ветер дул ему в спину, и ничто, казалось, не могло его остановить. В сгустившихся сумерках он бесшумно промчался над дорогой, над самыми крышами хат, над огородами, над стадом равнодушных коров, над ручейком. Казалось, никакая сила не может придавить к земле этот странный самолет. Он приземлился лишь за деревней, на выгоне, на утоптанной скотом земле, среди коровьих лепешек и воздвигнутых сусликами курганчиков, за полкилометра от аэродрома. И только здесь Чулков понял, что случилось: он все перепутал, он сел по ветру. Это была его первая оплошность в воздухе.

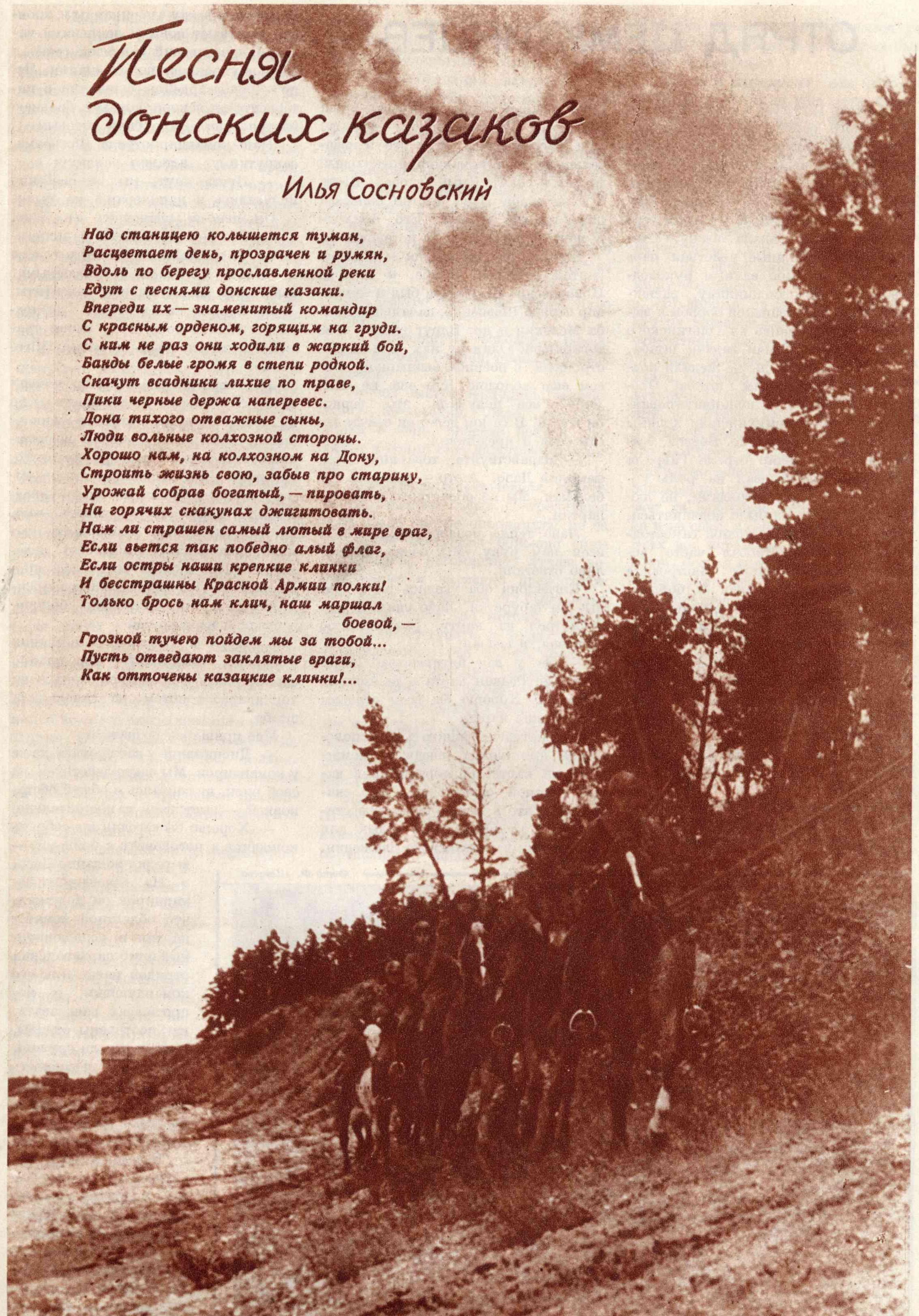


Он бесшумно промчался над дорогой, над самыми крышами хат...

Песня донских казаков

Илья Сосновский

Над станицею колышется туман,
Расцветает день, прозрачен и румян,
Вдоль по берегу прославленной реки
Едут с песнями донские казаки.
Впереди их — знаменитый командир
С красным орденом, горящим на груди.
С ним не раз они ходили в жаркий бой,
Банды белые громя в степи родной.
Скачут всадники лихие по траве,
Пики черные держа наперевес.
Дона тихого отважные сыны,
Люди вольные колхозной стороны.
Хорошо нам, на колхозном на Дону,
Строить жизнь свою, забыв про старину,
Урожай собрав богатый, — пировать,
На горячих скакунах джигитовать.
Нам ли страшен самый лютый в мире враг,
Если вьется так победно алый флаг,
Если остры наши крепкие клинки
И бесстрашны Красной Армии полки!
Только брось нам клич, наш маршал боевой, —
Грозной тучею пойдем мы за тобой...
Пусть отведают заклятые враги,
Как отточены казацкие клинки!...



ОТРЯД ЦЕМУХИНЦЕВ*

В марте 1919 года в селе Фроловке Сучанского района на съезде представителей партизанских отрядов был создан объединенный орган: «Военно-революционный штаб партизанских отрядов Ольгинского уезда». Вся власть на отвоеванной у белых территории принадлежала штабу. Объединить разрозненные действия партизанских отрядов единым руководством, укрепить дисциплину, расширить очаги партизанской борьбы и выгнать белогвардейцев из Ольгинского уезда — таковы были задачи штаба.

Некоторые отряды не желали подчиняться директивам штаба. Особенно отличался недисциплинированностью отряд цемухинской долины под командой Шевченко. Боевой, бесстрашный командир отряда Гаврила Шевченко претендовал на роль командующего всеми отрядами, не любил кому бы то ни было подчиняться, стремился всегда к полной самостоятельности и действовал часто вопреки указания штаба. Настроение командира передавалось и бойцам, поэтому дисциплина в отряде была плохая. К отряду липли всякие анархиствующие элементы.

В мае до цемухинского отряда дошел слух, что Владивостокский партийный комитет направляет в Ольгинский уезд руководителем партизанского движения Лазо.

О Лазо мы слышали много героических рассказов. Некоторые товарищи в нашем отряде прекрасно знали Лазо по Забайкальскому фронту. Они рассказывали, что это замечательный боевой командир, прекрасный тактик и обаятельный человек. Весть о назначении Лазо быстро облетела партизанские отряды. Его прихода в наш отряд ждали с нетерпением.

В конце мая мы сидели за полевой картой в нашем штабе, в деревне Новороссии. В комнате был и командир отряда Шевченко, начальник штаба Мелехин и др. Вдруг входят двое товарищей. Один из них — высокий, стройный, с военной выправкой, совсем еще молодой. Кто еще не знал Лазо — все подумали: это, верно, он и есть! В самом деле, он сейчас же сам себя и представил:

— Здравствуйте, товарищи! Моя фамилия Лазо. А это — товарищ Губельман. Мы из областного комитета партии.

Лазо тепло поздоровался, пожав всем нам руку. Мы очень приветливо ответили.

Когда они оба уселись на поданные им табуретки, Лазо внимательно посмотрел на карту, разложенную на столе, и сказал:

— Да у вас пятиверстка! Замечательно! Редкая карта в настоящих условиях. Хорошо бы всем отрядам иметь такие карты.

Он стал расспрашивать о расположении противника, следя за пометками на карте. Разобравшись в нашей военной обстановке, Лазо сказал нам, что в южное Приморье стягиваются крупные силы белых для ликвидации партизанского движения. Сучанскую ветку американцы и японцы усиливают новыми воинскими частями, шкотовский гарнизон генерал Волков укрепляет пополнениями. Ясно — белогвардейцы совместно с интервентами вскоре поведут большое наступление. Надо быть готовым.

Наш командир отряда Шевченко, закрутив ус, вставил реплику:

— Пусть идут, мы не особенно испугались и паникерами не были.

Он искоса посмотрел на Лазо.

— Это хорошо, что вы не испугались! Но необходимо укрепить отряды и сделать их более боеспособными, выбросить неустойчивые элементы.

— Я знаю своих ребят — не подведут! Нечего по-пустому слова тратить! — запальчиво возразил Шевченко.

Все переглянулись. Лазо уловил какое-то скрытое недовольство, но не показал виду и, еще более оживившись, продолжал беседу о воспитании бойцов и о подборе крепкого, надежного командного состава.

В комнату вошла хозяйка — предложила покушать и выпить чаю. Все обрадовались возможности замять неловкость, вызванную поведением Шевченко. За чаем беседа продолжалась. Лазо расспрашивал о жизни отряда, о настроении бойцов, о связи с населением.

— Ну, а как у вас с дисциплиной в отряде, товарищи? — неожиданно спросил Лазо и посмотрел сначала на командира, а потом на начальника штаба.

Мне пришлось сознаться:

— Дисциплина у нас хромает даже у командиров. Мы часто действуем на свой риск, не считаясь с общей обстановкой, —выступаем самостоятельно.

— Хорошо бы сегодня же собрать комсостав и поговорить с бойцами, — выразил желание Лазо.

На совещании командиров он доложил, что областной комитет партии и революционный штаб партизанских отрядов назначили его командующим, и попросил их рассказать, как построены отряды, достаточно ли оружия, какова боеспособность отрядов, каков состав командиров и что нужно было бы изменить в организации отрядов.

Беседа затянулась. Лазо интересовался всеми мелочами боевой жизни. В заключение рассказал о международной обстановке и о борьбе Красной Армии на колчаковском и других фронтах. Он нам говорил:

* Из выходящего в скором времени из печати сборника воспоминаний и документов о Сергее Лазо, герое гражданской войны на Дальнем Востоке, погибшем в 1920 году от руки японских интервентов.

Фото Ф. Шевцова

На тактических занятиях.

— Наши успехи зависят от результатов борьбы на основных фронтах советской России. Организовывать здесь свою республику, защищать только свою деревню — нельзя. Мы должны рассматривать себя как часть общего фронта борьбы. Наша задача здесь — разрушать полотно железной дороги, разваливать тыл врага, мешать интервентам посылать оружие и снаряжение на колчаковский фронт, заставить белогвардейцев оттянуть свои силы с фронта в тыл. Разрушая тыл врага, мы поможем Красной Армии одержать победу!

Четкие, полные боевой силы слова глубоко западали в сердца командиров.

После совещания Лазо приказал построить партизанский отряд и перед всем строем произнес горячую речь, призывая к борьбе с контрреволюцией. Он подчеркнул, что люди, которым непосильна эта борьба, должны немедленно оставить отряд. Чтобы победить, требуется железная дисциплина! Но желающих выйти из строя не оказалось. Лазо проделал большую работу по укреплению отряда. По его указаниям отряд был реорганизован, произведена более правильная разбивка на роты, взводы; прибывшие рабочие из Владивостока были влиты в те подразделения, где особенно чувствовались нездоровые настроения. Приход Лазо всех как-то подтянул, и Шевченко, который так неприязненно встретил Лазо, подчинялся всем его распоряжениям и указаниям. Отряд зажил новой жизнью.

Простотой, скромностью, товарищеским отношением, четкими боевыми указаниями и чудесными пламенными речами Лазо быстро завоевал общее уважение.

Лазо—железной воли командир — никогда не принимал необдуманных решений и не отменял их. Его распоряжения в любой трудной обстановке были хорошо продуманы, обстановка изучена.

В мае, после нескольких дней пребывания Лазо в отряде цемухинской долины, белогвардейцы, при поддержке японских войск из Шкотова, повели наступление на деревню Новороссия.

Мы с Лазо сидели за топографической картой, обсуждая план военных действий. Вдруг прибегает из заставы села связист и докладывает, что к селу подходят белогвардейцы и японцы. Не успел он сказать несколько слов, как по селу был открыт ружейный и пулеметный огонь. Поднялась невообразимая паника. Партизаны бросились удирать в разные стороны. Командиры взводов, растерянные, бежали к штабу. Была попытка без всякой команды отойти по направлению к деревне Новая Москва. Лазо спокойно взял свою полевую сумку и сказал мне:

— Товарищ Мелехин, я буду командовать отрядом. (Командир отряда Шевченко был в это время на заставе села.)

Мы быстро вышли на улицу. Лазо крикнул:

— Командиры взводов, немедленно собрать бойцов, принять боевой порядок!

Бойцы быстро вернулись, выстроились по-взводно. Лазо, рассыпав отряд в цепь, впереди бойцов бросился к концу села навстречу противнику.

Завязалась ожесточенная перестрелка. Разведка белых, обстрелявшая село, была быстро опрокинута; но за разведкой наступали большие силы противника, несомненно, лучше вооруженные и численно превосходящие нас. Соотношение сил было очень неравное. Лазо дал четкий приказ, как надо отступать и куда. Отряд организованно, без потерь, отошел. Мы заняли удобную позицию на склоне горы, покрытой лесом, верстах в трех от деревни Новая Москва. Но противник, видимо, опасаясь засады, дальше не наступал, и через некоторое время, оставив Новороссию, вернулся в Шкотово.

Лазо пробыл в отряде дней десять. За это время мне пришлось ближе познакомиться с ним в обыденной нашей партизанской жизни. Лазо внешне, особенно одеждой, не отличался от обычного партизана. С людьми он был очень приветлив.

Я всегда поражался, как мало он спал. Бывало, люди уже спят, в штабе, кроме дежурного, никого нет; горит маленькая керосиновая лампочка; Лазо или сидит над топографической картой или что-то пишет. Однажды я проснулся часа в четыре утра, вижу — он все еще пишет:

— Товарищ Лазо, пора спать, надо беречь свои силы!

— Я сейчас лягу, вот только допишу воззвание.

Но, видимо, он так и не ложился — к утру воззвание к партизанам было отпечатано уже на машинке.

Лазо ложился спать обычно на лавке, положив под голову свою полевую сумку. Но сон у него был необычный, как будто и во сне он находился в полной боевой готовности. Стоило его разбудить в любое время, он моментально вскочит на ноги, проведет ладонью правой руки по лицу и отвечает на заданный вопрос, как будто он и не спал, а думал именно об этом. Всех нас поражала его организованность, боевая готовность, умение дать четкие указания командирам в любой обстановке.

От нас Лазо поехал наводить порядок в других отрядах.

Вскоре наш отряд получил от Лазо приказ — вместе с другими отрядами направиться в район полотна железной дороги, идущей от Владивостока до Никольск-Уссурийского, и действовать в тылу противника: разрушать полотно железной дороги в районе Раздольной — Кипарисово с таким расчетом, чтобы, парализовав белых и интервентов, мешать отправке оружия в помощь колчаковской армии.

Фото Н. Сальмана

Пулеметчики на линии огня.

Фото М. Бачурина

За лошадью на лыжах.

Приказ Лазо диктовал зайти в тыл противнику и направиться через каменноугольные Зыбунные рудники, где рабочие подготовились выступить против белых и перейти в наш отряд, но не могли этого сделать, так как рудники были оцеплены белыми.

По маршруту — селения Новороссия, Многоудобное, Кролевец, Кневичи и Зыбунные рудники — отряд двинулся выполнять оперативное задание Лазо.

Трудность была в том, что к конечному пункту отряд должен был прибыть незамеченным населением, дабы противник не мог разгадать наших планов.

На рассвете мы вышли за Новороссию и через отроги гор тропами перевалили в майхинскую долину, между селами Майхе и Многоудобное. И снова тайгой, через цепь невысоких гор, покрытых лесом, достигли хутора близ села Кролевец, которое, оказывается, было занято канадцами в числе четырехсот штыков. Через шпионов-кулаков наше местопребывание было обнаружено. Канадцы повели наступление на хутор.

Хутор был расположен у подножья горы. Дорога шла к нему зигзагами по полям и лугам, а севернее хутора, в полутора верстах, поднимался невысокий хребет, покрытый лесом, который подходил к селу Кролевец и огибал его с трех сторон. Мы двинулись цепочкой по самому хребту в тыл противнику и расположились на хребте около села. Наше передвижение не было замечено.

Наступал вечер. Солнце огненным шаром лениво клонилось к закату и уходило за синевшие вдали вершины гор. В бинокль мы увидели, что интервенты походным порядком двигаются к Кролевцу. Через час, примерно, они пришли в село и расположились у подножья горы, раскинув палатки. Весь лагерь с горы, на которой мы находились, виден был как на ладони. Интервенты выставили у подножья горы посты. Люди наши, затаив дыхание, следили за происходящим в лагере противника. Канадцы находились от нас в пятистах шагах, не подозревая, что на горе, у подножья которой они расположились, находятся партизаны. Мы решили напасть на рассвете, рассчитывая, что после перехода канадцы будут крепко спать.

Партизаны всю ночь не спали. Выпустить канадцев из ловушки никому не хотелось. Надо же было в конце концов проучить непрошенных гостей, чтобы им впредь неповадно было охотиться за партизанами.

Брезжил рассвет. Над селом стоял туман. Лагерь канадцев спал, только часовые время от времени шагали взад и вперед. Мы спустились ближе к подножью горы.

Наступал решительный момент. Затаив дыхание, бойцы тихонько, цепляясь за ветки деревьев, спустились на указанный им рубеж и ждали приказа. Палатки отстояли теперь от нас в ста пятидесяти шагах. Была подана команда «приготовиться», затем команда «огонь», и частая залповая ружейная стрельба прервала тишину ночи. Эхо перекатывалось волной, отдавалось далеко в горах.

Солдаты интервентов в панике бросились бежать. Слышна была команда офицеров принять боевой порядок, но солдаты в беспорядке стали отступать по направлению к селу, и лишь минут через десять открыли они беспорядочную ружейную стрельбу. Канадцы бежали по селу — это было их спасение, так как у нас было распоряжение Лазо в селах боя не устраивать во избежание убийства мирного населения.

Наша рота с тыла ударила по противнику; это заставило его пробираться вперед с боем. Заработали пулеметы канадцев и ружья-автоматы — ветки кустов, точно подстриженные, падали на наших бойцов. Канадцы пробили себе путь и отступили на Кневичи. Зло брало партизан — нечем было преследовать: у каждого оставалось не более пяти-десяти патронов.

В число наших трофеев попали палатки канадцев, несколько винтовок, две тысячи патронов, шесть «кольтов», ранцы, много шоколада, сигарет, консервов и обмундирования. Канадцы побросали даже свои шляпы и лайковые перчатки. После этого боя они уехали во Владивосток и больше уже не появлялись в этом районе.

Мы двинулись дальше. По пути к нам в отряд вливались новые силы. В Кневичах к нам прибыла рота владивостокских рабочих с полным во-

Младший командир
Яков АЗАРКИН

С утра мы в походе,
Идем и пылим.
Навстречу нам тучи да ветер.
Уже синевою в дорожной дали
Задумчивый стелется вечер.
Усталость томит, на исходе вода,
Еще далеко до привала...
Но вдруг, будто молодость
песне отдав,
Запел впереди запевала.
И лица светлеют, и вот от души
Звенят голоса молодые,
Ах, родина-мать!
У тебя хороши
Твои сыновья боевые.
Смотрю и любуюсь:
Здоровы, стройны,
Загар на улыбчивых лицах...
Такие же парни —
На страже страны,
На дальних тревожных границах.
Мы взяли винтовки, звенел чтобы
труд
От Буга до взгорья Урала...
А бодрые взводы идут да идут,
Поет впереди запевала.

Лейся, Терек, наша вольная река,
Белой пеною вдоль берега кружи!
Провожала молодица казака
В путь-дороженьку Республике служить.
„Ты прощай, мой ненаглядный и родной, —
Говорила ему славная жена. —
Будь защитником отчизны дорогой,
Если кликнет в бой Советская страна.
Алым шелком я расшила твой кисет,
С золочеными разводами звезду, —
Чтоб, храня его, как ласковый привет,
Вспоминал меня ты часто на посту.

Напоила ключевою я водой
Вороного быстроногого коня,
Чтоб носил тебя он легкою стрелой
В чистом поле среди грома и огня".
Целовал казак любимую жену, —
Обещался честно выполнить наказ...
Ноги в стремя вдел, коня легко стегнул
И помчался, покидая свой Кавказ.
Льется Терек, бьет волной о берега,
Смотрит солнце, улыбаясь над рекой...
А о доблести героя-казака
Ходит слава, разливается волной!

оружением и снаряжением. Скоро рабочие Зыбунных копей смогли обезоружить посты белых и присоединиться к нам. Отряд, получив такое подкрепление, через горы перевалил в район станции Кипарисово и отсюда начал успешно выполнять приказ Лазо.

На перегоне Кипарисово — Раздольная мы взорвали мост, на расстоянии километра спилили телеграфные столбы и пустили под откос поезд с вооружением и снаряжением, предназначенный для Колчака.

Захватив много винтовок и боеприпасов, мы хорошо вооружились.

В июне Лазо разработал генеральный план наступления на гарнизоны белых и интервентских войск, расположенных на Сучанской ветке. Надо было взорвать мосты, разрушить подъемники на перевалах Сучанской ветки, чтобы отрезать угольный район Сучана от Владивостока. Разрушить тыл Колчака, ускорить его падение, разбить интервентов было основной целью наступления. План был смел. Партизанам, наполовину вооруженным охотничьими берданками, предстояло столкнуться с врагом, вооруженным до зубов и численно их превосходящим. Но на стороне партизан было иное превосходство — преданность революционному делу, знание каждого кустика, каждой тропы в тайге и страстное желание победить.

Каждый отряд получил особое задание. В двадцатых числах июня отряды повели одновременно наступление на все пункты расположения противника. Почти все отряды выполнили план блестяще. Интервенты, видимо, совершенно не ожидали нашего наступления.

На всех участках партизаны основательно потрепали интервентов. И вполне естественно, что русская белогвардейщина совместно с интервентами начала лихорадочно готовиться к общему наступлению, чтобы ликвидировать партизанское движение в Приморье.

Из Владивостока и Никольск-Уссурийского были брошены крупные силы русских белогвардейцев и ин-

Фото Старикова

Наблюдатель.

Прорыв Польского фронта. *С карт. худ. С. Зелихмана.*

тервентов, в первую очередь в Ольгинский уезд.

В бухтах Тетюхе и Чен-ю-вай высадились японские отряды. На станции Кангауз Сучанской железнодорожной ветки из Владивостока прибыли большие эшелоны японских и американских войск и сразу же повели наступление на Владимиро-Александровку, Унаши, Перятино и другие села Сучанского района.

Всего, по имевшимся у нас сведениям, в Ольгинский уезд было брошено контрреволюционных войск вместе с интервентами около десяти тысяч штыков. У нас же было около трех тысяч во всех отрядах. Кроме того, мы еще не успели создать продовольственную базу в тайге на случай общего наступления контрреволюции.

В первой половине июля интервенты и белогвардейцы повели наступление. Партизанским отрядам с боем пришлось отступать в тайгу.

Все чувствовали превосходство врага — боя дать не могли. Морально это очень угнетало. Отступление по тайге было чрезвычайно трудным. Июльское солнце пекло невыносимо, отряд шел почти ощупью, без охотничьих троп. Партизаны выбивались из сил, взбираясь на крутые склоны гор. Многие шли босиком, с окровавленными ногами; продовольственные запасы приходили к концу, одолевала мучительная жажда. Всем хотелось пить. Но воду можно было достать только у подножья гор или же в расселинах, где иногда встречались горные родники.

Белые при поддержке интервентов заняли последние предтаежные деревни. Продовольственные ресурсы партизан иссякли, патроны были на исходе. Для партизанского движения наступили тяжелые дни. Неустойчивые элементы стали уходить из отрядов.

В середине июля отряды стянулись в деревню Молчановку, где было созвано совещание командиров совместно с исполкомом Ольгинского уезда для обсуждения создавшегося положения.

На совещании с речью выступил Лазо. Он сказал, что революция требует огромного напряжения, она не дается самотеком. Временные наши затруднения не есть поражение. Кто поддается панике в такой ответственный момент, тот недостоин носить высокое звание защитника Октябрьских завоеваний и быть среди партизан. Лазо предложил разбиться на более мелкие отряды, применять тактику внезапных налетов на белогвардейские гарнизоны и попрежнему разрушать железнодорожные магистрали, чтобы парализовать отправку войск и боеприпасов на колчаковский фронт.

После совещания произошла реорганизация отрядов.

Я со своим отрядом должен был перейти в Иманский район. Задача была не из легких. Трудность заключалась, главным образом, в переходе через высокие горы Сихотэ-Алинь, сплошь поросшие непроходимым лесом. Заходить в населенные пункты было очень рискованно — там можно было натолкнуться на белых и интервентов.

В конце июля отряд двинулся в поход. В Даубихинской долине, в тайге на тропе, идущей близ реки Даубихэ, мы заметили догоравший костер и свежепомятую траву. Сделав небольшую передышку, отряд осторожно двинулся дальше. Путь на этом участке был очень труден, то и дело он преграждался огромными вековыми деревьями, поваленными ветром. Вдруг мы услышали на скале свист. Отряд остановился, насторожась. В кустарнике что-то сильно затрещало, показались руки, разводящие ветки в стороны, потом голова в защитной фуражке, и вот перед нами во весь рост предстал Лазо.

Вид у него был изнуренный, болезненный, лицо покрылось какими-то пятнами, и только глаза его блестели попрежнему. Обрадованные неожиданной встречей, партизаны окружили Лазо. Он рассказал нам, что при переходе из Ольгинского уезда в Никольск-Уссурийский заболел и задержался неподалеку здесь на хуторе у крестьянина.

— Пусть бойцы отдохнут, а мы присядем вот здесь на лужайке и потолкуем о нашем переходе, — обратился ко мне Лазо.

Он сел на землю, вынул из полевой сумки карту и начал знакомить меня и командиров взводов с расположением сил противника.

— Анучино занято японцами. В этом районе вам необходимо двигаться с большой осторожностью. Более безопасный путь — через Муравьевку, Чугуевку, Новомихайловскую, Уборку, Саратовку и Самарку, а дальше перевалите через горы и выходите к хутору Ариадное Иманского уезда. При движении по населенным пунктам надо разъяснять крестьянам цели нашей борьбы, выявлять среди крестьянской бедноты сочувствующих нам и из них создавать ячейки для связи с отрядами.

Так инструктировал нас Лазо.

Долго еще велась беседа с Лазо о наших дальнейших планах борьбы с контрреволюцией. Несмотря на свою болезнь, Лазо так ярко и страстно говорил, что мы слушали его с затаенным дыханием. Время шло незаметно. Жаль было расставаться с этим прекрасным человеком и любимым командиром.

Попрощавшись с Лазо, отряд двинулся дальше на север по указанному им маршруту.

Ал. СУРКОВ

КРАСНАЯ АРМИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Двадцатилетие Рабоче-Крестьянской Красной Армии — одна из самых ярких дат в жизни нашей великой социалистической родины.

В песнях, сказаниях и легендах, сложенных народными певцами, передаются из поколения в поколение воспоминания о славных боях гражданской войны, создаются образы легендарных полководцев и бойцов. Народный поэт Дагестана Сулейман Стальский, воспевший в своих поэмах богатырские подвиги Серго Орджоникидзе, верного соратника товарища Сталина, перекликается с безыменными песенниками и сказителями, сложившими песни и сказы о могучем Чапаеве, о народном полководце Семене Буденном. Лучшие свои песни сложили народы Союза о товарище Сталине, великом организаторе наших побед, о луганском слесаре Климе Ворошилове, первом маршале нашей родины, о пламенном большевике Сергее Мироновиче Кирове.

И наша советская литература лучшие, золотые строки своих романов, повестей, рассказов, поэм, стихов и песен посвятила Красной Армии, ее подвигам, ее вождям и рядовым, безыменным героям.

Добрая половина советских писателей пришла в литературу, сменив винтовку на перо. Дмитрий Фурманов, Александр Фадеев, Всеволод Вишневский, Николай Островский, Владимир Ставский, поэты Эдуард Багрицкий, Владимир Луговской, Николай Тихонов, Александр Прокофьев, Михаил Светлов и многие другие, перед тем как стать литераторами, получили боевую закалку в рядах Красной Армии. Старейший пролетарский писатель А. С. Серафимович был в годы гражданской войны фронтовым корреспондентом большевистской «Правды». «Лучший, талантливейший поэт нашей советской эпохи» (Сталин) Владимир Маяковский, работая в «Росте», отдавал всю силу своего таланта на помощь красному фронту. Любовь к Красной Армии, принесенная этими писателями-борцами в литературную среду, привилась всей массе лучших советских писателей, стала одной из самых прекрасных традиций советской литературной семьи.

История создания и укрепления Красной Армии — это история победы железной, организующей воли большевиков. Воля партии, великий гений ее вождей Ленина и Сталина дали армии единую великую цель — социализм, сцементировали ее ряды железной сознательной дисциплиной, сделали ее подвижной и способной к сокрушительным, концентрированным ударам.

Первые произведения советских писателей, посвященные гражданской войне, отмечены знаком преклонения перед стихийно-партизанским началом.

«Партизанские повести» Вс. Иванова, «Барсуки» Леонова, «Перегной» Сейфуллиной, ее «Виринея», «Падение Даира» Малышкина, «Ветер» Лавренева и ряд других произведений, многие из которых написаны мастерски и с большой силой, к сожалению, не поднимаются до раскрытия самого важного в описываемых событиях — роли рабочего класса, организующей силы партии, возглавившей народ в борьбе с угнетателями и эксплоататорами.

Не то, чтобы многие из писателей не пытались ответить на этот вопрос. И у Вс. Иванова, и у Леонова, и у других мы встречаем в произведениях и рабочих и коммунистов — участников борьбы. Но насколько живо и сильно даны картины проявлений крестьянской партизанщины, настолько же слабо обрисованы коммунисты, их руководящая, вдохновляющая и дисциплинирующая роль в партизанском движении.

Типичным для такого рода произведений является «Ветер» Б. Лавренева. Яркими красками рисуя образ носителя матросской стихийности Василия Гулявина, Лавренев пытается отдельными штрихами, намеками показать борьбу дисциплины и организации со стихией. Но стихийное начало, вопреки воле писателя, торжествует в повести.

Другое подобного рода произведение — повесть А. Малышкина «Падение Даира». Написанная ярко и с большим эмоциональным подъемом, эта повесть рисует штурм Перекопа. В то время как перекопская операция исторически была ярким выражением великой силы большевистской организованности в сочетании с беззаветным героизмом бойцов, Малышкин рисует штурм как некое ночное смутное движение огромных орд, стихийного потока, через головы руководства, поверх стратегического плана, захлестнувшего последнюю твердыню белогвардейщины.

Смакование биологической уродливости, патологии, подмена классового биологическим обесценивают блестяще написанную книгу Бабеля «Конармия», ибо книга эта не столько раскрывает облик героических бойцов этой легендарной армии, сколько воочию показывает органическую чуждость избранному материалу творческого метода писателя.

Стихийность, биологизм, отвлеченная батальная романтика часто дают себя чувствовать в произведениях ряда советских поэтов на первых ступенях их творческого роста.

Это в первую очередь относится к ряду баллад Николая Тихонова в его книгах «Орда» и «Брага», включивших в себя яркие произведения о героизме Красной Армии. То же чувствуется в ранних «ушкуйнических» стихах Луговского. За последние семь лет рецидивы «партизанщины» сказывались на стихах талантливого ленинградского поэта Александра Прокофьева.

Эдуард Багрицкий в замечательной поэме «Дума про Опанаса», написанной под могучим воздействием народного песенного творчества, ярко показывает борьбу анархо-махновского и организованно-большевистского начал. Большевистское начало торжествует. Мечтатель Опанас, пожелавший стать «в стороне от схватки», в конце концов погибает от руки пролетарского правосудия как махновец, бандит, захваченный на поле боя с оружием в руках. Поэт кончает поэму строками, посвященными героически погибшему от руки махновцев большевику-комиссару:

А и мне бы так погибнуть
У попова Лога
Тою самою кончиной,
Как Иосиф Коган...

Но и в этом замечательном произведении отвлеченный «гуманизм» пу-

Фото Ф. Шевцова

Лейтенант тов. Агасан Багиров знакомит бойцов своего подразделения с историей гражданской войны и обороны Царицына.

Фото Редкина

В парткабинете Ленинградского пехотного училища.

тает карты автора, и ярко выраженная тенденция его к утверждению организующей большевистской воли ослабляется романтизацией образа Опанаса.

На определенном этапе развития советской литературы обращение некоторых писателей и поэтов к тематике гражданской войны носило на себе печать противопоставления романтики боев «серым» будням восстановления и строительства.

Так, в рассказе Бабеля «Жизнеописание Павлюченко» мы видим противопоставление «кровинки, восемнадцатого годка» «будням», когда якобы везде «писаря засели». Так, настроения противопоставления «славного времечка» гражданской войны сегодняшнему дню звучат в некоторых стихах Голодного, М. Светлова и других поэтов.

Преодолевая эти заблуждения, имеющие свои корни в реальной расстановке классовых сил в стране, шла наша литература по пути создания подлинно-реальных и жизненно-правдивых образов людей гражданской войны.

Как бы противостоя тенденциям «Ветра» и «Падения Даира», произведение А. Серафимовича «Железный поток» входит в нашу литературу как страстная песнь большевистской организованности борьбы, как песня победы большевистской воли и дисциплины над слепой стихией бунтарства. Серафимович в «Железном потоке» шаг за шагом ведет читателя по следам армии, обретающей на своем тернистом пути силу организованности, превращающейся из огромного разношерстного табора в непобедимый «железный поток».

Дмитрий Фурманов в «Чапаеве», опираясь на собственный революционный опыт, в образах комиссара Клычкова и легендарного начдива Чапаева раскрывает победу большевистского начала над партизанским. Читатель последовательно, до мельчайших деталей, входит в сложный переплет событий и взаимоотношений комиссара-большевика и храброго партизанского командира. Как бы на его глазах, с Василия Ивановича Чапаева, человека талантливого и умного, спадает шелуха партизанских предрассудков, и он оформляется в волевого, дисциплинированного и несущего бойцам могучее начало дисциплины пролетарского полководца. «Чапаев» — это замечательный документ, ярко и правдиво раскрывающий сложный процесс формирования личности пролетарского полководца.

Этой же грандиознейшей и сложнейшей теме посвящена другая книга Дмитрия Фурманова — «Мятеж».

Тема партийного руководства, победа волевого партийного начала пронизывает прекрасное произведение Фадеева «Разгром». В образе командира партизанского отряда Левинсона, слабого телом, но несокрушимого своей уверенностью в правоте пролетарского дела, олицетворено ведущее большевистское начало всей борьбы за завоевания Октября. Отряд Левинсона поставлен в отчаянно трудные условия борьбы. Вокруг — интервенты и белогвардейцы. Они все теснее и теснее сжимают в кольцо крошечный партизанский отряд. Сам отряд неоднороден. Рядом с пролетарским шахтерским взводом Дубова стоит в строю рыхлый, неустойчивый крестьянский взвод Кубрака. Прорываются вспышки партизанщины. И Левинсон своей волей, своей уверенностью в конечной победе, своим умением найти путь к человеческому сердцу объединяет всех в единое целое, послушное приказу, готовое драться до последнего патрона, не щадя жизни. С тяжелым сердцем читаешь последние страницы «Разгрома». Стиснутые, раздавленные, брошенные в трясину, яростно отбиваясь и погибая, отступают партизаны. Редеют ряды. И когда приходит утро, только двенадцать уцелевших, во главе с Левинсоном, опустошенные, раздавленные разгромом, уходят в неизвестном направлении. Тяжелая картина. Но читатель закрывает книгу с ясной и твердой уверенностью в том, что эти двенадцать — не побежденные, а победители, что конечная победа на их стороне. Это убеждение приходит потому, что на протяжении всего повествования Фадеев ярко и реалистически - верно показал этих людей и тем вселил в читателя уверенность в их силу, в их непобедимость. Он дал почувствовать то, что стоит за спиной этой горстки людей, — страну, героизм многомиллионного народа, ненавидящего угнетателей, рвущегося к новой жизни.

Эта же тенденция — показа формирования личности нового человека-большевика, рабочего, приобретающего широкий государственный кругозор, становящегося военным стратегом и тонким политиком, — характеризует центральные персонажи еще незаконченного романа Фадеева «Последний из Удэге». Владивостокские рабочие-подпольщики Алеша Маленький и Петр Суриков, так непохожие друг на друга и так друг другу родственные, на широком

Фото Н. Сальмана

В походе.

Фото Ф. Кислова

За танком на лыжах.

фоне событий войны с белыми и японскими захватчиками вырастают в больших людей, объединяющих массы и ведущих эти массы за боевыми лозунгами партии.

И, наконец, великая роль Красной Армии, большевистского армейского воспитания в формировании личности нового человека, ярко раскрывается книгой Николая Островского «Как закалялась сталь». Павел Корчагин, пройдя суровую школу большевистского подполья при белых и славную школу боевой закалки в рядах Красной Армии, выходит из нее такой неуязвимо-сильный своей преданностью делу партии и пролетариата, своей верой в победу социализма, что никакие физические страдания не могут поколебать его волю к жизни, его волю к борьбе за лучшее будущее человечества.

Перечисленные здесь книги, разумеется, не исчерпывают большого списка произведений наших писателей, посвященных Красной Армии.

Разве можно пройти мимо замечательной эпопеи Михаила Шолохова «Тихий Дон», в которой три книги из четырех посвящены гражданской войне на Дону? Эпопея Шолохова, развернув широкие полотна гигантских событий борьбы с донской контрреволюцией, надолго оставит в памяти читателя образы казаков Кривошлыкова и Подтелкова, организаторов первых красноармейских отрядов из казачьей бедноты.

События гражданской войны проходят на страницах трилогии Алексея Толстого, посвященных первым годам революции.

В советской драматургии героика гражданской войны вызвала к жизни своеобразное и яркое произведение Вишневского «Первая Конная», его же «Оптимистическую трагедию». Лучшие пьесы советского репертуара — «Любовь Яровая» Тренева, «Бронепоезд» Вс. Иванова, «Земля» — Вирта — дают яркие образы людей гражданской войны. Эта тема легла в основу одного из первых произведений пролетарской драматургии — пьесы «Шторм» Билля-Белоцерковского, «Интервенция» Славина, «Мстислав Удалой» и «Год девятнадцатый» Прута и ряд других пьес посвящены этой богатейшей и многогранной теме.

Насколько неисчерпаема тематика гражданской войны, насколько она злободневна и не стала областью «исторических романистов», свидетельствуют такие факты, как неослабевающий и даже усиливающийся с годами интерес к этой полосе в развитии нашей революции.

«Одиночество» Н. Вирта, посвященное борьбе с кулацкой антоновской контрреволюцией, яркие места в произведении «Белеет парус одинокий» и новой повести «Я сын трудового народа» В. Катаева, только что законченный Ал. Толстым роман «Хлеб», посвященный царицынской обороне, — все это свидетельствует о расширяющемся активе произведений советских писателей, доносящих до молодого советского читателя героические традиции Красной Армии, высокую патетику ее битв и побед.

В области драматургии первыми попытками показать новых людей Красной Армии наших дней явились пьеса Ромашева «Бойцы» и пьеса В. Гусева «Слава». Интересные, как попытка выхода в круг большой и актуальнейшей темы, эти пьесы, однако, не смогли со всей глубиной и широтой обобщения реализовать намеченные ими темы.

Угроза нападения фашистских стран на СССР, резкое, все усиливающееся напряжение международной обстановки, сопровождающееся увеличением очагов войны в разных частях света, диктуют советским писателям темы будущей войны. Первым удачным шагом в этом направлении следует считать «На дальнем Востоке» Павленко. Это первая советская книга о будущей войне. Не лишенная существенных недостатков, эта книга, несомненно, повлечет за собой появление новых книг о будущих битвах Красной Армии и о ее неизбежных гигантских победах в борьбе с врагами великой страны социализма.

И, наконец, следует отметить один из важнейших участков литературы, посвященной Красной Армии и обороне страны, — красноармейскую песню. Хотя наши поэты далеко еще не полностью покрыли счет, предъявленный им Красной Армией, но и в этой области мы имеем несомненные достижения. «Конная Буденного» Асеева, «Партизанская», «Забайкальская» Алымова, «Конармейская», «Полюшко» Гусева, «Каховка» Светлова, «Партизан Железняк» Голодного, «Песня о Щорсе» Канатова, ряд песен поэта орденоносца Лебедева-Кумача стали не только любимыми красноармейскими, но и подлинно-народными песнями. И с каждым годом актив красноармейской песни все растет.

Перечисленными книгами и именами не исчерпывается актив нашей оборонной литературы. В каждой из литератур братских народов СССР есть свой оборонный золотой фонд произведений, и все это вместе взятое есть рапорт советской литературы Красной Армии, ее руководителю, первому маршалу страны социализма товарищу Ворошилову, нашей родной коммунистической партии большевиков и вождю народов товарищу Сталину.

Советские писатели с гордостью носят звание оборонных писателей страны социализма.

Фото Ревкина

В парткабинете Ленинградского ДКА.

Шахматы в Красной Армии

Бойцы нашей доблестной Красной Армии и Флота живут свободной и культурной жизнью. Они сочетают упорную работу по политическому просвещению и овладению техникой военного дела с разумным отдыхом, спортом и развлечениями.

Большой любовью и популярностью пользуются у наших бойцов шахматы. Часы своего досуга они охотно посвящают этой игре, в которой в своеобразной форме находят свое отображение многие принципы военной стратегии и тактики.

Среди бойцов и командиров Красной Армии и Флота много квалифицированных шахматистов. Имена товарищей Аветисова — чемпиона славной ОКДВА, Дурнева — чемпиона московского гарнизона, Васильева, Павлова, Багдасарьяна и многих других хорошо всем известны. Не только в шахматных соревнованиях в частях, но и в общегражданских краевых и республиканских состязаниях шахматисты Красной Армии и Флота выступают с большим успехом. К сожалению, давно уже не было проведено турнира на выявление чемпиона Красной Армии и Флота. Надо надеяться, что в 1938 году такой чемпионат будет организован. Он, несомненно, еще более поднял бы интерес к шахматам и способствовал бы организационному укреплению шахматной работы в частях.

Кроме игры, большой любовью пользуется также и другая область шахматного искусства — композиция. Наши бойцы любят посидеть над решением какой-нибудь остроумной шахматной головоломки, сложного этюда или задачи. В этой области достигнуты уже большие успехи. Участники наших конкурсов показывают большие знания и способность разобраться во всех тонкостях позиции. Возьмем, к примеру, младшего командира товарища Тарансенко И. Я., превосходно, с указанием всех вариантов, решившего все три, довольно сложные, трехходовки из нашего XX конкурса, или младшего командира товарища Шарапова Б. П. — победителя нашего XXI конкурса решений, включавшего три остроумных шахматных этюда.

В заключение приводим интересную партию одного из турниров Военно-инженерной академии РККА, насыщенную борьбой и характеризующую высокое качество игры лучших шахматистов Красной Армии.

Васильев — *Багдасарьян*

Голландская

1. d2—d4	e7—e6
2. Kg1—f3	f7—f5
3. g2—g3	Kg8—f6
4. Cf1—g2	Cb8—b4+
5. c2—c3	Cb4—e7
6. 0—0	d7—d6
7. c3—c4	Kf6—e4
8. Фd1—c2	0—0
9. Kb1—c3	Ke4 : c3
10. Фc2 : c3	

Лучше было 10. b : c и затем Лb1

10...	Ce7—f6
11. Cc1—d2	

Чемпион ОКДВА по шахматам тов. Аветисов.

Пассивный ход, позволяющий белым подготовить и осуществить продвижение центральной пешки.

11...	Kb8—c6
12. Лa1—d1	Фd8—e7
13. b2—b4	e6—e5!
14. Cd2—e3	e5—e4!
15. Kf3—d2	Cc8—e6
16. b4—b5	Kc6—b8
17. f2—f3	d6—d5
18. Kd2—b3	d5 : c4
19. Kb3—d2	a7—a6!

Сильный ход. Белые надеялись быстро отыграть пешку, но не заметили этого хода черных.

20. f3 : e4	a6 : b5

Грозит Лa3 с выигрышем фигуры.

21. e4—e5	Фe7—a3
22. Kd2—b1	Фa3 : c3
23. Kb1 : c3	b5—b4
24. Kc3—b5	Cf6—d8
25. d4—d5!	Ce6—d7
26. Kb5—d4	Лa8 : a2

Черные создали себе грозные проходные пешки на ферзевом фланге. В это время, однако, и у белых образовался в центре сильный пешечный кулак. Последнюю часть партии товарищ Васильев провел превосходно.

27. e5—e6	Cd7—a4
28. Лd1—e1	g7—g6
29. Ce3—h6!	Лf8—e8
30. e2—e4	Cd8—f6?

Явно слабо и непонятно.

31. e4—e5	Cf6—e7
32. g3—g4	f5 : g4

Лучше было 32... Cc5 33. g : f, C : d4+ 34. Kph1, g : f 35. Л : f5 с вероятной ничьей вечным шахом.

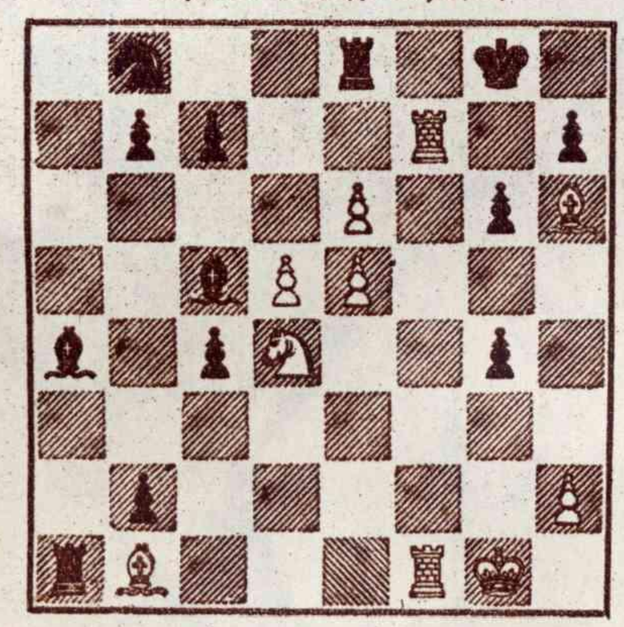
33. Лf1—f7	b4—b3
34. Лe1—f1	l3—b2
35. Cg2—e4	Лa2—a1
36. Ce4—b1	Ce7—c5

За шахматами в ленуголке N-ской части МВО.

Институт литературы АН СССР.

На доске создалось исключительно сложное положение: все висит на волоске. Товарищ Васильев, однако, находит ход, сразу выясняющий по-

Черные (Багдасарьян)



Белые (Васильев)
Положение после 36 хода черных.

зицию, после которого положение черных становится безнадежным.

37. Крg1—g2! Ла1 : b1
38. Лf1 : b1 Сс5 : d4
39. Лb1—f1 Сd4—с5
40. d5—d6! Черные сдались.

ШЕСТАЯ ПАРТИЯ

Играна в Гаарлеме 16 октября 1937 г.

Чешская защита

А. Алехин	М. Эйве
1. d2 — d4	d7 — d5
2. c2 — c4	c7 — c6

В первой половине матча оба противника, играя черными, упорно избирали чешскую защиту. В дальнейшем, однако, Эйве применил за белых ряд новинок, разработанных им, повидимому, заранее, в порядке подготовки к матчу. В четырех партиях он добился победы над Алехиным, избиравшим эту защиту. В конце концов, она была полностью дискредитирована и после 14-й партии более уже не встречалась в матче.

3. Кb1 — c3 d5 : c4
4. e2 — e4

Алехин избирает острое продолжение. Можно было также играть 4. e2 — e3, и если теперь 4 . . . b5, то 5. К : b5, с : b 6. Фf3, отыгрывая фигуру. На 4. a4 могло последовать 4. . . e5! с хорошей игрой у черных.

4. . . . e7 — e5

В ответ на этот ход Эйве ожидал: 5. d : e, Ф : d1.+ 6. Кр : d1 Се6. Алехин, однако, рядом блестящих ходов опрокидывает все расчеты Эйве. Одна неожиданность следует за другой.

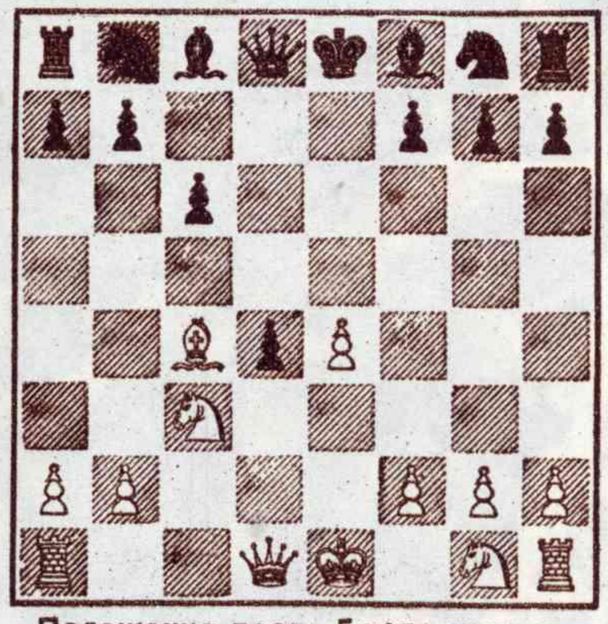
5. Сf1 : c4! e5 : d4
6. Кg1 — f3!!

Смело и красиво сыграно,

6. . . . b7 — b5.

Взять коня Эйве не решился. В этом случае возможен был такой вариант: 6. . . d : c 7. С : f7, Кре7 8. Фb3! Кf6! 9. Кg5 с едва ли отразимой атакой у белых.

7. Кс3 : b5!



Положение после 5 хода черных.

Этот ход не явился для Эйве неожиданностью, ибо он надеялся на силу своего седьмого хода. Однако, дальнейшее течение партии показывает всю ошибочность стратегии черных.

В сущности говоря, после седьмого хода белых партия черных уже проиграна. Небывалый случай с таким знаменитым теоретиком и знатоком дебютов, каким является Эйве!

7. . . . Сс8 — а6

на 7. . . с : b следует 8. Сd5!

8. Фd1 — b3 Фd8 — е7
9. 0 — 0 Са6 : b5
10. Сс4 : b5 Кg8 — f6
11. Сb5 — с4 Кb8 — d7
12. Кf3 : d4 Ла8 — b8
13. Фb3 — с2 Фе7 — с5
14. Кd4 — f5 Кd7 — е5
15. Сс1 — f4 Кf6 — h5

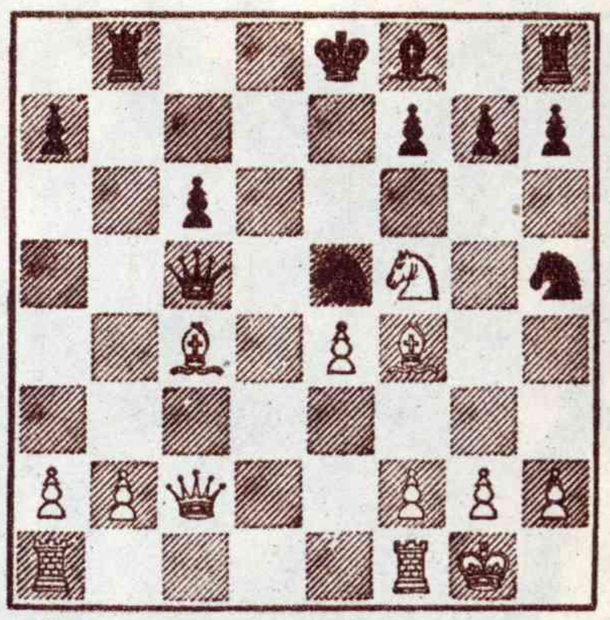
Алехин—чемпион мира

Матч-реванш на первенство мира, начавшийся 5 октября, закончился 7 декабря 1937 г. на 25-й партии матча.

Алехин, превосходно игравший весь матч, а особенно его заключительную часть — последние 5 партий, в которых он набрал $4^1/_2$ очка, к 25-й партии уже имел $15^1/_2$ очков, т. е. количество, которое ему обеспечило победу в матче.

В одном из ближайших наших отделов мы дадим оценку этого исторического шахматного единоборства и перспективу дальнейшей борьбы за мировое первенство, а пока ограничимся приведением весьма показательной статистики хода матча.

Партия	Алехин	Эйве	Название дебюта	Число ходов	Счет матча
1	0	1	Чешская защита	50	0 : 1
2	1	0	» »	41	1 : 1
3	$^1/_2$	$^1/_2$	» »	58	$1^1/_2 : 1^1/_2$
4	$^1/_2$	$^1/_2$	» »	27	2 : 2
5	0	1	Ферзев. гамбит	41	2 : 3
6	1	0	» »	23	3 : 3
7	1	0	Чешская защита	34	4 : 3
8	1	0	Защита Нимцовича	26	5 : 3
9	$^1/_2$	$^1/_2$	Чешская защита	41	$5^1/_2 : 3^1/_2$
10	1	0	Защита Нимцовича	40	$6^1/_2 : 3^1/_2$
11	$^1/_2$	$^1/_2$	Чешская защита	30	7 : 4
12	$^1/_2$	$^1/_2$	Защита Нимцовича	26	$7^1/_2 : 4^1/_2$
13	0	1	Чешская защита	68	$7^1/_2 : 5^1/_2$
14	1	0	Ферзев. гамбит	65	$8^1/_2 : 5^1/_2$
15	$^1/_2$	$^1/_2$	Чешская защита	68	9 : 6
16	$^1/_2$	$^1/_2$	Ферзев. гамбит	65	$9^1/_2 : 6^1/_2$
17	0	1	Чешская защита	41	$9^1/_2 : 7^1/_2$
18	$^1/_2$	$^1/_2$	Ферзев. гамбит	51	10 : 8
19	$^1/_2$	$^1/_2$	Защита Нимцовича	49	$10^1/_2 : 8^1/_2$
20	$^1/_2$	$^1/_2$	» »	40	11 : 9
21	1	0	Ново-индийская	32	12 : 9
22	1	0	Дебют Рети	62	13 : 9
23	$^1/_2$	$^1/_2$	Ново-индийская	50	$13^1/_2 : 9^1/_2$
24	1	0	Ферзев. гамбит	41	$14^1/_2 : 9^1/_2$
25	1	0	Дебют Рети	43	$15^1/_2 : 9^1/_2$



Положение после 15 хода черных.

Черные пытаются проявить активность, но неожиданный новый удар падает на их голову.

16. Сс4 : f7+! Кре8 : f7
17. Фс2 : с5 Сf8 : с5
18. Сf4 : е5 Лb8 : b5
19. Се5 — d6 Сс5 — b6
20. b2 — b4 Лh8 — d8
21. Ла1 — d1 с6 — с5

Грозило а2 — а4 с выигрышем ладьи

22. b4 : с5 Сb6 : с5
23. Лd1 — d5 Черные сдались.

После такого потрясающего разгрома Эйве подряд проиграл еще две партии, примерно в таком же стиле.

Редакционная коллегия Зав. редакцией Б. БОНДАРЕНКО Тех. редактор Б. МАЛИШЕВСКИЙ

Издатель Воениздат Адрес редакции: Москва, ул. Маркса и Энгельса, 17. Тел. К4-71-16

Уполн. Главлита № Г-9127. 8 п. л. 640 000 знаков. Изд. № 69. Сдан в производство 31.1.38. Подписан к печати 15.2.38. Тираж 75 200 экз. Заказ № 424.

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Валовая, 28